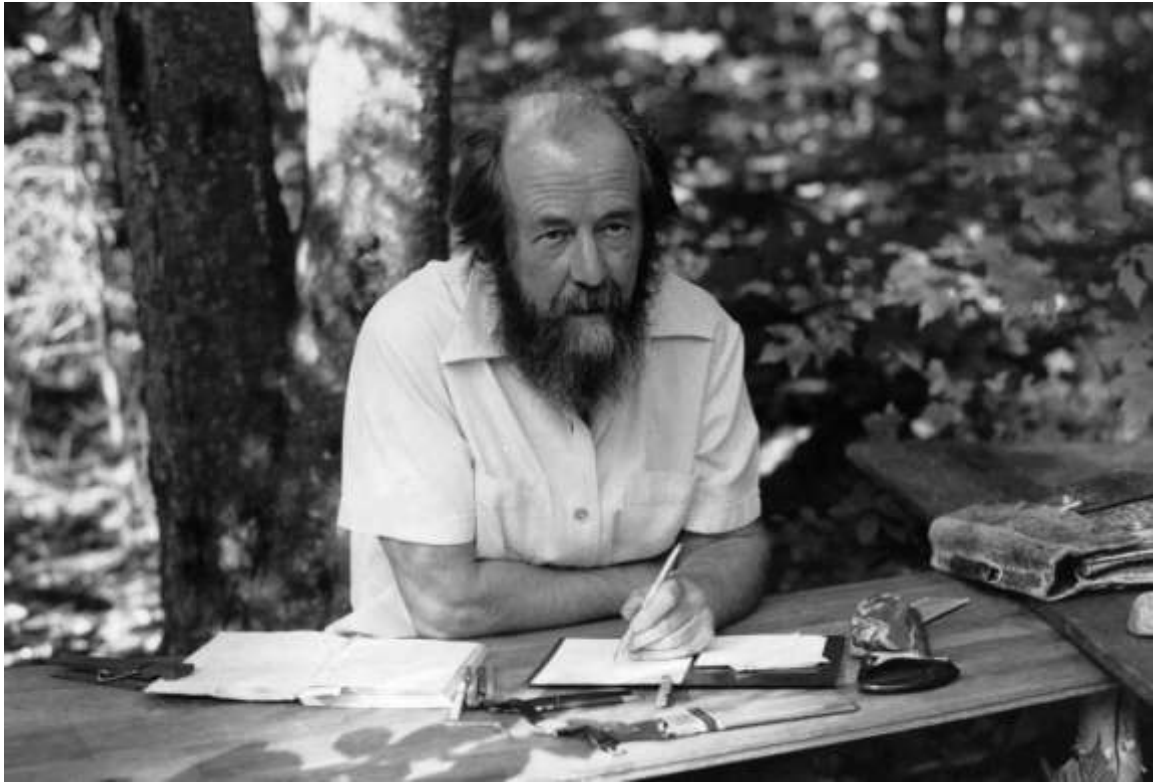

*Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система города Рязани»
Центральная городская библиотека имени С.А. Есенина
Информационно-библиографический отдел*

***Рязань помнит
Солженицына
Дайджест***

Рязань 2018

Рязанский период жизни и творчества занимает в судьбе Солженицына особое место (а это двенадцать лет, с 1957 по 1969 год, – срок немалый). В Рязани недавний политзаключённый обрёл признание, превратившись в известного писателя, словно гадкий утёнок – в красавца-лебедя. Здесь же Солженицын пережил горечь исключения из творческого сообщества. Как же попал в рязанские края будущий автор «Красного колеса», «Архипелага ГУЛАГ» и других ныне широко известных произведений?

Обо всём этом вы узнаете, ознакомившись со статьями, которые представлены в данном дайджесте.

Карева, Е. Приезжайте к Солженицыну / Е. Карева // Областная Рязанская Газета. – 2017. – 14 декабря. – С22-23.

Судьба каждого человека начинается с его корней. И все мы должны знать историю героического поколения воинов Великой Отечественной войны. Так случилось и в жизни Владимира Александровича Мазаева, который бережно хранит память о своём деде, Василии Макеевиче Пахомове, его боевые награды, последнее письмо лейтенанта Пахомова, отправленное родным 8 мая 1944 года. А ещё в их семье есть скорбный священный документ - похоронное извещение, присланное вдове Пахомова, Ефросинье Егоровне, где на пожелтевшем от времени листе написано, что лейтенант Василий Пахомов, проявив геройство и мужество в бою за Социалистическую Родину, был убит на окраине с. Шилин Барановичской области.

В книге белорусского писателя В. Давидича «Жизни своей не щадя» написано о подвиге Василия Пахомова: «Героически сражался командир взвода 4-й стрелковой роты лейтенант Василий Пахомов. Под ураганным артиллерийским огнём врага он первым форсировал р. Ясельду. Его взвод выбил гитлеровцев из траншей. С призывом «За Родину!» лейтенант во главе бойцов ворвался на окраину Шилина. Несмотря на два ранения, Пахомов отказался идти в медсанбат.

- Буду драться, - заявил он и, сделав сам себе перевязку, продолжал командовать взводом. Его бойцы уничтожили около сотни вражеских солдат. Они сражались до последнего человека. За подвиг в бою В.М. Пахомов посмертно награждён орденом Отечественной войны 2 степени.

Владимир Мазаев, внук нашего земляка, погибшего при освобождении Белоруссии Василия Макеевича Пахомова, хорошо известен рязанцам своими добрыми делами и активной жизненной позицией.

Работая в архиве и собирая по крупицам историю 174 полка, в котором воевал его дед, Владимир Мазаев нашёл сведения, что в июне 1944 года у белорусского города Рогачёв, Василий Макеевич Пахомов служил в тех местах, где проходил боевой путь батареи капитана Александра Солженицына. Так началось новое доброе дело Владимира Мазаева и его единомышленников.

Изучая документальную основу военной прозы Солженицына, Владимир Мазаев обнаружил, что в произведениях писателя упомянуты имена нескольких его сослуживцев-уроженцев Рязанской области. В романе «Архипелаг ГУЛАГ» речь идёт о солдате Бербенёве. Есть основания полагать, что это уроженец с. Пушкари Михайловского района Алексей Егорович Бербенёв.

В рассказе «Желябугские выселки» упомянут линейный Климанский. Похоже, что это был Климаков Фёдор Иванович, уроженец д. Жмурово Чапаевского (ныне Михайловского) района. В том же рассказе - наш земляк Вячеслав Александрович Накапкин, служил в звукоразведке вместе с Солженицыным.

Кроме того, в разведдивизионе и огневых дивизионах 68 армейской пушечной артиллерийской бригады служили уроженцы Михайловского района Д. Баринов, Е. Самородов, А. Старостин, Н. Судаков, Н. Куликов, Е. Фролов из Сасовского района, П. Щербаков, П. Кулешов из Сараевского района, Т. Крысин из Спасского района, Н. Ванишев из Шацка, Н. Журин из Шиловского района.

С докладом о своих научно-краеведческих находках, касающихся рассказа Александра Солженицына «Желябугские выселки», Владимир Мазаев выступил в ноябре 1916 года в Доме русского зарубежья в Москве. В январе 1917 года состоялось его выступление в Рязанской областной библиотеке имени Горького.

Мы, рязанцы, гордимся тем, что с 1957 по 1969 год Александр Исаевич Солженицын жил и работал в нашем городе. Особенно любил он с первой супругой, Натальей Алексеевной Решетовской, Солотчу. Первым же рязанским летом они поехали в Солотчу.

«Как только он попал в прекрасный древний сосновый бор, влюбился в Солотчу без оговорок», - вспоминала Наталья Алексеевна. Здесь Александр Исаевич работал, здесь' была возможность уединиться, сосредоточиться в стороне от недреманного ока госбезопасности. Солотча и маленькая лесная деревня Давыдово очень подходили для этого. В Солотче писатель ночевал в палатке, останавливался в маленькой гостинице «Загородной», затем снимал часть дома № 89 по улице Первомайской в деревне Давыдове у крестьянки Агафьи Фоломкиной. Именно здесь, в Солотче, Александр Исаевич работал над «Архипелагом ГУЛАГ», «Раковым корпусом», «В круге первом» и другими произведениями. Сохранилось даже полуразрушенное здание почты, откуда Солженицын отсылал свои произведения друзьям и в редакцию журнала «Новый мир».

Примечательно, что сыновья Солженицына, Ермолай и Степан, приехавшие в Рязань в 1992 г., в первую очередь просили сотрудников общества «Мемориал» свозить их в Солотчу и Давыдово и, по возможности, подробно показать все «отцовские места».

С весны 1958 г. супруги совершали велосипедные походы, и особенно полюбили мещёрское Сегденское озеро. О нём пишет Александр Исаевич в одной из своих первых рязанских миниатюр - «крохотке».

В Солотче Солженицыну особенно хорошо работалось: здесь спасительное уединение, ежедневная работа, природа, дарящая вдохновение. Недаром в этом месте подолгу жили и создавали свои произведения писатели Паустовский, Гайдар, Фраерман, ещё в XIX веке оценил неповторимую красоту этих мест художник Пожалостин.

И событие, которое и должно было свершиться - свершилось! Благодаря объединённым усилиям творческих людей, в гостинице «Боровница» в августе 2014 г. открылась художественная выставка «У нас в Рязани грибы с глазами», которая рассказывает о красоте Солотчи. Здесь были представлены произведения живописи, графики, скульптуры, декоративных промыслов. Работы художников С. Абакумова, В. Решедько, М. Преснякова, В. Шелудякова, уникальная работа Б. Александрова в технике горячей эмали настолько были созвучны «грибной теме», что сложились в экспозицию, словно протяжная старинная песня.

А сделать из отдельных экспонатов цельную экспозицию - это по плечу лишь профессионалам. И таковыми стали известные в Рязани и за её пределами люди: заслуженный работник культуры РФ, стоящий у истоков создания Государственного музея-заповедника С. Есенина Константин Петрович Воронцов и его супруга, заслуженный художник России, почётный член Российской академии художеств, замечательный скульптор Раиса Алексеевна Лысенина.

А в феврале 2015 г. в галерее появился зал А.И. Солженицына. Чтобы ознакомиться с этой экспозицией, едут сюда туристы не только из Рязани, но и из столицы, а также из других

городов. Здесь редкие фотографии Александра Исаевича в Солотче, их подарил Николай Васильевич Ледовских, журналист, публицист, помощник первой супруги Солженицына. Также Николай Ледовских подарил галерее бесценный экспонат - авторучку писателя и раскладной стол, который Солженицын сделал сам, и за которым работал.

Родственники врача-стоматолога Марии Магомет, у которой лечился Александр Исаевич, подарили в экспозицию номер «Роман-газеты» с дарственной надписью Солженицына.

Все экспонаты этого зала невозможно описать - их надо видеть. Но не могу сдержать своё восхищение решением проблемы двух пространств: кабинет Солженицына, где авторы решили удивительным образом создать уголок со звуками и запахами тех лет. Стол, за которым работал писатель, на нём россыпь остро заточенных карандашей - Александр Исаевич всегда держал их под рукой, когда трудился. Печатная машинка - молодёжь «компьютерного поколения» уже не знает о таких. И вдруг начинают тихонько тикать часы-ходики в углу у окна! Кажется, ты перенёлся в машине времени на шесть десятилетий назад. Нашлись и самые модные духи того времени «Красная Москва». И вот уже чувствуешь запах, отложившийся в детских воспоминаниях

Побывала в заповедной галерее вдова писателя Наталья Дмитриевна. Вот какую запись оставила она в книге отзывов: «Эта выставка - как удар в сердце. Солженицын - в той «нутряной России», которую он любил, которой служил, в которой упокоился. Земной поклон создателям - хранителям духа русской земли. Какое счастье, что не перевелись они на нашей несчастной и прекрасной земле».

А вот какой отзыв оставил в книге прославленный путешественник, Герой России Михаил Малахов: «Очень интересно, свежо, с любовью. Хотелось бы, чтобы это имело достойное продолжение».

В 2016 г. для посетителей была открыта литературно-документальная выставка «Из истории посёлка Солотча». В этом зале галереи «Боровница» можно увидеть и экспонаты, которые не встретишь ни в одном музее: это и уникальные карты этих мест А. Менде (1859 г.), и фотографии узкоколейки от Тумы до Рязани. Здесь и фото Чёртова моста 1920 года, и многочисленные фотографии Солотчинского пионерлагеря детдома им. III интернационала.

Все три зала галереи объединены единой канвой повествования, и поэтому все экспонаты и исторические реликвии взаимодополняют друг друга.

В добром деле всегда найдутся добрые помощники: это и сотрудники областной библиотеки им. Горького, и заместитель директора областного архива Дмитрий Юрьевич Филиппов, и просто увлечённые, неравнодушные люди, среди которых Александр Бабий, члены Солженицынского общества Владимир Крылов и Николай Ледовских.

Каждую субботу и воскресенье галерея «Боровница» встречает посетителей и дарит ощущение гордости за свою Родину и за великих сынов Отечества Константина Паустовского, Аркадия Гайдара, Александра Солженицына, чьи биографии - портрет эпохи.

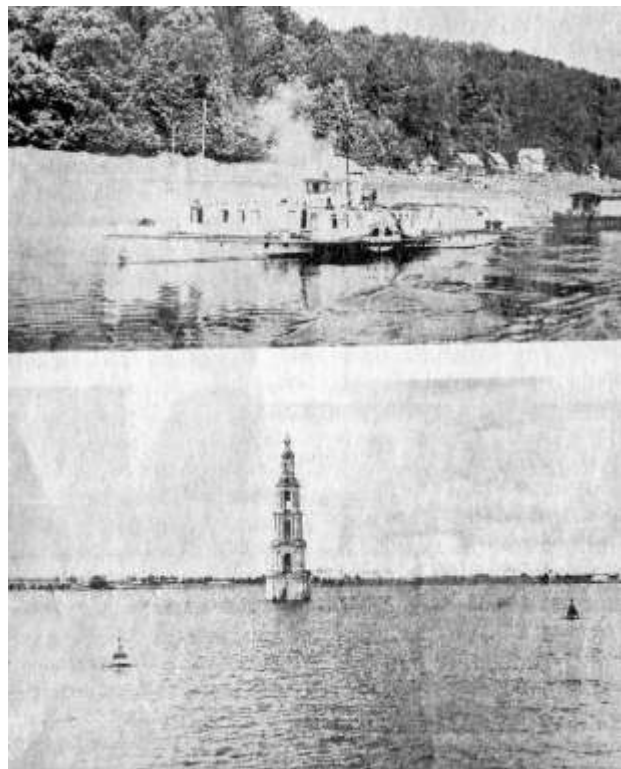
Максимова, С. Солженицын – фотограф / С. Максимова // Рязанские ведомости. – 2016. – 14 декабря. – С.5.

Неожиданное увлечение писателя представлено на экспозиции в областной библиотеке

В минувшее воскресенье исполнилось 98 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Накануне этой даты в областной универсальной научной библиотеке им. Горького открылась выставка фотографий, сделанных писателем в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия.

Отмечать дни рождения Александра Солженицына стало традицией для библиотеки. Ежегодно здесь проходят громкие чтения, посвященные тому или иному произведению писателя. Вместе с заслуженным артистом России Борисом Дмитриевым в библиотеке читали «Один день Ивана Денисовича», вместе с артистом Андреем Торховым - «Архипелаг Гулаг». Из этих часов и дней громкого чтения произведений Солженицына родился новый библиотечный проект «Литературный марафон: читаем Солженицына», посвященный празднованию столетия нобелевского лауреата. За восемь декабрьских дней этого года более ста человек пришли в библиотеку для того,

чтобы прочесть страницы романа «Красное колесо». Видеозаписи этого литературного марафона в ближайшее время будут размещены на сайте библиотеки, чтобы каждый мог услышать, как читают Солженицына вице-губернатор области Сергей Филимонов, заместитель председателя правительства области Елена Буняшина, руководители региональных министерств, ученые, артисты, студенты, школьники, медики, пенсионеры...

За последние годы в библиотеке было организовано множество различных выставок, посвященных жизни и творчеству Александра Солженицына. «Солженицын-фотограф» - еще одна экспозиция, приуроченная ко дню рождения и предстоящему юбилею писателя. Она «приехала» в Рязань из Москвы, из Дома русского зарубежья. Около 50 представленных на ней фотографий выполнены в Казахстане и Рязани. Как рассказала директор библиотеки Наталья Гришина, увлечение фотоделом для Александра Солженицына было неожиданным, оно родилось из конкретной прикладной задачи - сфотографировать свои рукописи и сохранить их в уменьшенном виде в негативах, а съемки окружающего (людей, их быта, природы) носили конспиративный характер. В Рязани увлечение фотографа продолжилось. Только одна фотография «выбивается» из общего русла выставки: портрет писателя. Он сделан в правительстве области Евгением Кашириным в 1994 году. Эта фотография сопровождает все мероприятия, связанные с именем Солженицына, и

была при жизни писателя размещена в его кабинете.

- Мы надеемся, что знакомство с этими фотографиями для всех, кто придет в библиотеку, по-новому представит страну, в которой жил Солженицын, в новых гранях раскроет глубину таланта, увлечений и точек зрения писателя, - отметила Наталья Гришина.

Репродукции из архива писателя и его ссыльного товарища Н.И. Зубова, разделявшего увлечение Александра Исаевича фотоделом, представлены в галерее второго этажа библиотеки. На обороте фотографий присутствуют рукописные комментарии Солженицына, некоторые из них приводятся факсимильно.

ОТЗЫВЫ ПОСЕТИТЕЛЕЙ:

- Экспозиция показывает, насколько многогранна личность Александра Исаевича Солженицына. То, что он увлекался фотографированием, известно, но то, что он выступил в роли фотохудожника, ново и неожиданно. На фотографиях видна композиция, умение найти интересное в кадре, выхватить важный для автора момент жизни, кусочек пейзажа, - поделился впечатлением руководитель научно-просветительского центра по изучению наследия А. И. Солженицына Александр Сафронов.

- Глядя на эти фотографии, понимаешь, как Александр Исаевич любил Россию, - уверен председатель Совета Рязанского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» Анатолий Карпус.

- Выставка доставляет удовольствие - интеллектуальное, художественное, душевное.

Представленные фотографии имеют большую ценность, в них смесь двух направлений - документального и художественного. Мы видим зафиксированное документальное отражение и взгляд автора, - поясняет секретарь Рязанского союза фотохудожников Николай Середа.

Болтикова, Е. Вместе с Солженицыным / Е. Болтикова // Рязанские ведомости. – 2015. – 27 февраля. – С.7.

По следам одного рассказа

Ожидая своего друга после занятий у главного корпуса Рязанского колледжа электроники, я обратила внимание на мемориальную доску на фасаде здания. Надпись на ней гласит: «В этом здании с февраля по апрель 1963 года собирал материалы к рассказу «Для пользы дела» русский писатель, лауреат Нобелевской премии, Почетный гражданин Рязани Александр Исаевич Солженицын».

После на одном из стендов в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина я

увидела фотографии знакомых мне зданий колледжа электроники и НИИ «НПО Плазма». В подписях под ними тоже упоминалось про рассказ «Для пользы дела».

«Это было самое просторное помещение в здании техникума, здесь даже собрания устраивали, протягивая еще репродукторы в коридоры».

Именно на этой верхней маленькой площадке лестницы, у дверей учительской, берет начало рассказ Александра Исаевича Солженицына «Для пользы дела». А находился техникум электронных приборов в то время в одной из невзрачных, ничем не примечательных глазу двухэтажек, вытянувшихся вдоль Куйбышевского шоссе в Рязани. Именно здесь произошли события, описанные в рассказе. Тогда учащимся не удалось переселиться отсюда в новое здание, которое «для пользы дела» передали престижному НИИ.

Наталья Решетовская, первая жена Александра Солженицына, пишет в своих мемуарах: «Как-то я пересказала мужу историю, услышанную от преподавательницы Рязанского политехнического техникума, о том, как «почтовый ящик» отобрал здание общежития у техникума. Тема - животрепещущая, для «Нового мира» вполне подойдет! И вот в начале февраля 1963 года Александр Исаевич отправляется в техникум, где около двух часов беседует с директором.

Его все больше увлекает тема рассказа. Снова говорит с директором, с преподавателями, ходит по лабораториям, присутствует на защите дипломных проектов, на вечере самодеятельности, на уроках... Доволен».

«-Ну, Лидия Георгиевна! Когда переезжаем? Когда?!

- Ребятки, семь лет ждали! Подождем еще двадцать минут».

Можно понять нетерпение студентов, удивительно точно переданное писателем. Они своими руками помогали строить новое здание. Александр Исаевич подробно описал и состояние, в котором пребывало старое здание: работать приходилось в две смены, в лабораториях места не хватало - разные практикумы приходилось проводить в одном помещении. Студенты даже хотели писать жалобу в Москву, собрать все 900 Подписей или даже устроить забастовку. Переделки уже готового здания Выпились бы в кругленькую сумму, поскольку оно было совершенно не приспособлено для научно-исследовательского института. Но разве это справедливо, вот так обманывать студентов, с нетерпением ожидавших дня заселения?

«Снаружи на пустыре перед техникумом, где плохо привились маленькие деревца, было еще сотни две ребят...»

Эти маленькие деревца значительно выросли с того времени. Они скрывают здание второго корпуса Рязанского колледжа электроники за своими пышными кронами. Скромный скверик, которому в рассказе отведено немаловажное место, окружен с трех сторон учебными корпусами и с четвертой - жилой пятиэтажкой. Он так и остался безмянным, а ведь мог стать достопримечательностью не только для студентов колледжа, но и для всех жителей Рязани.

«А выйдя, пошел к переезду, не замечая этого сам, все перетеребливая в уме те десятки жизненных важностей, которые терял техникум вместе с новым зданием.»

Этого железнодорожного переезда, располагавшегося там, где улица Циолковского переходит в Куйбышевское шоссе, уже давно нет. Электрички и поезда идут по длинному мосту, не мешая ни автотранспорту, ни пешеходам. А в 60-е годы прошлого века здесь был переезд, полосатый шлагбаум, порой надолго перекрывавший оживленную транспортную артерию. Собирая материалы к рассказу «Для пользы дела», Александр Исаевич несколько раз проделывал путь Федора Михеевича - пешком от старого здания техникума до нового.

Описанию этой сцены в рассказе соответствует всего девять строк. Писатель раскрывает образ директора техникума, готового отстаивать свое здание, вдруг ставшее чужим. Федор Михеевич, бывший фронтовик, бесстрашно бросившийся в атаки на врага, с боевыми наградами за отвагу и храбрость, в мирной жизни не смог бороться с несправедливостью.

«Тому тебя рядом общежитие начато? Достроишь - будет техникум! Ясно?»

Так в рассказе Александра * Солженицына «Для пользы дела» секретарь обкома Кнорозов (в реальной жизни - А.Н. Ларионов) решил участь нынешнего главного корпуса колледжа электроники. Здание достроили, но для этого пришлось переконструировать фундамент, который к тому моменту уже был заложен.

«Имеется такое постановление нашего министерства, что важный номерной научно-исследовательский институт, запланированный открыть в нашем городе, будет размещен в тех зданиях, которые первоначально планировалось отдать вашему техникуму...»

Более полувека улицу Циолковского в Рязани украшает здание с башенкой, которое так и не удалось в свое время отвоевать учащимся техникума электронных приборов. Расположенное в этом здании то самое секретное оборонное НИИ пережило периоды процветания, упадка и возрождения. В настоящее время ОАО «Плазма» является крупнейшим в России разработчиком и производителем газоразрядной техники.

По мнению Николая Ледовских, литературного секретаря Натальи Решетовской, тема рассказа была злободневной, произведение - нашумевшим и вызвавшим в свое время резонанс по всей стране. Описанная в рассказе история не была единственной в стране. Подобное случалось и в Москве, и в Алма-Ате. Николай Ледовских помог техникуму в создании музея и открытии мемориальной доски на фасаде здания.

27 июня 2003 года в главном корпусе Рязанского колледжа электроники был открыт музей рассказа «Для пользы дела». В экспозицию музея вошли мемориальные вещи, фотографии, воспоминания прототипов героев рассказа и факты из истории создания литературного произведения. Примечательно, что из восьми существующих в мире подобных музеев два находятся в Рязанской области - второй в Константинове, где есть экспозиция, посвященная поэме С.А. Есенина «Анна Снегина».

Теперь, проезжая по улицам Рязани, я обращаю внимание на фасады зданий. Может, и их стены скрывают мало кому известную историю.

Крылов, В. Сосновый бор также был его кабинетом / В. Крылов // Рязанские ведомости. - 2015. - 11 февраля. - С.4.

В Солотче открылась музейная экспозиция, посвященная А.И. Солженицыну

6 февраля в художественной галерее при гостиничном комплексе «Боровница» открылась выставка «А.И. Солженицын в Солотче. Фотографии, документы, воспоминания». На открытии выставки присутствовали и выступили заместитель Председателя Правительства области Елена Буяшина и министр культуры и туризма региона Виталий Попов.

Первые посетители — и официальные лица, и представители общественных организаций Москвы, Рязани и Владимирской области — назвали выставку музеем. И есть за что.

Помещение на первом этаже комплекса так удачно оформили и обставили экспонатами заслуженный художник России Раиса Лысенина и есениновед Константин Воронцов, что при первых шагах сразу же появляется ощущение встречи с прекрасным. И это не только множество редких фотографий, документов, предметов писательского быта, но и удачно подобранное цветовое и фоновое оформление дверей в комнате, окон, подсветки витрин, оформление стен и пола. Все это создаёт атмосферу 60-х годов XX века, когда Александр Исаевич работал в Солотче над рассказом «Для пользы дела» и в деревне Давыдово над «Раковым корпусом» и «Архипелагом ГУЛАГ».

Важная составляющая музейной экспозиции - подлинные вещи писателя, которые предоставил владельцам галереи исследователь творчества А.И. Солженицына Николай Ледовских. Солженицынский походный письменный стол, стул, пишущая машинка «Колибри», радиоприёмник «Спидола», фотоаппарат, ручки, карандаши и другие предметы - все это воспринимается как часть музейного пространства. Среди впервые представленных публике документов фотография, сделанная Александром Солженицыным в далёком 1963 году. На ней Наталья Алексеевна Решетовская на ступенях комплекса «Боровница», тогда именовавшегося гостиницей «Загородная». А в одной из витрин выставлено малоизвестное исследователям личное дело писателя А.И. Солженицына от 1962 года.

И таких новинок в этом третьем по счёту в нашем городе солженицынском музее немало. Да, теперь к музею рассказа «Для пользы дела» в Рязанском колледже электроники и Солженицынскому залу в РГУ имени С.А. Есенина прибавляется ещё одно памятное место писателя, тесно связанное с рязанской землёй, где более 50 лет назад он жил и работал.

Официальное открытие солженицынской выставки в гостиничном комплексе «Боровница» в Солотче состоится сегодня 11 февраля, в 15.00. Главный ее инициатор, вдохновитель этого благого дела, рязанский подвижник Владимир Александрович Мазаев приглашает всех.

Потапов, А. Новый год Александра Исаевича / А. Потапов // Панорама города. – 2014. – 24 декабря. – С.70.

Как известно, 2015 год пройдёт в России как Год литературы. С рязанским краем связаны творческие судьбы многих выдающихся поэтов, прозаиков и публицистов, о которых мы будем рассказывать в течение всего года. Сегодня — страничка из жизни нобелевского лауреата Александра Солженицына.

«ВЛЮБИЛСЯ В СОЛОТЧУ БЕЗ ОГОВОРОК»

Александр Исаевич Солженицын с 1957 по 1969 год жил в Рязани, в доме № 12 по 1-му Касимовскому переулку (ныне ул. Урицкого, 17). Он работал учителем физики и астрономии в школе № 2. Как же попал в рязанские края будущий нобелевский лауреат?

30 декабря 1956 года писатель после освобождения из ссылки в первый раз приехал в наш город, намереваясь возобновить отношения со своей женой Натальей Решетовской. С нового года бывший политзаключённый принял решение начать новую жизнь. Мороз в предновогодние дни стоял суровый, но Наталья Алексеевна и Александр Исаевич словно бы его не замечали: бродили по городу, гуляли по набережной Трубежа, побывали в кремле. Не преминули зайти и в городской загс, намереваясь заново оформить брак. Но тут сама судьба сделала им новогодний подарок: выяснилось, что в паспорте Солженицына не было пометки о разводе с Решетовской! Бывшие супруги решили возобновить семейную жизнь, и новый, 1957 год Александр Исаевич встретил в Рязани, а летом следующего года перебрался в наш город на постоянное место жительства.

Солженицын и Решетовская в Давыдове

Семейные узы были вновь завязаны, однако супруги оценивали тот период жизни по-разному. Солженицын: *«Я переехал в Рязань (вновь соединился со своей первой супругой Натальей Решетовской — ложный шаг, впоследствии нам обоим дорого стоивший)»*. Решетовская: *«Хотя мы сильно ограничили себя в развлечениях, но это были самые счастливые годы нашего супружества»*.

Поездки писателя по рязанскому краю начались с Солотчи. *«Когда Александр Исаевич появился в Рязани, я повезла его в Солотчу, — вспоминала Решетовская. — Знакомство с ней началось с реки, по которой мы катались на лодочке. Солженицына водная прогулка не особенно воодушевила. Но как только он попал в прекрасный древний сосновый бор, влюбился в Солотчу без оговорок. Сюда мы очень любили приезжать как летом, так и зимой. Гуляли в лесу, катались на лыжах...»*

ТИХОЕ ЖИТЬЁ

Александр Исаевич в Рязани вёл довольно тихое житьё: работал учителем, много писал и постоянно пытался пробить публикацию своих произведений. Наконец в одиннадцатом номере «Нового мира» за 1962 год была опубликована повесть «Один день Ивана Денисовича».

«Когда к супругу пришла известность, — вспоминала Решетовская, — на наш дом обрушился поток корреспондентов и визитёров... Он решил, что скроется от этого шквала в Солотче. Поэтому перед разливом он уезжал и, отрезанный от всего мира, писал».

Рассказ «Для пользы дела» Александр Исаевич писал, основываясь на конкретном рязанском материале. Суть же в следующем. В городе строилось здание техникума. Работали и сами учащиеся. И вдруг из обкома последовало указание отдать это здание военному заводу — *«для пользы дела»*. Александра Солженицына взволновал такой поворот событий. Он собрал материал и поехал работать в Солотчу, где поселился в двухкомнатном номере гостиницы, располагавшейся в бывших монастырских помещениях. Весенний разлив Оки отрезал Солотчу от Рязани (постоянного моста через Оку тогда ещё не было). Однако Солженицыну как раз и нужны были уединение и успокоение, которые дала ему Солотча.

В апреле 1963 года писатель закончил первую редакцию рассказа. Наталья навестила мужа на майские праздники. Незадолго до этого в гости к Солженицыну приезжал Борис Можжаев. Писатели вместе прогуливались по солотчинским местам, любовались весенним разливом, вдыхали аромат мешёрских сосен...

В конце мая писатель вернулся в Рязань, а в начале лета снова отправился в Солотчу, где обдумывал повесть «Раковый корпус». Решетовская так вспоминала об этом периоде: *«У мужа продолжается передышка между рассказом «Для пользы дела» и «Раковым корпусом». Пока не пишет. Готовится. Настраивается»*.

Летом Солженицын вместе с женой совершил несколько велосипедных поездок по рязанским окрестностям, затем вновь отправился в Солотчу. Поселился в отдельном домике

гостиничного комплекса и засел за «Раковый корпус» и одновременно заканчивал работу над «Шарашкой» (окончательный вариант названия — «В круге первом»).

В ДОМЕ «ВТОРОЙ МАТРЁНЫ»

В Солотче в голове писателя зрели замыслы «Красного колеса». Позже он перебрался жить в Давыдово — деревню, которая по существу слилась с Солотчей. *«И здесь я нашла ему «вторую Матрёну», как в шутку мы иногда называли хозяйку дома Агафью Ивановну Фоломкину, — писала супруга писателя, имея в виду героиню рассказа Солженицына «Матрёнин двор». — У неё он прожил зиму 1965 года, заканчивал писать «Архипелаг ГУЛАГ»... На маленьком календаре у него было записано: «Февраль-март — лучшее время года».* Действительно, писателю жилось в ту зиму благостно, плодотворно и хорошо работалось. Перед обедом он катался в лесу на лыжах, потом отдыхал и снова — за рабочий стол.

Изба Фоломкиной состояла из двух половин. В меньшей половине ютилась хозяйка, а в большой комнате, которую на лето Агафья обычно сдавала дачникам, трудился Солженицын. Здесь он начал осуществлять свою давнишнюю мечту — готовить материалы для «Р-17», «повествования в отмеренных сроках». В дальнейшем в Давыдове он *работал* над романом «Август четырнадцатого» — первым и, пожалуй, лучшим романом эпопеи «Красное колесо».

В дальнейшем Солженицын не раз приезжал в Солотчу и Давыдово. Новый, 1968 год он встретил в Давыдове. Здесь в последующие месяцы писатель завершил третью редакцию «Архипелага...».

Но тихое житьё в Рязани закончилось для него драматически. В 1969 году он был исключён из Союза писателей, потом уехал в Москву, а затем был выдворен из страны...

Крылов, В. И. Двадцать лет спустя / В. И. Крылов // Рязанские ведомости. – 2014. – 10 октября. – С.18.

20 лет назад, вернувшись в Россию, А.И. Солженицын побывал в Рязани

Я непосредственный участник тех знаменательных событий октября 1994 года, когда в наш город приехал его Почетный гражданин, всемирно известный писатель Александр Исаевич Солженицын.

В четверг, 6 октября, в сумерках на вокзале Рязань-2 собрались жители города. Официальные лица, выйдя из черных автомобилей, прохаживались особняком. В 21.56 подошел поезд Воронеж – Москва, и из вагона № 11 вышел Александр Исаевич, спустился на перрон и попал в наши объятия. Ответив быстро на вопросы журналистов, он позволил себя сфотографировать на память и в сопровождении представителей власти отправился в гостиницу «Первомайская».

7 октября Александр Исаевич гулял по городу. Он зашел в кремль, осмотрел Успенский и Христорождественский соборы, дворец Олега, колокольню, церковь Спаса-на-Яру, памятник С.А. Есенину, побывал у дома № 17 на улице Урицкого, где жил раньше. Ходил везде один. Он сам попросил, чтобы ему не мешали. Фотографам – москвичу Н. Ледовских и рязанцу И. Евстифееву – пришлось следовать за ним на небольшом расстоянии.

В 16.00 он приехал в библиотеку имени Горького, где собрались его почитатели. Перед

началом встречи мы обговорили план работы. Гость пожелал сначала познакомиться с фондами библиотеки, нашел свое место и стол, за которым работал в бытность читателем, оставил запись в книге почетных гостей.

Но вот он взял микрофон и начал говорить. Говорил он простым, доступным языком. Почти утерянная нами сочная русская лексика заморозила всех слушателей. Он говорил о том длинном пути, который ему пришлось пройти, чтобы вновь вернуться на свой круг – в эту библиотеку, в книжный храм, который значил в его жизни очень многое. Как писатель он сформировался, читая книги, поэтому и первый поклон, первая встреча – с библиотекой.

Касаясь творчества современников, А. Солженицын по блеску выделил Шукшина, Астафьева, Белова. В классической литературе назвал Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. После двухчасовой встречи А. Солженицын в течение еще двух часов подписывал на память свои книги. Ни один из почти 200 читателей не ушел без автографа. 8 октября, в субботу, в День преставления преподобного Сергия, я подъехал к Александру Исаевичу в гостиницу к 9 часам утра, но в номере его не застал. Он с букетом цветов отправился к своей бывшей помощнице, надежному другу Наталье Евгеньевне Радугиной. Встреча растянулась не на один час, вспомнилось то время, когда создавался «Архипелаг ГУЛАГ» и приходилось прятать рукописи, таиться, сохраняя быт писателя-подпольщика.

После обеда А. Солженицын посетил школу № 2, где он учительствовал в 60-е годы. Ему была устроена торжественная встреча, его снимало школьное телевидение, брали интервью местные краеведы, выступали самодеятельные артисты... Писатель прошелся по школьным коридорам, осмотрел памятный уголок, посвященный ему, зашел в кабинет, в котором некогда учил детей. Школьная встреча завершилась общением с педагогами.

А в 15.00 состоялась встреча лауреата Нобелевской премии с главой администрации Рязанской области. На ней не поднимались вопросы большой политики и литературы, прозвучали слова благодарности за встречу и прием в областном центре.

Субботний день венчала встреча писателя с общественностью Рязани в педагогическом университете имени С.А. Есенина в корпусе на улице Ленина. Она продолжалась около четырех часов и по воле гостя делилась на три части. Сначала все желающие задавали вопросы писателю. Затем он отвечал на них. А в конце – автографы. Переполненный зал выдержал достойно этот литературный марафон. Всего от микрофонов выступили и задали вопросы 26 человек – учителя, политики, рабочие, пенсионеры, военные, студенты, журналисты... Их выступления были похожи на исповедь перед человеком, которому они доверяют самые сокровенные мысли. Как помочь стране? Как обустроить Россию? Как спасти Отечество?

В своем выступлении А. Солженицын свободно цитировал работы экономистов и литераторов, политиков и священнослужителей, приводил цифры и факты. Зал находился в плену его обаяния. Каждый желающий получил автограф писателя. Он раздавал их в течение полутора часов. Рязанский Субботний телеканал вел прямую трансляцию встречи.

9 октября Александр Исаевич отправился в село Пощупово, в Свято-Иоанно-Богословский монастырь. Писателя встречали прихожане и насельники монастыря во главе с настоятелем архимандритом Авелем. Он пригласил литератора в подвальный склеп собора, где находятся мощи рязанских святых. Древняя Рязань открылась писателю из-под этих сводчатых потолков, от крестов и ликов божьих угодников. А.И. Солженицын принял участие в службе, которую проводил отец Апель, отобедал с послушниками монастыря. Он отказался от подарков, а книги по истории мужской обители принял с благодарностью.

Затем Александр Исаевич отправился в Солотчу и в деревню Давыдово, где он в 60-е годы провел долгие месяцы за литературной работой. К сожалению, здесь старые впечатления не совпали с сегодняшней реальностью. Дома Агафьи Ивановны Фоломкиной писатель не нашел, он был перенесен внутрь усадьбы. Там он и стоит, как память о «второй Матрене».

День 10 октября тоже был солнечным и веселым. А. Солженицын рано утром уехал к утренней службе в Малышинскую богадельню. Он поговорил с заведующим, с настоятелем, посетил палаты.

В этот день Александр Исаевич побывал на кладбище у Скорбященской церкви, оставил цветы на могиле близкого ему человека М. К. Решетовской. У нас зашел разговор о личном деле капитана Солженицына в областном военкомате. Я сказал, что его там не оказалось. Александр

Исаевич удивился: ордена он получал здесь, восстанавливал звание здесь. Писал автобиографию, заполнял личный листок. Мы сошлись во мнении, что его военное дело находится в Москве, куда было затребовано после его высылки из страны в феврале 1974 года. Выбравшись на аллею, мы медленно двинулись к Скорбященской церкви. У часовни А. Солженицын остановился и осенил себя крестом. Бронзовая листва медленно падала на землю, кругом были умиротворение и тишина. К Епархиальному управлению мы подъехали в полдень. Ворота были раскрыты, нас ждали. Распахнулась дверь, и на пороге появился архиепископ Симон. Солженицын шагнул к Владыке, поцеловал его руку и склонил голову. Архиепископ пригласил писателя в покои. На личной встрече с ним настаивал сам Александр Исаевич для того, чтобы обсудить политику Русской православной церкви в условиях реформирования страны. Владыка с пониманием отнесся к пожеланию гостя.

После встречи с архиепископом Симоном, ровно в 14. 00, мы накоротке встретились с Александром Исаевичем в гостинице, обменялись телефонами, попрощались. Черная «Волга» резко взяла с места и помчалась по проспекту в сторону Москвы.

Октябрь 1994 года навсегда останется в памяти рязанцев. Ведь в литературной истории Рязани вслед за Салтыковым-Щедриным, Полонским, Есениным вписано имя Александра Солженицына, который жил и плодотворно работал здесь.

Теплота оказанного ему рязанцами в октябре 1994 г. приема является лишь доказательством того, что писатель чувствовал эту землю, любил ее, и читатели это чувствовали, понимали.

Ледовских, Н. Путь и простор / Н. Ледовских // Рязанские ведомости. – 2013. – 21 декабря. – С.3.

Фотоновеллы о Солженицыне

В год 95-летия со дня рождения Александра Солженицына по России путешествует уникальная фотовыставка «Неизвестный Солженицын». Она уже побывала в Гусь-Хрустальном, Пензе, Самаре... А в Рязани дубликаты работ вошли в постоянно действующую экспозицию, размещенную в музее рассказа писателя «Для пользы дела» в колледже электроники. Интерес к выставке неслучаен. Впервые представлены цветные фотографии Александра Исаевича Солженицына - снимки второй половины 60-х годов прошлого века.

Многие удивятся: откуда цветные? Ведь в те годы цветная фотография в любительских условиях была чрезмерно сложна и не имела такого широкого распространения, как сейчас. Но в те годы были модны цветные слайды. Уезжая в отпуск или путешествие, многие брали немецкую цветную обратимую фотопленку «Орво-колор» и снимали на нее самое красивое в дороге.

После кончины первой жены А.И. Солженицына Н.А. Решетовской в ее архиве оказалась большая коллекция цветных слайдов, на которых Александр Исаевич запечатлен в 60-е годы. В наше время не составляет проблемы сделать с этих слайдов дубль-негативы или оцифровать – перевести в электронную версию. Это и было сделано 2 года назад. Так мир увидел А.И. Солженицына в 60-х годах прошлого века в цветном изображении.

Уникальность выставки еще в том, что за каждой фотографией кроется своя история. С некоторыми из них мы знакомим наших читателей.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

А. И. Солженицын был заядлым путешественником. В студенческие годы с другом Николаем Виткевичем он проплыл на лодке по Волге от Казани до Самары. На велосипеде прокатил по Крыму, Украине, а с первой женой по Центральной России: Владимирская, Ярославская, Рязанская, Тульская области. Когда приобрел автомобиль «Москвич», совершал дальние поездки по Центральной России, Украине, Прибалтике.

Единственный раз в 1960 году он прошел с организованной туристской группой по Военно-Сухумской дороге. Красотами маршрута был очарован, сделал свои первые цветные снимки. Но ему не понравилась привязанность к группе, хотелось уклониться в сторону, остановиться там, где не предусмотрено маршрутом. С тех пор Александр Исаевич никогда не связывался с организованным туризмом. Он сам себе прокладывал маршруты. Этому способствовал сначала велосипед, потом собственный автомобиль. В путешествиях Солженицын

собирал дополнительный материал для своих будущих произведений. Его знаменитые «Крохотки» навеяны исключительно путешествиями.

На этом снимке А.И. Солженицын в том самом походе по Военно-Сухумской дороге. Это самое первое цветное изображение писателя-путешественника.

АВТОМОБИЛИСТ

С автомобилем «Москвич» – особая история. Когда опубликованную в журнале «Новый мир» повесть «Один день Ивана Денисовича» стали переводить на иностранные языки и печатать по всему миру, во Внешторгбанке на счете Солженицына скопилась приличная сумма гонораров в валюте. На руки валюту выдавать не полагалось, существовала 88-я статья УК РСФСР. Вторая часть этой статьи – валютные операции в особо крупных размерах – предусматривала даже высшую меру наказания – расстрел. Сумма солженицынского счета могла тянуть на 2-ю часть. А

Александр Исаевич давно мечтал о собственном автомобиле. Вот и найден выход, как использовать валюту, не держа ее в руках.

С Внешторгбанком сделаны соответствующие согласования, получено «добро» других необходимых инстанций. Окончательное разрешение прислало Валютное управление Министерства финансов. На «Волгу» средств не хватило, остановились на «Москвиче». Назвать его решили Денисом Ивановичем – как бы сыном Ивана Денисовича, ведь ему он обязан своим рождением.

Два символических момента сопровождали покупку: у Солженицына гостил в эти дни его сокамерник Николай Андреевич Семенов – заядлый автомобилист, влюбленный в свою «Волгу-Аэлиту». Он же – первый консультант в первые дни после покупки. Второй, и главный, момент – автомобиль куплен 10 декабря, а на следующий день Александру Исаевичу исполнилось 45 лет. Прекрасный подарок к юбилею!

Выбрать автомобиль и доставить в Рязань помог Лев Алексеевич Гроссман – прототип Цезаря в «Одном дне...».

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСТЬ

13 сентября 1965 года был понедельник, а не злополучная пятница. Кажется, ничто не предвещало беды.

С утра Александр Исаевич, как всегда, трудился за своим писательским столиком под развесистыми ивами у Истья. Четко по расписанию в 13.45 под информационную программу «Би-Би-Си» прошел второй завтрак. До обеда оставалось часа полтора, как он сообщил жене, что все намеченное на день выполнено и он может поработать на участке. Наталья Алексеевна предложила собрать яблоки:

«...И вдруг около крыльца показалась Вероника... Лицо напряженное, без тени улыбки. В глазах ни обычной приветливости, ни оживления от встречи. Саня спросил:

- Случилось что-нибудь?
- У Теушей был обыск.
- «Круг»?..
- Да...

Некоторое время никто не мог вымолвить ни слова. Я смотрела на мужа. Он опустил голову, закусив губы. Брови сдвинуты. Наконец выдохнул:

- Надо ехать к Твардовскому в Пахру.

Мы наспех пообедали и тронулись. Совершенно вопреки очевидности и против всех законов физики и математики мы проехали, удаляясь от Москвы, по Киевскому шоссе. Бензин – таки иссяк, машина остановилась...»

У Твардовского переночевали. Александр Исаевич спал плохо, то и дело вскакивал и делал наброски будущего письма в вышестоящие инстанции. В автобиографическом «Бодался теленок с дубом» он позже напишет:

«Никакая внешняя неудача, поражение, подлость и низость врагов – никогда ничто так не травит сердце, как собственный даже малый просчет, днем и ночью сжигает. Сам ошибся! Жжет и палит: могло не быть! – могло не быть!! – сам наделал! – сам вляпался!!»

Утром Твардовский сделал необходимые поправки, смягчил некоторые острые моменты. Решили письмо отправить в ЦК. Туда и поехали от Твардовского. После ЦК – к Теушам, узнать подробности. Вот как об этом у Решетовской:

«...Оказывается, накануне были арестованы Синявский и Даниэль. Затем с ордером на обыск пришли к Теушам. Взяв литературу, которую сочли предосудительной, гебисты уже под самый конец заинтересовались чемоданом с экземплярами «Круга». Сусанна Лазаревна воспротивилась: эти экземпляры были в «Новом мире», совершенно легальная литература! Не помогло...»

Жена профессора Теуша Сусанна Лазаревна показала Солженицыну список изъятого. В нем оказалась не предназначенная для печати, написанная в лагере в стихах наизусть и потом восстановленная пьеса «Пир победителей». Он записал ее просто на память.

«...На пленке, заправленной в фотоаппарат, оставалось лишь несколько кадров. Что ждет нас?... И я фотографирую мужа за столиком со сложенными в бездействии руками и возле крыльца – крупным планом...»

ТРОИЦА

В мемуарах Н.А. Решетовской есть интересные наблюдения о том, как образно воспринимал Солженицын окружающую природу: «Совершили довольно далекую пешую прогулку. Муж дает названия полюбившимся местам: «Пятидубье», «Зачарованный лес», «Рождественский простор»... А «Зачарованный лес» мы открыли, совершая прогулку на велосипедах. По шоссе доехали до Щекутина и лесными тропочками покатали к железной дороге. Нас обступила такая красота, что у меня слезы выступили на глазах».

Это – в окрестностях дачи в Борзовке.

И опять момент, связанный с дачей:

«Первый день своей новой жизни, когда уже нет волнений за судьбу «Архипелага», Александр Исаевич даже не очень еще работает. Просто пишет Твардовскому о перипетиях с его «запретительным» письмом. Потом зовет меня на балкончик, где так любил сживать по вечерам. Показывая в сторону березовой рощи, говорит:

- Посмотри... Настоящая Троица!

И в самом деле! Как мы раньше не замечали? Две сросшиеся березы и еще одна своими вершинами образовали как бы силуэт Троицы! В благодарность Богу за то, что эти дни принесли такую удачу, Александр Исаевич построит храм Троицы! Силуэт его будет таким же, как эта березовая Троица. Он должен стоять где-нибудь на просторе среди русской природы. А его главы должны быть видны издали-издали!..»

Идея постройки храма так захватила Солженицына, что он всерьез приступил к ее разработке. В конце июля 1968 года он из Борзовки пишет жене в Рязань:

«Никогда не догадаешься, чем я сейчас горячей всего увлечен - планом создания храма Троицы! Уже мне обдумывают места (вероятно, их поедем посмотреть) и исполнителей. А у меня роятся дальнейшие мысли: чтоб он стал «приемлемым» местом для интеллигентной элиты, которая «стесняется» веры (вроде тебя), но в мой храм не будет зазорно ходить, а даже модно. Там будут лучшие священники, изумительная роспись и хор, строгость службы. А рядом – дома для приюта и... лекторий с библиотекой – для диспутов и просвещения. Это – где-нибудь в Подмосковье, в очень живописной местности».

Александр Исаевичу удалось увлечь этой идеей художника и архитектора Титова. Пригласили священника отца Александра и съездили под Звенигород, выбирали место. Понравилась большая поляна около села Скоротова. Титов так увлекся идеей, что предоставлял Солженицыну один проект за другим. Из посвященных в эту идею священников не все одобрили ее. Так, например, отец Виктор убеждал Александра Исаевича, что сейчас важнее другое - восстановление разрушенных храмов, а не строительство новых. Он рекомендовал ему помочь восстановлению Оптиной пустыни.

Жизнь и время распорядились так, что Солженицыну храм Троицы построить не удалось. Но удалось другое – помочь восстановлению храма Рождества в селе Рождество, что через дорогу от его бывшей дачи в Борзовке. Как мне сообщили, Александр Исаевич перечислил 14 тысяч долларов на золочение колокольни Рождественской церкви.

А на публикуемом снимке Солженицын у своей природной Троицы – у тех трех берез, которые толкнули идею постройки одноименного храма. Кроме

столика под развесистой ивой у Истья, Александр Исаевич облюбовал и другие «зеленые кабинеты». Часто уходил думать в лес, а то и писать по раздвоенной березой, там по-другому писалось, возникали совсем другие мысли. Но увидев Троицу, стал уединяться около этих трех берез. Под ними он делал наброски известного письма секретарям СП СССР. Именно в эти минуты и запечатлен он на снимке.

Соколов, Д. «Один день», который перевернул мир / Д. Соколов // Рязанские ведомости. – 2012. – 24 ноября. – С.3.

50 лет назад было опубликовано произведение, открывшее новую эпоху в истории отечественной литературы

Повесть «Один день Ивана Денисовича» раскрыла ту правду, которую так долго ждали люди. И рассказал о ней скромный учитель физики и астрономии рязанской школы №2 Александр Исаевич Солженицын.

Замысел рассказа, описывающего один день зэка с утра до вечера, возник у Солженицына еще в Экибастузе, где он отбывал лагерный срок, осужденный по политической статье. Но к его воплощению он смог приступить только спустя девять лет, в мае 1959 года, живя в Рязани.

Наверное, это было самое счастливое время для Александра Исаевича. Позади остались война, служба в разведывательном

артиллерийском полку, арест и отбывание срока в исправительно-трудовых лагерях, годы ссылки, борьба с раком, закончившаяся победой над болезнью. Вместо каморок, землянок, тюремных камер и лагерных барачков – уютная квартира в доме с садиком, где Александр Исаевич соорудил скамейку и столик, поставил раскладушку и кресло. В «зеленой комнате» на свежем воздухе работалось необычайно продуктивно. «Там можно проводить целые дни, – писал он в одном из писем. – Таких условий не запомню в своей жизни. Шум города туда доносится глуховато, жары там не ощущаешь, воздух совершенно очищен деревьями, не падает солнце, не пробьется пыль, а сверху висят яблоки...»

Старая яблоня, дарившая тень и прохладу Александру Исаевичу в дни его напряженного литературного труда, и по сей день стоит во дворе того самого дома на улице Урицкого.

Руководитель рязанского Солженицынского центра, действующего при РГУ им. С.А. Есенина, Владимир Иванович Крылов не может свикнуться с мыслью, что чудо рождения и обдумывания рассказа «Один день Ивана Денисовича» происходило здесь,

в Рязани, на этих привычных для всех нас улицах Урицкого, Ленина, по которым будущий Нобелевский лауреат проходил тысячи раз, совершая свой

ежедневный маршрут до школы.

Владимир Иванович показывает многочисленные снимки из архивного отдела центра, запечатлевшие Солженицына в моменты творчества в его квартире на Урицкого, 17. И рассказывает о том, как создавался и увидел свет «Один день Ивана Денисовича».

«Александр Исаевич назвал свой рассказ «Щ-854» и поставил подзаголовок: «Один день одного зэка». «Щ-854» – это лагерный номер на казенном обмундировании героя – Ивана Денисовича Шухова. Отдать рассказ в журнал самостоятельно Солженицын не мог. Нужно учитывать, какое было время: кругом слежка, а он бывший политзаключенный. Поэтому Солженицын передал машинописные страницы в «Новый мир» через своего друга по «шарашке» Льва Копелева. Кстати, все рукописи он хранил на Урицкого, 17 в тайном месте: в радиоле, стоявшей рядом с письменным столом, было оборудовано второе дно. Рассказ без авторской подписи попал сначала к ответственному секретарю «Нового мира», Копелев поставил псевдоним «А. Рязанский», и текст сразу попал в руки редактора Твардовского. Александр Трифонович решил почитать текст на ночь, но, вместо беглого просмотра, с головой ушел в повествование, напрочь забыв о сне.

По-видимому, «Иван Денисович» многое всколыхнул в душе Твардовского, отец которого был зажиточным крестьянином и тоже познал все ужасы государственной репрессивной машины, – продолжает Владимир Крылов. – Чтобы придать рассказу больший вес, редактор «Нового мира» назвал его повестью и поменял заголовок: вместо «Щ-854» – «Один день Ивана Денисовича». Узнали, кто настоящий автор, пригласили его в редакцию, заключили договор на публикацию. Размер гонорара поверг Солженицына в состояние легкого шока – на него он смог потом купить автомобиль «Москвич». Вот он, кстати, на фотографии в нашем экспозиционном зале. Александр Исаевич, любивший путешествовать, назвал машину «Денисом». На ней он вместе с Натальей Решетовской ездил и в Прибалтику, и на юг, а до этого вынужден был довольствоваться велосипедными прогулками.

Чтобы добиться публикации повести на страницах такого весомого издания, каким был журнал «Новый мир», потребовалось получить одобрение Хрущева, а потом сломать сопротивление части партийной верхушки. Не случайно она сопротивлялась – предвидела, какое влияние на общественное сознание может оказать эта вещь. История показала, что парт-аппаратчики не ошиблись в своих предчувствиях. Тираж 11-го номера «Нового мира» разлетелся в мгновение ока. В Рязань, к Солженицыну, потянулись паломники. Первыми, конечно, среагировали журналисты столичных изданий. В Рязани, в «Приокской правде», появилась рецензия ответственного секретаря Рязанской писательской организации Анатолия Чувакина. Солженицына быстро принимают в Союз писателей, потом спохватываются, что нет даже рекомендаций от местного, рязанского, отделения СП, они пишутся задним числом. От Солженицына ждут новых произведений, но газетам он поначалу отвечает уклончиво, чтобы не навлечь на себя беду».

Литературное подполье для Александра Исаевича закончилось, а вместе с ним – и «тихое житье» в Рязани. Свежий ветерок ранней оттепели дул недолго. Пройдет несколько лет, и реваншисты припомнят Солженицыну и «Ивана Денисовича», и его смелые выступления, начнется травля в Союзе писателей, а в его рязанское отделение поступит директива из Москвы об исключении Александра Исаевича из этой творческой организации. Потом будут тотальная слежка КГБ, покушение в Новочеркасске, где агент органов госбезопасности незаметно подойдет к нему в очереди в продуктовом магазине и сделает смертельно опасный укол, и только чудом он останется жив. Угрозы, высылка из СССР за публикацию «Архипелага ГУЛАГ»...

О рязанских годах своей жизни Солженицын всегда будет отзываться с большой добротой. И на первый вопрос рязанского корреспондента, заданный ему по возвращении из США в Россию, на станции Рязань-2, «как вы чувствуете себя на рязанской земле, которая не всегда вас ласкала?» он ответит: «Я бы не сказал, что она меня не ласкала. Я провел здесь 12 трудолюбивых лет. Это большой период жизни, так что Рязань – близкий мне город».

По количеству написанного и задуманного рязанский период Солженицына сравнивают с Болдинской осенью Пушкина. За совокупность этих произведений – «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кочетовка», «В круге первом», «Раковый корпус» и т.д. – ему вручат Нобелевскую премию по литературе. Но, пожалуй, самым знаковым,

важным рассказом останется «Один день Ивана Денисовича» – первое опубликованное в печати произведение Солженицына, с которого начала раскручиваться спираль его литературной судьбы. Усыплявшая сознание своей благостной тональностью советская литература получила болезненный укол совести, приведший к изменению всего метаболизма писательской среды. А в стране, пока лишь на уровне осознания ситуации, начали происходить необратимые перемены. «Один день одного зэка» показал, к чему приводит искусственно насаждаемое единомыслие в обществе, культ единообразия, наделение всей полнотой власти одного лица в государстве, отсутствие смелых дискуссий и равнодушие к политическому выбору.

«Литературная слава пришла к Александру Исаевичу в Рязани, и нам не нужно об этом забывать, – говорит Владимир Крылов. – В ноябре в Москве состоялась международная научная конференция «Ивану Денисовичу» – полвека», в которой приняли участие «солженицыновцы» из стран Европы, США, Китая. Это лишний раз говорит о том что «Иван Денисович» – одно из вершинных произведений отечественной литературы. И нам очень важно ускорить создание мемориального комплекса в доме на ул. Урицкого, 17, привести в порядок сад, где работал Солженицын, поставить деревянный стол и лавку, какие стояли при его жизни, благо фотографии сохранились, а лучше всего - памятник в виде сидящего за этим столом Александра Солженицына – такого, как на этом снимке».

Несколько интереснейших изданий привезли участники международной конференции в рязанский Солженицынский центр. Одно из них выпущено к 50-летию публикации рассказа «Один день Ивана Денисовича». Это сборник писем читателей, написанных Солженицыну в Рязань и редакцию «Новый мир». Строчка из одного такого письма дала название книге: «Дорогой Иван Денисович!». Сейчас в Солженицынском центре при РГУ им. С.А. Есенина полным ходом идет оцифровка бумажного архива, доступ к которому получают все желающие, когда у центра откроется свой сайт в Интернете.

Уважаемый товарищ Солженицын!

Протяните руку и думайте, что встречаете мою мозолистую руку шахтера.

Прочитал Вашу повесть «Один день Ивана Денисовича» и от души благодарю Вас за матушку правду. Написал в журнал «Новый мир» свой отзыв. Правда, не уверен, что он будет в печати. Что греха таить, у нас зачастую принято печатать мнение критиков, которые не знают, сколько окошек в его квартире. Открывая дверь своего жилья, тянут ее в противоположную сторону.

Я работаю на шахте. Вожу электровоз с вагонетками коксующего угля. Наш уголь имеет тысячеградусное тепло. Пусть это тепло через посредство моего уважения согреет Вас.

С уважением, Н. Набоко, 4 января 1963 г.

Нельзя под видом разоблачения культа личности плевать на действительность, на советских людей, которые бездарные и тупицы (по утверждению автора), торгуют гнилыми пряниками и селедкой. Я согласен с тем, что много пострадало безвинных людей, но ведь среди них были и действительно преступники. (...) Мне кажется, автор этой книги готов ругать все советское, даже декреты советской власти, заявляя: «Неужели и солнце их декретам подчиняется?». Кого воспитывать будет эта книга, что хочет выразить автор в этой книге, так понося и советскую деревню, и тысячи советских людей, работников органов МВД и МГБ, которые не такие, они лучше, человечнее, они советские люди, не хапуги, взяточники, охотники за куском сала, он злобствует не на культ личности, а на все.

М. Сычкин, 9 февраля 1963 г.

Спица от «Красного колеса»

К созданию всемирно известной эпопеи Александра Солженицына автор этих строк имеет самое непосредственное отношение. Кроме шуток. Самое время, уподобясь иным нынешним «соратникам и сподвижникам» великого писателя, начертать что-то вроде «Работалось нам легко...», но вот это будет уже явным преувеличением. Впрочем, о нашем с Александром Исаевичем «соавторстве» я расскажу подробнее.

В «рязанский период» своего творчества Солженицын не раз приходил в читальный зал библиотеки имени Горького и безжалостно «мучил» наших девчонок, поскольку ему требовалось очень много той литературы, которой у нас уже не было. Власть имущие считали, что далеко не все из написанного должно быть доступно простому советскому человеку, стремительно передвигающемуся на пути к светлому коммунистическому будущему! Но любые запреты даже в «застойные годы» легко преодолевались.

Однажды наша общая знакомая попросила выписать для Александра Исаевича из «ленинки» книги, которые обычным читателям под любыми предлогами не выдавались. Тогда Солженицыну требовался огромный объем документов, справок, мемуарной литературы - он сводил воедино главы «Красного колеса». И вот на каком-то этапе сложнейшей работы писателю понадобились дневники депутата дореволюционной Государственной Думы Танеева, а их Солженицыну не выдавали. Мне же, как специалисту библиотечного дела, легко предоставили возможность поработать с этими документами, и писатель был мне очень благодарен. Сейчас, между прочим, «крамольные» дневники совершенно свободно размещены в Интернете, они интересуют только специалистов и ничего, никакого колебания устоев более не производят... Да и были ли они вообще, «колебания-то»?

Святая к музыке любовь

Я была хорошо знакома с Солженицыным, потому что его первая жена, Наталья Решетовская, нередко работала в нашем отделе с музыкальной литературой, очень любила играть Шопена, и ей это удавалось просто блестяще! Она в сельскохозяйственном институте художественную самодеятельность на ноги поставила, многие из ее участников стали потом совершенно другими людьми. Наталья приходила в наш отдел очень часто, а Солженицын тем временем работал с библиотечными документами. Он тогда ничем не выделялся среди сотен других читателей. Вот только взгляд у него был особый какой-то, да запросы всегда оказывались многотомными...

Мне довелось помогать Александру Исаевичу в составлении телеграммы с соболезнованиями по поводу смерти Корнея Ивановича Чуковского. Александр Исаевич готовил ее в нашем отделе. Конечно, о проблемах государственного устройства и о многом другом, что его печалило в своем Отечестве, я имела весьма смутное представление, но темы для разговора он всегда находил легко. Однако досужего времяпрепровождения Солженицын избегал всегда и всеми силами.

Каждая минутка была у него на строгом счету, и большинство рязанских знакомых Александра Исаевича даже представить не могли, какую огромную задачу поставил он перед собой.

Полночный звонок

Когда Наталья Алексеевна Решетовская тяжело заболела, я часто навещала ее в Москве, мы подолгу разговаривали.

Однажды в неурочную пору у меня раздался звонок.

- Тамара Николаевна, здравствуйте!

- Здравствуйте.

' - Это Александр Исаевич! Вы меня помните?

- Конечно.

- Вы знаете, я был в хосписе, где умирает Наталья Решетовская.

- Чем я могу помочь, Александр Исаевич?

- Вы мне очень нужны, Тамара Николаевна: только вы знаете, где похоронена мама Натальи Алексеевны.

- Да, я там нередко бываю, ее могила рядом с могилой моего мужа.

- Я хочу помочь привезти тело, нужно переговорить со священником, чтобы ее отпели, как положено...

Вряд ли стоит пересказывать все детали предстоявшего вскоре неизбежного прощания с талантливой женщиной, которые мы обговаривали той ночью с Солженицыным. Он звонил мне и на следующий день.

К похоронам в Рязани все было готово, и тут о скорбных хлопотах друзей ненароком узнала сама Решетовская. Она долго еще потом подтрунивала над нами, спрашивая, кто же все-таки должен был стоять в почетном карауле у гроба и что входило в меню поминального стола.

Тогда случилось вполне реальное чудо: Наталья Алексеевна, уже попрощавшаяся с белым светом навеки, резко пошла на поправку. После несостоявшихся «похорон» она прожила еще 6 лет - дай Бог каждому пережить такое «воскрешение» в свой срок! А Солженицын мне больше не звонил. Ни днем, ни ночью. Наверно, повода не нашлось. Может, оно и к лучшему.

Жбанков, А. Этот разный, очень разный Солженицын... / А. Жбанков // Вечерняя Рязань. – 2008. – 21 августа. С.16-17.

С тех пор, как я узнал о кончине Александра Исаевича Солженицына, а потом 3 дня слушал и смотрел то, что было показано по центральному телевидению, - столько противоречивых мыслей, чувств, воспоминаний нахлынуло на меня... Я все пытался как-то связать воедино, упорядочить свое представление о великом писателе, отделить в его непростой личности главное от второстепенного, а потом понял, что мне это не под силу: он такой разный, очень разный, Александр Исаевич Солженицын. В юности он был влюблен в революцию и даже начинал писать роман «Люби революцию», а потом пришел к полному отрицанию ее. В войну он вступил, по его выражению, «ленинистом», а при аресте в вещах Александра Исаевича нашли портрет Троцкого, которого он ставил выше Ленина...

Памятный ноябрь 1962 года

До сих пор помню, как в один из осенних вечеров 1962 года у меня в руках оказался 11

номер журнала «Новый мир» (наконец-то, до меня дошла очередь) с повестью доселе неизвестного автора (я знал только, что он учитель математики 2-й средней школы нашего города) «Один день Ивана Денисовича».

Сказать, что эта повесть понравилась мне, - значит ничего не сказать. Она потрясла меня! И тем, что в ней было написано, и тем, как это было написано. Помню самое начало повести - как били молотком о рельс, как нехотя пробуждались зэки, как брали на палку бочку парашную, как гадали, какая нынче на улице температура...

Все мы знали тогда, что где-то в далеких лесных дебрях и на холодном тундровом рельс, как нехотя пробуждались зэки, как брали на палку бочку парашную, как гадали, какая нынче на улице температура...

Все мы знали тогда, что где-то в далеких лесных дебрях и на холодном тундровом томятся, как живут - этого мы не знали. И вдруг - словно пелена с глаз упала...

Это (мое прочтение повести) было в ноябре, а через 2 месяца случилось мне говорить и о повести, и ее авторе с одним очень влиятельным человеком (занимал он большую должность, был членом бюро областного комитета партии, был, по слухам, дружен с первым секретарем обкома КПСС К. Н. Гришиным). Разговор был длинным и откровенным. И вот тот влиятельный человек в свойственной ему грубоватой манере сказал:

- Что вы все носитесь с этим Солженицыным!

Ах, какой он великий мастер слова! Ах, какая это невинная жертва сталинских репрессий!

— Никакая он не жертва, — продолжал мой собеседник. - Сидел он за дело. Я считаю, что он мало сидел, ему бы еще посидеть, а не повести писать.

Признаюсь, что эти слова, услышанные мной, меня тоже потрясли. Если бы я услышал эти слова от обывателя - это одно, а тут-то говорил человек, безусловно, **осведомленный**.

Но через какое-то время я узнал, что повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была напечатана по личному распоряжению Н. С. Хрущева.

Уж кто-кто, а Хрущев-то знает, «досидел» свой срок Солженицын или не «досидел», — подумал я.

И на некоторое время успокоился.

Но подули иные ветры

Н.С. Хрущев был смещен со всех своих постов в октябре 1964 года. С этого времени начал постепенно меняться и тон публикаций о произведениях Солженицына. Сначала он был сдержанно-прохладным, потом - враждебно-разгромным. Из большого мастера слова Солженицын превращался в третьеразрядного писаку, творящего свои литературные поделки под диктовку империалистов.

Александр Исаевич был вынужден уехать из Рязани. По слухам, он скрывался на даче известного музыканта Мстислава Ростроповича и не менее известной артистки Большого театра Галины Вишневской.

Снова началась для меня полоса мучительных раздумий, поисков ответов на раздражающие душу вопросы. Более всего, пожалуй, меня огорчал «глас народа», который выплескивался на газетные страницы. Доярки и штукатуры, матросы и ткачихи с возмущением говорили о том, что Солженицыну не место в рядах советского Союза писателей.

А.И. Солженицын был членом (по месту прописки) рязанского отделения Союза писателей. А раз так, то и исключать Солженицына из писательского Союза должны в Рязани, что и случилось в конце 1969 года. Громили и клеймили позором А. Солженицына все без исключения рязанские писатели, которые присутствовали на собрании. Все без исключения!

Но не было на собрании только ответственного секретаря рязанского отделения Союза писателей Эрнста Сафонова. Мне уже приходилось писать об этом человеке. Но я рад случаю снова помянуть его добрым словом (к сожалению, его уж нет в живых).

Чтобы не голосовать за исключение Солженицына из Союза писателей Эрнст сказался больным и лёг в одну из больниц Рязани.

Посетивший в больнице Эрнста бывший заведующий отделом пропаганды обкома

КПСС В. Н. Шестопапов, говорят, приподнимал одеяло, смотрел, есть ли на теле писателя операционный шов (у Эрнста вырезали аппендицит). В. Шестопапов склонял Эрнста поставить свою подпись под решением об исключении А. Солженицына из Союза писателей. Эрнст отказался это сделать... Отказался! Хотя не мог не знать, чем это грозило ему.

Эрнст был вынужден уехать из Рязани в г. Электросталь. Причем делал он это в тайне от обкома партии, боялся — ему могли помешать уехать из Рязани.

В Рязани же Эрнсту была предуготована мрачная перспектива: освобождение от работы и непредоставление никакой другой. Человек обрекался на полуголодное существование, будь он хоть семи пядей во лбу... Такая тогда была «партийная» практика, так ломали судьбы людей...

Против течения

В самом начале этой статьи я написал о том, как я мучился и страдал, пытаюсь собрать воедино свои мысли об А. Солженицыне, коротко и понятно выразить в словах свое мнение о великом писателе, его сущности и стиле жизни.

Наверное, не самые точные, но мне кажется, что я, в конце концов, нашел эти слова: всю свою жизнь **А.И.Солженицын плыл против течения** (кто хоть раз пытался это сделать, тот знает, как это трудно, какого напряжения сил это требует).

В 1962 году вышла в свет его повесть «Один день Ивана Денисовича», затем несколько рассказов, опубликованных в том же журнале, что и повесть «Один день...».

Так вот, одной этой повести и этих нескольких рассказов хватило бы Александру Исаевичу, чтобы всю жизнь ходить в великих писателях. Так нет же! Еще не высохла типографская краска на «Одном дне...», А.Солженицын уже упорно работает над романом «Раковый корпус», в котором за стенами онкологической больницы хорошо просматривалась вся наша страна, пораженная раковыми метастазами.

А.И.Солженицын не мог не понимать, какие последствия ждут его. И, тем не менее, продолжал писать роман! Потому что великий писатель никогда, с самых юных лет **не жил по лжи**.

Органически не мог жить по лжи, чем бы ему это ни грозило - тюрьмой, ссылкой, политическим изгнанием.

Напомню кстати, одна из публицистических работ А.Солженицына так и называется «Жить не по лжи».

В 1994 году, после 20-летнего изгнания, А.Солженицын вернулся в Россию, а через 4 года, в день 80-летия писателя, президентом страны Б. Н. Ельциным был подписан Указ о награждении Нобелевского лауреата высшим орденом страны - орденом Андрея Первозванного.

Легко догадаться, на что рассчитывал Б. Ельцин, подписывая этот Указ. Он хотел всемирно известного писателя сделать своим «союзником» в деле «реформирования» России.

А Солженицын «союзником» не стал! Он вообще отказался принять орден, заявив при этом: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего состояния, я награду принять не могу».

А принял бы награду - все было бы по-другому. Пространные передачи по телевидению, восторженные публикации в газетах и журналах, подборки писем рядовых граждан России.

После 1998 года вокруг имени Солженицына установилась мертвая тишина. Как будто он перестал существовать. Впрочем, тишина установилась уже тогда (может быть, не такая мертвая), когда власти «прикрыли» его регулярные выступления по центральному телевидению.

Еще один пример, показывающий, насколько **честен** А. И. Солженицын. В 1974 году писателя выдворили из Советского Союза. Запад встретил его, облитого в родной стране помоями, восторженно.

Но скоро принявшие его страны (сначала Швейцария, потом Америка) разочаровались в мятежном писателе: он вместо того, чтобы восторгаться Западом, начинает ругать его. Протицирую одно место из работы Солженицына «Письмо вождям Советского Союза»:

«Мы слишком долго и слишком верно шли за западной технологией. Казалось бы, «первая в мире социалистическая страна», которая показывает образец другим народам Запада и Востока... Почему же были мы так уныло неоригинальны в технологии, так бессмысленно и слепо шли за западной цивилизацией?..»

Не только шли, но продолжаем идти! Только бы быть похожими на Запад! Свой язык, свою национальную самобытность утрачиваем! Да что там говорить! Мы самого Солженицына «замолчали»! Перекрыли ему дорогу на телевидение, отгородили его от народа.

Поэтому я с трудом верю в глубину и искренность слез, пролитых нашими вождями над могилой величайшего писателя и мыслителя нашей современности.

Что меня удивляет и огорчает

А.И.Солженицын прожил в Рязани 13 лет (с 1957 по 1970 год). Живя в нашем городе, А. Солженицын издал своё первое произведение («Один день Ивана Денисовича»), сделавшее его всемирно известным. Здесь он начинает работать над романом «Раковый корпус». Здесь он состоял в рядах писательского Союза. Здесь он принимал высоких гостей - Твардовского и Ростроповича.

А.И.Солженицын был Почетным гражданином именно нашего города. Причем таковым он стал еще до возвращения его в Россию из Америки - в 1992 году. Здесь, в Рязани, установлены две мемориальные доски - одна на школе, в которой он работал, другая - на доме, в котором он жил.

Наконец, здесь, в Рязани, живет и здравствует первый мэр областного центра В. В. Рюмин, при поддержке которого А. Солженицын стал Почетным гражданином Рязани (подчеркиваю, когда Солженицын жил еще за границей).

О роли и месте в жизни А. Солженицына рязанского писателя Эрнста Сафонова говорилось выше. Преподаватель тогдашнего педагогического института И. Н. Гаврилов потратил не один год, чтобы написать и выпустить в свет уникальную книжку «Солженицын в Рязани».

Поэтому, смотря и слушая все, что передавалось по российскому радио и телевидению об А. И. Солженицыне, был удивлен, что о рязанском периоде в жизни великого писателя или упоминалось вскользь или не упоминалось вовсе.

Рязань оказалась забытой и в Указе об увековечивании памяти писателя. Есть Москва, есть Кисловодск, а Рязани нет, хотя, повторяю, именно в Рязани Солженицын состоялся как писатель.

Но Бог с ним, рязанским периодом жизни Солженицына. Меня в гораздо большей степени волнует то, что мы так и не услышали страстный призыв писателя-пророка - жить не по лжи.

Мы жили и живем по лжи. Как ржа разъедает железо, так ложь разъедает общество. На эту тему можно разговаривать бесконечно долго. Можно бесконечно долго говорить об уважении наших властей к народу, но достаточно посмотреть наше телевидение, чтобы понять: уважение властей к народу - не более чем ложь.

Рядом с нами жил великий писатель-пророк, но даже ему не нашлось места в телеэфире. Чего после всего этого стоят все эти пышные похороны, речи, ордена!..

Не такими ли отгороженными от народа, как и А. И. Солженицын, оказались великие писатели Валентин Распутин и Юрий Бондарев, великая артистка Татьяна Дорониная? А одновременно льются речи о расцвете демократии в нашей стране, о правах человека, о свободе слова...

Касаткин, В. Рязанский взлёт / В. Касаткин // Рязанские ведомости. – 2008. – 13 августа. – С.3.

11 августа исполнилось 9 дней со дня смерти одного из самых выдающихся писателей современности («летописца» — по его собственным словам), мыслителя, гуманиста, лауреата Нобелевской и Государственной премий Александра Исаевича

Солженицына. Как и всякая незаурядная, масштабная личность - сложная, яркая, порой противоречивая - Солженицын никого не оставлял равнодушным: как его единомышленников, так и его оппонентов. Мы, его соотечественники и современники, отдаем дань глубокого уважения и памяти нашему великому писателю и страстному борцу «за сбережение народа».

Прав наш великий земляк Есенин, писавший, что «большое видится на расстоянии». Поэтому оценка личности Солженицына, масштаба его творческого наследия, влияния его идей на духовную жизнь России - еще впереди. Время - главный судья.

Для нас, рязанцев, имя Александра Исаевича близко тем, что в нашем городе Рязани, на нашей древней земле прошли 12 лет его жизни и творчества... Здесь бывший политзаключённый и ссыльный, скромный учитель одной из рязанских школ написал произведения, которые принесли ему всемирную известность. В Рязани начался его творческий взлет.

Первая его маленькая повесть «Один день Ивана Денисовича», опубликованная в журнале «Новый мир» в 1962 году, принесла ему известность. Ее появление - в ту короткую пору «хрущевской оттепели» - было в советской литературе подобно «грому среди ясного неба». Затем весной 1962 года в «Новом мире» появились «два рассказа» А.И. Солженицына - «Матрёнин двор» (авторское название «Не стоит село без праведника») и «Случай на станции Кречетовка». В апреле-мае 1963 года в Солотче (в бывших монастырских кельях) Со-

лженицын написал рассказ «Для пользы дела», весь основанный на подлинном рязанском материале, который был опубликован в июльском номере того же «Нового мира» под редакцией А.Т. Твардовского.

В Рязани и Солотче Александр Исаевич работал над романом «В круге первом» (создав несколько его редакций) и над повестью «Раковый корпус».

Короткая «оттепель» сменилась «охлаждением»: «Один День Ивана Денисовича», выдвинутый на соискание Ленинской премии 1964 года, так ее и не получил, стали все громче раздаваться критические высказывания «литературных генералов» в адрес Солженицына и его творчества.

Солженицын уединяется в 1965-1968 годах в деревне Давыдово (часть поселка Солотча) в деревянной избе Агафьи Ивановны Фоломкиной, которую он называл своей «второй Матреной», «рязанской Матреной». В этой «халупе бабки Агафьи» Александр Исаевич тайно писал свой знаменитый труд «Архипелаг ГУЛАГ» и начал работать над исторической эпопеей о русской революции «Красное колесо» - это главная книга его жизни, задуманная еще в студенческие годы. В рязанский период он работал над первым романом трилогии «Август четырнадцатого».

Все эти годы другом, помощницей, добрым гением была первая жена Солженицына Наталья Алексеевна Решетовская, которая прожила в Рязани четверть века, работала на кафедре химии Рязанского сельскохозяйственного института с момента его основания. Ныне прах Н. А. Решетовской и ее мамы покоится на Скорбященском кладбище Рязани.

Имя Почетного гражданина города Рязани А.И. Солженицына увековечено в нашем городе тремя мемориальными досками: на доме, где он прожил 10 лет с Н. А. Решетовской (ул.Урицкого, 17); на здании школы-гимназии №2 им. академика И. П. Павлова (ул.Соборная,7), где Солженицын работал учителем в 1957- 1962 годах; на здании Рязанского колледжа электроники (ул. Циолковского, 19), здесь писатель собирал материал для рассказа «Для пользы дела», там же и музей этого рассказа, открытый пять лет назад.

Уже много лет члены рязанской литературной ассоциации «Переяславль» во главе с В. И. Крыловым и Н. В. Ледовских и краеведческая общественность ставят перед властями города и области вопрос об организации «Квартиры-музея А. И. Солженицына» в доме на улице

Урицкого. Пока все было на уровне обещаний и благих намерений. Меняются власти, а вопрос об организации этого музея «висит в воздухе».

Хочется закончить эти заметки на оптимистической ноте: может быть, наши областные и городские власти примут официальное решение о создании музея к 90-летию со дня рождения великого писателя.

Касаткин, В. Рязанский музей Александра Солженицына / В. Касаткин // Рязанские ведомости. – 2008. – 9 июля. – С.3.

В конце июня в Рязанском колледже электроники собрались члены литературной ассоциации «Переяславль», литераторы, краеведы и студенты колледжа, чтобы отметить 5-ю годовщину со дня основания литературного музея «Рассказ А.И. Солженицына «Для пользы дела». Это один из восьми уникальных музеев в мире, посвященных одному литературному произведению или герою популярных книг.

Напомню читателям, что пять таких музеев есть за рубежом и три в России, причем два из них - на нашей рязанской земле (музей поэмы «Анна Снегина» в с. Константиново, на родине С. Есенина, и музей рассказа Солженицына в Рязани).

Идея создания музея принадлежала ныне покойной первой жене Солженицына Н. А. Решетовской. Эту идею воплотили в жизнь литературный помощник и секретарь Решетовской, московский журналист Н. В. Ледовских и преподаватель колледжа, руководитель литературной ассоциации «Переяславль» В. И. Крылов при активной поддержке директора колледжа, заслуженного учителя России А. С. Фатеева, который выделил для музея комнату в главном корпусе ссуза.

Дело в том, что материал для рассказа Александр Исаевич собирал здесь (в тогдашнем Рязанском политехникуме). Об этом говорит мемориальная доска на его здании (ул. Циолковского, 19): «В этом здании с февраля по апрель 1963 года собирал материал к рассказу «Для пользы дела» русский писатель, лауреат Нобелевской премии, Почетный гражданин города Рязани Александр Исаевич Солженицын». Открытие музея и мемориальной доски было приурочено к 40-летию написания и публикации рассказа.

Этот рассказ Солженицын написал в Солотче, в филиале гостиницы «Загородная» (в бывших монашеских кельях) в апреле-мае 1963 года. 17 мая писатель из Солотчи отправил беловую рукопись рассказа заказной бандеролью главному редактору журнала «Новый мир» А. Т. Твардовскому. Уже через полтора месяца, в июльском номере журнала, рассказ «Для пользы дела» был опубликован. Это была третья публикация в журнале произведений Солженицына (ранее были напечатаны повести «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» («Не стоит село без праведника»)),

В музее собраны разнообразные материалы и экспонаты, рассказывающие не только об одном произведении великого писателя, но и его жизни и творчестве. Среди посетителей музея не только рязанцы. Сюда едут из разных городов России и из-за рубежа.

На юбилейном литературном вечере всех его участников приветствовали директор колледжа А. С. Фатеев, московский журналист Н. В. Ледовских. Нынешний директор музея В.И. Крылов напомнил об истории создания музея и о новых пополнениях его фонда. Член ассоциации «Переяславль» З. С. Свирина от имени собравшихся поздравила Владимира Ивановича Крылова с присвоением ему почетного звания «Заслуженный работник культуры РФ» за его литературную и общественную деятельность.

На вечере был представлен 5-й выпуск сборника «Лирическая волна» со стихами преподавателей и студентов колледжа электроники. Ветеран-педагог Л. А. Симакова, студенты Антон Свирин и Юрий Бессонов прочитали свои стихи.

Данилин, Е. Тень пророка / Е. Данилин / 7. – 2004. – 22 декабря. – С.24; Панорама города. – 2013. – 23 октября. – С.70.

В октябре 1994 года нобелевский лауреат Александр Солженицын вновь посетил Рязань, где он когда-то жил и работал, создавая произведения, принесшие ему всемирную славу. Взаимоотношения писателя с его первой женой остаются малоизвестными до сих пор.

На Скорбященской кладбище, около часовни блаженной Любушки Рязанской, покоятся Наталья и Марья Решетовские. С этими людьми встречал когда-то новый, 1957 год впервые увидевший Рязань бывший зек Александр Солженицын. Это он открывал в радостной компании полусладкое «Советское шампанское», купленное в деревянном магазине, находившемся тогда на месте нынешнего Областного драматического театра. Игристый напиток нисколько не уступал по вкусовым качествам лучшим современным образцам.

Праздничное событие отмечали на квартире Решетовских - в преподавательском двухэтажном деревянном здании Рязанского сельскохозяйственного института в Касимовском переулке. Наталья Алексеевна и Мария Константиновна – это жена и теща нобелевского лауреата по литературе 1970 года, чье имя известно сейчас во всём мире.

Поиск благополучия

С 1949 года Наталья Алексеевна Решетовская работала в Рязанском сельскохозяйственном институте в течение двадцати лет. Вместе с Солженицыным обучалась она в Ростовском университете (он - на физмате, она - на факультете химии) и стала в 1940 году законной женой будущей знаменитости. За год до переезда в Рязань Наталья защитила диссертацию, что и позволило ей стать преподавателем престижного вуза.

В годы наибольшей популярности Александра Исаевича в прошлом веке многие люди были убеждены в том, что во время пребывания писателя в тюрьме и последующей ссылке его жена совершила подлость, связав свою судьбу с другим. Наталья Решетовская якобы выбрала для себя в сложившейся ситуации наиболее выгодный вариант с точки зрения жизненного благополучия. На самом деле это не совсем так.

Неверная супруга

В начале семидесятых годов прошлого столетия немецкий журнал «Штерн» напечатал статью о взаимоотношениях Александра и Решетовской. Сенсационный материал тут же продублировала советская «Литературная газета». В этой публикации журналист Дитер Штейнер приводил слова уже престарелой тогда невестки покойной матери писателя: После того, как Солженицын в 1953 году был освобождён из тюрьмы, его жена не отправилась за ним в последующую ссылку. В 1956-м Саня вернулся. Он поехал в Ростов к своей жене, но она уже жила с другим. Александр был очень подавлен. Он устроился в Рязани. После того, как он нашёл там прилично оплачиваемое место учителя, жена решила вернуться к нему. Саня приехал ко мне и просил моего совета. Я ответила, что уважаю только тех женщин, которые следуют за своими мужьями...

Однако жене, благодаря её настойчивости, всё же удалось уговорить Саню, и она переехала к нему».

Поворотная встреча

На самом деле в Рязань не Наталья приехала к Александру, а он к ней.

Встреча Солженицына и Решетовской после долгой разлуки состоялась у общих знакомых в Москве 26 июня 1956 года. Наталья была к тому времени, действительно, женой другого человека. В 1952 году она в Рязани связала судьбу с вдовцом Всеволодом Сергеевичем Сомовым - сотрудником мединститута, воспитывавшим в одиночку двух сыновей.

Александр Исаевич после тюрьмы и лагерей выдержал в 1953 году ещё одно испытание: в Ташкентской больнице он вылечился «с Божьей помощью» от рака (его произведение «Раковый корпус» - отчасти автобиографично).

Московская встреча бывших супругов оказалась поворотной. Вот как рассказывает об этом автор книги «Рязань помнит Солженицына», председатель литературно-краеведческой ассоциации «Переяславль» Владимир Крылов:

«О многом сказали они друг другу, остальное досказали их глаза. Ехавший во владимирскую глубинку работать учителем, Солженицын пошёл провожать свою бывшую жену до квартиры подруги. Прощаясь, он подарил стихи, написанные им под впечатлением писем жены в зону. Цикл назывался «Когда теряют счёт годам».

Всю бессонную ночь Наталья Алексеевна читала стихи, мучилась, плакала, терзалась, боролась с собой... Любовь вспыхнула вновь, причём неудержимая и обвальная. Наталья порвала связь с Сомовым».

Антиклевета

В феврале 1957-го учительствовавший в деревне Мильцево Владимирской области Александр и приехавшая к нему Наталья зарегистрировали повторный брак. Солженицын довёл свои классы до конца учебного года и летом переехал в Рязань.

До сих пор живут в нашем городе бывшие ученики 2-й школы, у которых нобелевский лауреат преподавал в своё время математику, физику и астрономию. Никто из них не подозревал, что их требовательный учитель уже тогда занимался в свободное время кропотливым литературным трудом.

Что же касается «предательства» Натальи Алексеевны, то на эту тему никто ещё не рассказал откровеннее, чем она сама, отвечая на клевету журнала «Штерн» и «Литературной газеты»:

«Я ждала Александра Исаевича десять лет: четыре года войны и шесть лет лагерей. И не дождалась его именно потому, что жёны в те времена не могли «следовать за мужьями», когда их отправляли в лагерь. Это - особенность нашей новейшей истерии, отличной, например, от времён декабристов.

Александр с 1950 года находился в особом политическом лагере в Экибастузе. Он имел право писать оттуда лишь два письма в год, а свиданий в том лагере не давали вообще. Вот этого-то испытания - когда после десяти лет разлуки я лишилась ещё и писем, и встреч, я и не выдержала».

Прижизненная реабилитация

4 ноября 1969 года рязанские писатели проголосовали за исключение Солженицына из своих рядов. 14 октября 1970-го на московской даче Мстислава Ростроповича Александр признался супруге в том, что любит другую женщину, которая ждёт от него ребёнка. Наталья предприняла попытку самоубийства, но её смогли спасти.

После долгих неприятных тяжб решением народного суда Октябрьского района Рязани от 15 марта 1973 года брак Солженицына и Решетовской был расторгнут.

В феврале 1974-го Александра вновь арестовали в Москве, лишили гражданства и выслали в Германию. Уже из-за границы нобелевский лауреат обвинил бывшую жену в связях с КГБ против него. Шесть книг мемуаров написала Решетовская, по мере своих писательских возможностей пытаясь осуществить свою «прижизненную реабилитацию». Большинство солженицыноведов считают, что это ей удалось. За литературные заслуги Наталья Алексеевна официально принята в Союз писателей России в 1996 году.

Сомнительная слава

Наш великий земляк и посвятившая ему свою жизнь Наталья Решетовская не забыта. Усилиями Владимира Крылова создан в нашем городе «Музей одного рассказа» Солженицына, нашедший пристанище в колледже электроники. День рождения писателя ежегодно отмечается рязанской общественностью в филиале областной библиотеки (доме Салтыкова-Щедрина). Могила Решетовских на Скорбященском кладбище соблюдается в идеальном порядке. Многие рязанцы приходят сюда в день поминания Натальи.

11 декабря Александру Солженицыну исполнилось 86 лет. Доживший до столь почтенного возраста нобелевский лауреат пребывает в здравом уме, ясной памяти и продолжает писательскую деятельность. В 2002-2003 годах вышел в свет очередной его капитальный литературный труд - двухтомник «Двести лет вместе», посвящённый русско- еврейскому вопросу.

Состоявшееся десять лет назад возвращение знаменитого писателя из далёкого американского Вермонта было триумфальным. Незаурядная личность мирового масштаба была востребована в то время как народом, так и властью. Многие до сих пор помнят яркие выступления «вермонтского изгнанника», транслировавшиеся по телевидению.

Сейчас отношение к Александру Исаевичу неоднозначное. Одни считают его «первым демократом» России и все высказывания писателя до сих пор воспринимают, как пророческие. Другие обвиняют Солженицына в том, что он «продался Западу».

Известно, что сколько людей, столько и мнений. Так или иначе, но тень от литературных столбов писателя давно уже легла на всё пространство бывшего Советского Союза.

Касаткин, В. Писатель, гуманист, публицист / В. Касаткин // Рязанские ведомости. – 2003. – 16 декабря.

11 декабря исполнилось 85 лет со дня рождения одного из выдающихся отечественных писателей XX века, живого классика русской литературы, страстного публициста, гуманиста, историка и мыслителя, лауреата Нобелевской премии, Почетного гражданина города Рязани Александра Исаевича Солженицына.

Этот юбилей особенно знаменателен для рязанцев. С нашим рязанским краем связано более 12 лет (1957-1969) его жизни и напряженного творчества. Повесть «Один день Ивана Денисовича» (1959), впервые опубликованная в журнале «Новый мир» (1963, №11), принесла скромному учителю рязанской школы №2 им. Н.К. Крупской всемирную известность и славу. Затем последовали рассказы «Матрёнин двор» («Не стоит село без праведника»), «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела». Здесь написаны шесть редакций романа «В круге первом», повесть «Раковый корпус», роман-хроника «Архипелаг ГУЛАГ», роман «Август четырнадцатого», который является составной частью исторического повествования-трилогии «Красное колесо» - таким плодотворным был для него рязанский период его жизни.

В этом году исполнилось 40 лет со дня написания в Солотче и публикации в «Новом мире» рассказа Солженицына «Для пользы дела», в основе которого лежат подлинные события в рязанском политехникуме (ныне Рязанский колледж электроники). 27 июня в колледже был открыт музей рассказа «Для пользы дела».

В день юбилея в читальном зале библиотеки колледжа открылась фотовыставка московского журналиста и фотохудожника Н. В. Ледовских, посвященная 85-летию со дня рождения А. И. Солженицына, 10-летию его возвращения в Россию и приезда в Рязань. 60 черно-белых фотографий (сделанных с негативов Н. В. Ледовских рязанцем Е. Н. Кашириным) составляют три основных блока: встреча писателя с рязанцами в октябре 1994 года, пресс-конференция в педагогическом университете, встреча с рязанскими казаками и поездка в Иоанно-

Богословский монастырь (с.Пощупово Рыбновского района). Фотографии среднего и дальнего планов, выполненные на высоком профессиональном уровне, представляют художественную и историческую ценность. Выставку открыл и представил директор музея колледжа и руководитель литературной ассоциации «Переяславль» В. И. Крылов, который сказал, что автор выставки Николай Васильевич Ледовских безвозмездно передает ее Рязанскому колледжу электроники.

В конференц-зале филологического факультета Рязанского госпедуниверситета им. С. А. Есенина (Ленина, 20) состоялось торжественное собрание общественности г. Рязани, посвященное 85-летию А. И. Солженицына.

Здесь собрались представители городских властей и творческих союзов, преподаватели и студенты университета, журналисты, краеведы, работники библиотек и музеев, члены клуба «Олимп», гости из Москвы.

Высокое собрание от имени городских властей приветствовал депутат Рязанского горсовета, председатель комитета по образованию, культуре, молодежной политике, спорту и связям с общественностью Н. А. Булычев.

Ведущий собрания В. И. Крылов передал рязанцам приветствие от юбиляра и подарок «Русский словарь языкового расширения» («Русский путь», 2000) с автографом автора: «Студентам филологического факультета Рязанского Педуниверситета им. Есенина. Берегите богатства нашего языка! А. Солженицын 11 декабря 2003 г.»

С программными, содержательными докладами выступили профессор РГПУ О. Е. Воронова «Нравственно-философские уроки творчества А. И. Солженицына» и доцент РГПУ А. В. Сафронов «А. Солженицын: писатель или пророк?»

Директор областной библиотеки им. А. М. Горького Л. А. Пронина выступила с сообщением «Солженицын и областная библиотека». Московский журналист и краевед Д. Г. Юрасов приветствовал рязанцев от имени московских исследователей и сделал историко-архивное сообщение «Судебное дело Солженицына». В. И. Крылов рассказал об организации первого литературного музея Солженицына в Рязани.

В заключение участники вечера приняли «Приветственное обращение рязанцев к А. И. Солженицыну» - Почетному гражданину нашего города.

Гордиенко, В. Музей «Для пользы дела» открыт / В. Гордиенко // Рязанские ведомости. – 2003. – 2 июля.

В минувшую пятницу, 27 июня, в Рязани произошло знаменательное событие — в нашем городе открылся литературный музей одного рассказа. Вся его экспозиция посвящена широко известному произведению А.И. Солженицына «Для пользы дела».

Новый музей разместился в одной из комнат Рязанского колледжа электроники, вокруг которого (он тогда имел статус политехникума), и разворачивался сюжет рассказа - о том, как «почтовый ящик» отобрал «для пользы дела» здание общежития у учебного заведения.

Рассказ был опубликован в журнале «Новый мир» сорок лет назад и вызвал большой общественный резонанс. Тогда же Александр Исаевич подарил библиотеке политехникума номер журнала со своим автографом. Позднее, уже в 70-е, из этой журнальной книжки цензурой были изъяты страницы, на которых был напечатан рассказ опального писателя. С этого

многострадального «новомировского» номера и началась история музея. Идея его создания пришла к преподавателю колледжа, краеведу Владимиру Крылову и московскому журналисту Николаю Ледовских. Год назад они пришли со своим предложением к директору колледжа Александру Фатееву и нашли у него полное взаимопонимание.

И вот, спустя год, музей торжественно открылся. На торжественной церемонии присутствовали депутат Госдумы Михаил Малахов, депутат Рязанского горсовета Николай Булычев, первый заместитель главы администрации Рязани Александр Кукушкин и другие.

В этот день открылся не только литературный музей, но и мемориальная доска на здании колледжа. На ней запечатлено: «В этом здании с февраля по апрель 1963 года собирал материал к рассказу «Для пользы дела» русский писатель, лауреат Нобелевской премии, почетный гражданин г. Рязани Александр Исаевич Солженицын.

К сожалению, сам Александр Исаевич не смог приехать на открытие доски и музея из-за болезни. Но жена писателя Наталья Дмитриевна прислала от его имени поздравление создателям музея и книгу с автографом А.И. Солженицына.

Месяц назад литературная общественность России похоронила Наталью Алексеевну Решетовскую, первую жену писателя, которая знала о готовящемся открытии музея и всячески поддерживала

В память об этой женщине в фойе фотовыставка, собранная Решетовской. Это своему уникальная впервые представлены которых запечатлен жизни и творчества А.И. писатель во время работы пользы дела», черновики рассказа, Борис Можаяв дарит Александру Исаевичу подкову на счастье, писатель за чтением «Известий»...

инициативу рязанцев. замечательной колледжа открылась из снимков Н.А. действительно по-экспозиция - на ней цветные фото, на рязанский период Солженицына: над рассказом «Для Солженицын сжигает

Негативы этих снимков были обнаружены совершенно случайно. Николай Васильевич Ледовских, литературный помощник Н. А. Решетовской, нашёл их, перебирая папки с рязанскими материалами Натальи Алексеевны. Теперь они пополняют экспозицию музея, в котором представлены такие раритеты, как уже упомянутый номер «Нового мира», подлинный телефон, по которому Солженицын звонил в Москву, к Твардовскому, пишущая машинка «Колибри», приемник «SPIDOLA», принимавший «вражеские голоса»... К слову, этот аппарат интересен тем, что писатель оставил на нем свой автограф, в виде «зарубки на память», когда ему менять батарейки.

Естественно, в музее немало

произведений Александра Исаевича. Отдельная часть экспозиции посвящена прижизненным мемуарным изданиям Н. А. Решетовской.

Из экспозиции посетитель музея узнает о прототипах литературных героев «Для пользы дела». К слову, на открытии была Нина Георгиевна Поспелова, именно она стала прообразом Лидии Георгиевны, главной героини рассказа.

Заметно, как тщательно авторы экспозиции собирали и отбирали материалы. Так, досконально, по дням, освещена история создания рассказа. По материалам Н. А. Решетовской и сотрудника «Нового мира», критика В. Я. Лакшина сделан подробный хронограф.

А соседний раздел рассказывает о том, что борьба за здание общежития, ставшего поводом для написания рассказа, продолжается. Предприятие ВПК, на балансе которого находится дом, содержать его в должном состоянии не может – оно относится к федеральной собственности. Так что дело «для пользы дела» может длиться ох как долго. Но это уже сюжет для другого рассказа.

У создателей же музея — ещё немало планов и задумок. При нем будет открыта библиотека нобелевского лауреата, создается фоно- и видеотека, планируется проводить здесь литературные вечера. Отраднo, если со временем, музей станет неформальным центром по изучению творчества великого русского писателя.

Реунов, Н. Для пользы дела / Н. Реунов // Рязанские ведомости. – 2003. – 7 июня.

6 июня, 40 лет назад, Александр Исаевич Солженицын сдал в редакцию «Нового мира» рукопись только что законченного рассказа «Для пользы дела», сюжет которого и герои почерпнуты из рязанской жизни. У Натальи Алексеевны Решетовской, первой жены писателя (увы, недавно ушедшей из жизни) есть очерк об истории его создания. Стоит привести несколько абзацев из него.

Александр Исаевичу больше всего хочется писать автобиографическую повесть из своего онкологического прошлого. Но это быстро не напишешь, требует вынашивания. А тут просится на бумагу еще одна тема. Как-то я пересказала мужу историю, которую услышала от преподавательницы Рязанского политехнического техникума: как «почтовый ящик» отобрал здание общежития у техникума. Тема - животрепещущая, для «Нового мира» вполне подойдет!

И в начале февраля 1963 года Александр Исаевич отправляется в техникум, где около двух часов беседует с директором.

Пойдет туда еще и еще... Его все больше увлекает тема рассказа».

Коллизия его внешне проста: четыре года восстанавливали студенты здание, а потом его у них отобрали - «для пользы дела».

Тот самый политехникум, о котором речь идет в рассказе и очерке - известный всем рязанцам (да и не только им) техникум электронных приборов на улице Циолковского. Это название он получил в 1967 году, а во время событий, происходивших в рассказе, имел статус политехнического. Теперь же - Рязанский колледж электроники.

Так сложились жизненные обстоятельства, что история, рассказанная Солженицыным, неожиданно получила продолжение в наши дни, правда в ином, не конфликтном качестве.

Владимир Иванович Крылов, преподаватель колледжа, рязанский краевед, хорошо знакомый с литературным помощником Натальи Алексеевны Решетовской - Николаем Васильевичем Ледовских, журналистом-международником, решили создать в Рязани литературный музей «одного рассказа» - «Для пользы дела». И нашли полную поддержку.

Мы встретились с Николаем Васильевичем недавно в один из его приездов в наш город, когда он забирал из рязанского издательства «Поверенный» свою книгу «Возвращение в Матрёнин двор или Один день Александра Исаевича». И вместе с ним и Крыловым прошли в колледж электроники, где в одной из комнат, отведённой под музей, уже практически начала размещаться его экспозиция. Нас радушно встретил директор колледжа Александр Семенович Фатеев, кстати, учившийся когда-то у Решетовской в 1962 году в сельхозинституте, как раз в те времена.

Он показал нам экспонаты, которые составят основу музейных стендов. Среди них личные вещи Солженицына, его автографы. Зримо будет рассказано об истории самого техникума-колледжа, его известных выпускниках, о прототипах литературных героев рассказа, их прошлом и настоящем. Подробно будет освещена история создания самого рассказа, его судьба, отклики критиков и читателей на него, представлены его издания. Не останется в стороне и творчество Солженицына - при музее будет библиотека произведений писателя, видеотека с фильмами о нем и о его произведениях, фонотека.

Сам музей намереваются открыть к дате публикации рассказа, который появился в июльской книжке «Нового мира» в 1963 году.

Крылов, В. На высоте своих чувств и дел / В. Крылов // Рязанские ведомости. – 2003. – 27 февраля.

«Хотя я в настоящее время и живу в Москве, но Рязань продолжает оставаться самым родным для меня городом: там я прожила 25 лет...», - так пишет Наталья Алексеевна Решетовская - первая жена почетного гражданина Рязани, лауреата Нобелевской премии, писателя А.И. Солженицына. «Не будь меня в Рязани - не было бы в ней Солженицына»... Таков исторический факт.

Наталья Алексеевна Решетовская родилась в 1919 году в Новочеркасске. Отца она лишилась в раннем возрасте, так что воспитанием ее занималась мама Мария Константиновна, учительница по профессии. Из Новочеркасска Решетовские переехали в 1926 году в Ростов, где Наталья училась в школе, закончила ее с отличием и поступила в Ростовский университет на химический факультет.

Там первокурсницей в 1936 году познакомилась с Александром Солженицыным, студентом-физиком, с которым их сблизило, помимо существующей у обоих жажды знаний, еще и увлечение искусством: Наташа любила музыку, хорошо пела и играла на рояле, а Александр бредил писательством.

2 ноября 1938 года Александр сделал предложение Наталье, но только 27 апреля 1940 года они зарегистрировали брак, никому об этом не сказав. Медовый месяц провели в Тарусе, где вслух читали стихи Есенина и роман «Война и мир».

В 1944 году она совершила героический поступок и поехала к мужу на фронт, где пробыла почти весь май. А когда в феврале 1945 года капитана Солженицына арестовали на передовой и заключили в Бутырку, носила ему передачи.

Наталья Алексеевна поступила в аспирантуру при МГУ, потом защитила кандидатскую диссертацию.

В 1949 году она прошла по конкурсу в только что открывшийся Рязанский сельхозинститут и возглавила кафедру химии. А Александр Исаевич в мае 1950 года был отправлен из Москвы по этапу в Экибастузский лагерь в Казахстане, где работал каменщиком на строительстве ТЭЦ.

Доцент сельхозинститута Наталья Решетовская жила первые два года в комнате при вузе, много занималась со студентами, вела предметный кружок, делала доклады на философских семинарах, читала лекции в Менделеевском обществе, активно занималась в художественной самодеятельности: играла на рояле, пела, декламировала стихи. Ее влияние на культурную жизнь

вуза было огромным.

Через два года сельхозинститут своими силами построил дом для преподавателей, и Наталья Алексеевна вместе с мамой переехала в новые две комнаты в 1-м Касимовском переулке. 26 февраля она праздновала новоселье в узком кругу подруг и была грустна: ее Саня находился далеко, а свидания с ним запрещены.

30 декабря 1956 года Александр Исаевич впервые приехал к Наталье в Рязань, встретил здесь новый 1957 год, а весной перебрался сюда совсем. Они восстановили брак и начали «тихое житье», которое было наполнено огромным творческим процессом, сопряженным со строжайшей конспирацией. А литературной лабораторией стала квартира №3 в доме № 12 в 1-м Касимовском переулке (ныне ул. Урицкого, д. 17).

«Во дворе около нашего дома цвел садик. В дальнем уголке у глухого забора муж смастерил скамейку и столик», - писала потом Решетовская об условиях жизни и работы Солженицына. А вот как он отзывался о своем рязанском быте: «Начинается в моей жизни какой-то совершенно новый этап - полноты семейного счастья, домашнего благополучия и бытовой устроенности. Будущее покажет, не испортит ли меня это. Но жить стало гладко и хорошо».

Наталья Алексеевна все более и более подключалась к литературным трудам мужа, сокращая с каждым годом свою педагогическую нагрузку в вузе. Научилась не только профессионально печатать на машинке, но и вести дневник, систематизировать отклики читателей, контролировать переписку мужа. Она сократила и свою общественную работу, сузила круг знакомых. Всю жизнь подстроила под него, под центр своей вселенной... А труды в рязанский период у Александра Исаевича были значительные: написаны повесть «Один день Ивана Денисовича», рассказы «Матренин двор», «Для пользы дела», «Сарай на станции Кречетовка», «Крохотки», пьеса «Свеча на ветру», сценарий «Знают истину танки», начата работа над «Раковым корпусом».

Пятилетнее «гладкое житье» закончилось в 1961 году. 11 декабря 43-летнему Солженицыну в Рязань пришла телеграмма от А.Твардовского с приглашением приехать в редакцию «Нового мира» для публикации «Одного дня Ивана Денисовича». А в ноябре 1962 года «Новый мир» напечатал повесть.

Последовали затем прием в Союз писателей СССР, выход новых произведений, выдвижение на Ленинскую премию... Уходящему в зенит славы мужу Наталья Алексеевна оказалась не нужна.

Осталась она практически одна, без друзей, похоронив к этому времени проживавших с ней двух теток и маму. Казалось, что жизнь закончилась, потеряла смысл. Как последний удар по сердцу она восприняла весть о высылке Александра Исаевича в 1974 году за границу.

Но тут выручил дневник, который Наталья Алексеевна вела с 1961 года. И на его основе Решетовская стала писать воспоминания о совместной жизни с Солженицыным, об истории создания многих произведений, об откликах на них читателей. Всего вышло шесть книг Решетовской: «В споре со временем» (1975 г.), «Александр Солженицын и читающая Россия» (1990 г.), «Солженицын. Обгоняя время» (1991 г.), «Разрыв» (1992 г.), «Отлучение» (1994 г.). В 2003 году в рязанском издательстве «Поверенный» вышла новая книга Решетовской «АПН-я-Солженицын».

Наталья Алексеевна приезжала в наш город и встречалась со своими читателями в библиотеке им. Горького. В 1993 году она была принята в состав литературной ассоциации «Переяславль», а в 1996-м вступила в Союз писателей России.

В 1999 году литературная ассоциация отметила 80-летие Н.А. Решетовской в Рязани. В сельхозакадемии состоялось торжественное собрание, в вузовский музей от юбиляра поступили новые подарки, был показан фильм на областном телевидении, местные газеты написали статьи.

Первую жену поздравил и Александр Исаевич. Он писал: *«Наташа! Мы поздравляем тебя с 80-летием! Желаем тебе здоровья и побольше светлых дней, несмотря на тяготы возраста. Саня».*

Поздравляя Наталью Алексеевну Решетовскую с днем рождения и вступлением в 85-летний год жизни, рязанцы желают ей здоровья и творческих успехов. Нет никакого сомнения в том, что ее имя навечно вплетено в историю русской литературы в числе тех подвижниц, которым суждено было пестовать талант мужа-писателя, ожечься лучами его славы, но не сгореть, а остаться на высоте и своих чувств, и своих дел.

Видно судьбе было угодно, чтобы с художниками Рыбкиным и Курбановым я познакомился через поиски «Рязанской мордочки». Так назывались древние рязанские монеты времен князя Олега с примитивными изображениями точек глаз и носа обведенных линиями. Шесть монет Великого княжества Рязанского были изображены в книжечке «Русская монетная система», выпущенной в конце 50-х годов издательством «Учпедгиз». Тогда в коллекциях у нумизматов нередко можно было встретить и более древние монеты. Я решил искать заветную монету. В Саратове, где жила моя семья, помогал мне ее искать интереснейший человек - Рыбкин. Он был хорошим художником, писал стихи, имел разносторонние знания. Мы жили в одном доме и часто встречались, хотя по возрасту он мне в отцы годился.

Во дворе дома стояли столы и лавочки, врытые в землю. Здесь общались жители нашего дома - играли в шахматы и домино. Когда Рыбкин был пьян, он во дворе перед всеми читал свои стихи. Это вызывало у окружающих снисходительные улыбки и насмешки. В такое время душа моя была в слезах. Я не знал, как ему помочь, иногда вступался в защиту. «А этот такой же чудик», - парировал остро слов. (Всем было известно, что я ищу «Рязанскую мордочку»).

В Рязани, куда переехали мои родители, я тоже развернул бурную деятельность. Мне посоветовали обратиться за помощью к Виктору (так звали молодого мужчину, который покупал, перепродавал и менял монеты). В лицо я его видел несколько раз, но обратиться не решался. Однажды в парке железнодорожников я увидел Виктора, с ним был высокий, статный, с крупными чертами лица человек лет пятидесяти. Был он похож на Рыбкина: тот же открытый умный взгляд, та же приятная улыбка. Уж не родственник ли Рыбкину, - подумал я. Это оказался учитель рисования Юнер Амирович Курбанов. Виктор давал Курбанову фотографии, по которым тот рисовал портреты. Все сделанное Виктор развозил заказчикам, в том числе и в

Москву, и за это получал большие деньги. Иногда он приглашал Курбанова рисовать с натуры. Конечно, обо всем этом я узнал много позже. А тогда мы просто познакомились. Мне думается, что сближению с художником Курбановым помогло мое долгое и частое общение с художником Рыбкиным: его беседы и уроки живописи. По времени знакомство с Курбановым пришлось на начало 70-х годов, когда еще опальный писатель Солженицын жил в Москве, но имя его уже звучало в прессе только в отрицательном смысле.

Юнер Амирович Курбанов начал работать учителем рисования в рязанской школе №2 в 1957 году. Пришел он туда почти одновременно с Александром Исаевичем Солженицыным. Там Курбанов проработал до 1970 года, но и в дальнейшем постоянно поддерживал связи с её учителями. Как-то встретившись с Юнером Амировичем мы разговорились о поисках «Рязанской мордочки». Надо сказать, что Курбанов был увлеченным человеком и помогал мне в этих поисках. Он постоянно напоминал Виктору о его обещании перекупить нужную монету у известных только ему людей. Постепенно разговор перешел на Солженицына. Курбанов рассказал, что Александр Исаевич помог освободиться из тюрьмы учителю физкультуры этой школы Михаилу Яковлевичу, который попал туда по ложному обвинению. Спасти невинного человека, избавить его от незаслуженного наказания всегда считалось доблестью на Руси. А почему бы мне не собрать материал о рязанской жизни Солженицына? Зачем искать то, что и археологам не под силу, - подумал я. Сами обстоятельства, как нельзя лучше располагают к этой работе. Моя тетя - Полина Федоровна Дергачева - очень долго работала директором 7-й школы, многих знает в городе. Мой двоюродный брат Владимир Дергачев и сын директора школы №2 Георгия Георгиевича Матвеева были друзьями. Оказалось очень кстати, что мой двоюродный брат Владислав и его жена учились в сельскохозяйственном институте в тот период, когда там работала жена Солженицына - Наталья Алексеевна Решетовская. Во время наших редких встреч при личном общении с Натальей Алексе-

евной, я записал некоторые подробности её совместной жизни с Солженицыным. Написал письмо я Александру Исаевичу в США с просьбой оказать помощь в краеведческой работе. В ответном письме Александр Исаевич рекомендовал обратиться к Радугиной Наталье Евгеньевне, показав его письмо. Встреча состоялась на квартире Радугиной 28 марта 1992 года, где я подробно записал все, что касалось Александра Исаевича.

Во время работы в рязанской школе №2 Юнер Амирович Курбанов сделал много рисунков учителей школы. Часть эскизов портретов в 1992 году он отправил Солженицыну в США, в том числе и его портрет, остальные передал мне. Из всех переданных мне рисунков Курбанова выделялся его автопортрет. Он отличается особой правдивостью. Художник изображен сидящим в свободной непринужденной манере, закинув ногу за ногу. Его вопрошающий взгляд, какое-то состояние самоуглубления, делают портрет очень привлекательным. Юнер Амирович долго не решался написать письмо Солженицыну в США. Когда же взялся за него, писал с особой трогательностью. «Оттачиваю каждую мысль», - говорил он. Я же пошучивал: «Это Вам не картины писать». Художник Курбанов был чрезвычайно рад и горд, что получил ответное письмо от коллеги по школе. Привожу полный текст этого письма.

18.11.92 г.

Дорогой Юнер Амирович!

Благодарю Вас за присланные эскизы портретов наших преподавателей. Дошли в целости. Пересматриваю их и многое встает в память ти. Очень хороши Подкопай. Как легко и свободно схвачен (бедный) Красноштан. А уж о Вашем собственном и не говорю - великолепен! И ведь невольно представляю Вас себе, когда пишу именно тем, трудно переноситься к нынешнему. 18 лет я вне родины, не обновлял впечатлений - и всех так и вижу прежними.

Как много умерли! И Бельцов - как рано.

Если будут случаи - передавайте от меня теплые приветы Георгию Георгиевичу, Раисе Кирилловне, Олегу Борисовичу, Трофиму Иосифовичу. Посылаю и я Вам книжку «Ивана Денисовича». Желаю Вам здоровья и светлого духа. Надеюсь быть в Рязани в первые же месяцы после возвращения в Россию - тогда, надеюсь, повидаться.

Крепко жму руку!

Солженицын.

Такая высокая оценка творчества Курбанова - это не дежурный комплимент Александра Исаевича. Среди рязанцев, особенно в последние годы жизни Юнера Амировича, считалось удачей заказать у него портрет Ю. А. Курбанов любил рязанский край, писал и пейзажи. Художник не просто любовался природой Рязанщины, а принимал ее близко к сердцу. На мой взгляд его пейзажи особые - интимные, создающие настроение мечтательности. Несколько своих картин с живописными местами Рязанщины оставил писатель на память 11-й рязанской школе, где он работал с 1986 по 1992 годы. Много приятных добрых слов о художнике услышал я от директора этой школы Надежды Васильевны Кучумовой. Юнер Амирович с самого начала положительно воспринял мое желание собрать материал о рязанской жизни А.И. Солженицына. Он постоянно интересовался, как идет работа по сбору материала, давал советы и рекомендации и сам активно участвовал в этом. Житейская мудрость и хорошая память Юнера Амировича, его приятельские, добрые отношения с прежними учителями школы №2, несомненно сыграли первостепенную роль в этой работе. Умер Ю.А. Курбанов 31 мая 1994 года, совсем немного не дождавшись приезда Солженицына в Рязань. У всех, кто знал Юнера Амировича Курбанова, остались только хорошие, добрые воспоминания о нем как о человеке, учителе и художнике.

Поздним осенним вечером в октябре 1994 года на вокзале станции Рязань-2 было необычайно оживленно: люди с цветами, много журналистов, фоторепортеров. Все ждали поезда, на котором приезжает Солженицын. Рязанцы гордятся тем, что в их городе трудился и творил прославленный писатель. Отсюда, из Рязани, пошла слава Солженицына. После объявления о прибытии поезда все вышли из здания вокзала и встали в центре перрона. Я оказался рядом с Николаем Васильевичем Молотковым. Кто-то спросил: «Ну, а кто речь держать будет?» «Зачем речь, поздравим и все», - ответил Молотков. Вагон, в котором ехал писатель, протащили вперед.

Издали видел я выходящего улыбающегося Александра Исаевича. Все двинулись к машинам, а я только со стороны видел уезжающего писателя. Потом пешком шел в свой родительский дом и не думал составлять план предстоящего разговора, цель которого - получить благословение

на книгу о рязанском периоде жизни Солженицына. На следующий день утром, придя в гостиницу «Первомайская», я позвонил ему в номер. Представившись, услышал слова: «Здравствуйте, Олег Дмитриевич, я Вас помню». Мы договорились о встрече около 14 часов. Придя в назначенное время, я ждал в фойе гостиницы. Александр Исаевич пришел с улицы, и мы тут же в уголке сели за столик. Беседа была короткой. Солженицын не дал согласия на публикацию книги, хотя и не читал написанного. Далее я рассказал о Курбанове, его болезни, о тех рисунках, которые он мне передал. Александр Исаевич попросил рисунки, и мы договорились встретиться в 16 часов. По дороге домой я думал, что неправильно построил такой важный для себя разговор. Надо было сразу рассказать о конструкции, композиции книги, а не высказывать сомнение в своей дееспособности из-за отсутствия литературного образования. Стало быть, я не оправдал надежду Ю.А. Курбанова, а ведь здесь большая доля и его труда. Вернувшись с рисунками Курбанова, я поднялся на второй этаж гостиницы и постучал в номер Солженицына. На стук никто не ответил. Открыв дверь, я увидел писателя во второй комнате. Первая буквально была уставлена цветами. И опять я допустил ошибку: не удосужился посмотреть на часы, пришел намного раньше условленного времени, хотя хорошо знал, как его ценит Александр Исаевич, как он любит пунктуальность. Потом я исправился, и сам как можно раньше постарался закончить встречу с писателем. Александр Исаевич Солженицын был доволен полученными рисунками Курбанова, которые напоминают ему о далеких годах работы в рязанской школе.

Сафонов, В. Осень отлучения в Рязани / В. Сафонов // Вечерняя Рязань. - 1999. – 26 февраля, 5 марта.

Нынешние правдолюбцы мечут громы и молнии в адрес Рязанской писательской организации. Де-мол, это она, сирая и убогая, унизила Солженицына, вынесла ему безжалостный приговор. О том, что собранию в Рязани предшествовала генеральная репетиция, вспоминают неохотно. А ведь была, и не репетиция даже — больше!

Я имею в виду расширенный Секретариат Союза писателей СССР. Заседал он 22 сентября 1967 года: до рокового собрания в Рязани оставалось чуть более двух лет. В особняк на улице Воровского съехались три с лишним десятка живых классиков, обремененных чинами и звездами лауреатов: Федин, Сурков, Корнейчук, Кожевников, Баруздин, Мусрепов, Шарипов, К. Яшен, Лев Озеров, Абашидзе, Бровка, Новиченко... От ЦК КПСС — Юрий Серафимович Мелентьев. На протяжении пяти часов мастера соцреализма терзали, рвали на куски мятежного прозаика, выколачивали из него душу. Вопили с яростью инквизиторов: покайся и отрекись! Покайся о том, что антисоветчик, пособник мировой буржуазии, и публично отрекись от этой гнусной своей позиции.

Пространная стенограмма того заседания заслуживает отдельной публикации — в почтение современникам и назидание потомкам. Я же, за недостатком места, скажу лишь: когда иные из тех непримиримых вымаливают прощение у Солженицына и утверждают, что заблуждались искренне, я так же искренне не верю им.

Автор «Ивана Денисовича» пытался напомнить коллегам о высоком долге российского писателя, как понимали его Толстой, Достоевский, Некрасов. Не вняли, не приняли, стояли насмерть. «Покайся, отрекись!» — «Ни за что!», — отрезал Солженицын. Вот тут и прозвучало из уст Маркова: одумайся, Александр Исаевич, не одумаешься — отберем билет, выгоним из литературы.

Понимаю: приоритет принадлежал не Георгию Маркову — железным нашим комитетам, партийному и госбезопасности. Но чести руководству творческого Союза это обстоятельство не добавляет.

Приговор был предрешен, на долю моих земляков-писателей выпала жалкая участь статистов: сыграть в волеизъявление масс, в инициативу, идущую снизу.

Они и сыграли — под бдительным надзором недреманного обкомовского ока. Расклад получился — надежней не придумаешь: на шестерых, включая Солженицына, писателей — пятеро ответственных партработников плюс секретарь Правления СП РСФСР Ф. Таурин.

Детали: чтобы наглядней, отчетливей.

За тяжело хворавшим писателем Н. Родиным пошлют в Касимов обкомовскую машину с

эскулапом на борту. Трогательное проявление людской этой заботы окажется далеко не лишним. Николай Александрович, пока транспортировали его в Рязань, терял сознание: машину останавливали, больного приводили в чувство снадобьями и уколами.

Ответственного секретаря писательской организации Э.Сафонова, незадолго перед тем перенесшего тяжелую операцию, навестит в больничной палате высокопоставленный чиновник:

- Подпишите бумагу, Эрнст Иванович. Всего три слова: «Я — за исключение».
- Нет.
- Но почему?
- Солженицына принимала Москва. Принимала через наши головы. Пусть она и исключает.

Строптивость обернется партийным выговором, который Э.Сафонов будет носить в течение 10 лет. Формулировка предельно откровенна: «За отказ участвовать в исключении Солженицына из Союза писателей».

А вообще-то, собрание, не в пример генеральной репетиции, разворачивалось вяло, скучновато. Сказывался уровень: там — столица, тут — провинция: там — златоусты, мыслители, здесь — пришибленные необходимостью подчиниться партийному диктату. Выступления В.Матушкина, С.Баранова. Н.Левченко, Н.Поваренкина будто бы с одной КОЛОДКИ СНЯТЫ: НЕ УЧАСТВОВАЛ В ЖИЗНИ ОРГАНИЗАЦИИ... не рецензировал рукописи... не помогал расти молодым... своим творчеством играл на руку мировому империализму...

Оживление внес поэт Евгений Маркин — его выступление оказалось самым яростным, самым беспощадным. Бесспорно талантливый человек, гордившийся дружбой с автором «Ивана Денисовича», он камня на камне не оставил и от личности Солженицына, и от художественных его творений.

Предложение «исключить» прошло пятью голосами при одном «против». Этот один — голос Солженицына.

Может, и не стоило бы называть здесь людей поименно, приводить фамилии: большинства участников собрания сегодня нет в живых. Я и не стал бы, да вот какое дело... Людей нет, но живут легенды, мифы, подчас — несправедные, бросающие незаслуженную тень на кого-то или венчающие славой недостойных ее.

Едва собранию дали отбой, Родин, пошатываясь, вышел за дверь, слепо ткнулся в чье-то плечо. Поднял глаза — узнал Архипова.

— Саня, плюнь мне в морду, — не просил, простонал Родин. — Я — подлец, поднял руку за исключение...

Итоги содеянному подведут на бюро обкома партии. И Н. С. Приезжев, первый секретарь, заглазно попеняет коммунисту Родину за склонность к беспринципности и мягкосердечию. И особо выделит яркое, бескомпромиссное выступление беспартийного поэта Маркина: «Вот у кого и нам не грех поучиться!»

Н. Родину участие в том собрании обойдется душевным надрывом, станет пожизненной мукой. Е. Маркин, разошедшийся перед этим с женой и оставшийся без жилья, наутро получит ордер на квартиру в новом доме.

Были у Маркина стихи, опубликованные в «Новом мире» — «Белый бакен». Плач по исключенному из Союза Солженицыну. Мы дружили с Евгением Федоровичем, и мне нелегко дается это признание, но — остается фактом: выплакались те стихи в квартире, обещанной и подаренной поэту как раз за то самое «яркое, бескомпромиссное выступление».

Мне тот день четвертого ноября 1969 года запомнился сереньким, невзрачным, с порывами колючего ветра, гнавшим по асфальту снежную крупку.

Писательская организация размещалась в одном доме с редакцией «Приокской правды».

Перед тем, как начаться злополучному собранию, я спустился со своего третьего этажа на второй.

В коридоре толпились ребята из литактива, подбивали друг друга сочинить телеграмму в ЦК. Авось услышат, вступятся за Исаича. И, святая простота, сочинили-таки, понесли на почту. Только почта наотрез отказалась эту телеграмму принять: не положено!

Тут же, в коридоре — плечо к плечу, друзья да и только! — прохаживались Солженицын и Таурин. О чем-то тихо переговаривались, и лицо у Таурина — как у нашкодившего мальчонки: виновато-смущенное. Солженицын, напротив, невозмутим, вроде бы не ему нести в одиночку свой тяжкий крест.

А за приоткрытой дверью писательской организации — истуканы на приставленных к стене стульях — обкомовские бонзы. Нахохлились, откормленные, ждут начала, как ворон крови.

Не дает мне покоя одна мысль, пытаюсь выстроить невероятное: дрогнул Солженицын, покаялся, отрекся. Что — простили бы его, оставили в Союзе писателей и — на жительство в Союзе ССР?

Боюсь, что нет. Растащили бы по газетным страницам, распяли на крестах беспардонной лжи и — вышвырнули вон. И у нас, и за границей цена ему была бы иная.

Кстати, за границей, как и у нас, солженицынскую повесть читали взахлеб. И делали выводы. Французские, итальянские и прочие коммунисты, СВЕДЯ ЗНАКОМСТВО С ЛИТЕРАТУРНЫМ ЗЭКОМ ИВАНОМ ДЕНИСОВИЧЕМ, разочаровались в социализме и косяками рванули из своих самых массовых в капиталистическом мире партий. Простить такое автору «Одного дня» Брежнев и Сулов не могли. Не случайно усилия Рязанской писательской организации, свершившей черное дело руками подневольных писателей, получили высокую оценку в Центральном Комитете партии.

В тот же день четвертого ноября, но уже поздним часом, когда писатели разошлись, редакционный вахтер расписался за телеграмму. ЛИТЕРАТОРА Солженицына приглашали на заседание Секретариата, назначенное на завтра. Александру Исаевичу о телеграмме сообщили утром, около десяти, в Москву — при всём желании уже не успеть. Рассказывают, что нарочитая эта оплошка доставила великую радость Леониду Соболеву, председателю российского Союза писателей. Приговор рязанцев Солженицыну утверждали в его отсутствие.

На моём столе — текст письма, присланного из американского штата Вермонт. Писатель благодарит жителей Рязани за то, что помнят его, что присвоили ему звание «Почетный гражданин города». «В наше тяжелейшее время для России тяжело приходится и Рязани, — пишет он. — Желая вам мудрых решений, которые помогали бы рязанцам и жить, и дышать. А главное — вырастить детей не в цинизме и не в безнадежности».

Благие пожелания, не грех прислушаться...

Было бы неверно утверждать, что в истории с исключением Солженицына из Союза писателей глубоко пострадал только Солженицын.

Хотя...

Хотя внешне все выглядело так, как и должно было выглядеть в те годы вбирающего силы и уверенность маразма. Опьяненные победой над инакомыслием, рязанские правители трубно вещали о том, что «Центральный Комитет КПСС» дал исключительно высокую оценку работе рязанской областной парторганизации». Подчиненная им печать, движимая тщеславным стремлением перещегоолять центральную, писала свои незабываемо грязные страницы в многотомье лжи и клеветы, обрушившиеся на «отщепенца». Привычный ряд — негодующие доярки и механизаторы, возмущенные сантехники и пэтэушники. Но только ли они? Высокообразованные инженеры, врачи, актеры, музыканты, художники наперегонки мчались в редакции «Приокской правды» и «Рязанского комсомольца» с письмами, запевная строка в которых была хорошо известна, еще, с довоенных времен — «Сам я не читал, но знаю!». Признаком хорошего тона стало начинать собрания и заседания проклятиями в адрес пособников империализма, проживающих на славной Рязанской земле.

Акт расправы над негодным режиму писателем иезуитская наша пропаганда преподносила как очередное проявление *глубочайшей* заботы о нравственном и физическом здоровье советских людей. В ответ труженики хором *окрикивали неустанное* «спасибо» в миллиард первый раз клялись, что добьются, перевыполнят, перепроизведут...

Это — общий фон.

А что в частности, конкретно, Рязанская писательская организация? И до этого не очень дружная, собранная с бору по сосенке, после рокового этого судилища над своим товарищем она уже не существовала (и не могла существовать!) как единое целое. Боюсь хлестких определений, но яд, который разъедал ее в последующие годы, справедливее всего назвать трупным.

Хотя...

Хотя внешне и тут все выглядело так, как и должно было выглядеть в те безрадостные

годы. Василий Семенович Матушкин — «наш областной Шолохов», как представляли его на читательских конференциях и встречах с партактивом, — упоенно раздаривал интервью. Проявили партийную принципиальность... очистились от скверны... дышим легко и раскрепощено... Просторную грудь его, не найденную наградами во время Великой Отечественной, украсили два ордена: Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции. Награды вручались в пожарном порядке, одна за другой, в правительственных указах им сопутствовала неизменная формулировка: «За исключительные заслуги в развитии советской литературы...» Определение «исключительные», сдается мне, являлось тут производным от глагола «исключать».

Впервые без каких-либо задержек вышла в свет книжечка детских стихов Сергея Харлампиевича Баранова. По правде говоря, самая удавшаяся из трех или четырех, изданных им. Над книжкой, готовя ее к печати, маялись профессионалы-редакторы и назначенные доброхоты из числа молодых одаренных поэтов. Дурную услугу оказали Баранову — заставили поверить в наличие таланта у себя. Тем и сгубили. Позже, напрочь отбрасываемый всеми издательствами, он искренне гордился участием в том собрании и не уставал повторять, что ему мстят за Солженицына. Когда годы и годы спустя я стал ответственным секретарем писательской организации, доконал он меня своими кляузами. Письма-наветы шли потоком: в обком, в ЦК, в правления писательских Союзов, партийных съездов. Суть их была не менее, чем изнанка заношенного пиджака: В. Сафонов — апологет Солженицына, поддерживает с ним постоянную связь, сознательно преследует и травит меня и подобных мне. Что не могло не нравиться в Баранове, так это его непробиваемое мужество: авторства в написании доносов и кляуз не скрывал.

Жил Баранов, как и Матушкин, прежним скудным багажом, с новыми стихами не ладилось.

Николаю Сергеевичу Левченко удалось было прорваться на сцену: по указанию сверху в драмтеатре срочно отрепетировали его пьесу, кажется, хронику Рязанского коммунистического полка, сложившего голову в пекле гражданской войны. Но дальше двух или трех постановок дело не двинулось: зрители не приняли спектакль. А приемная комиссия Союза писателей — тут я уже о Николае Кирилловиче Поваренкине — в очередной раз отказала ему в членстве.

В письмах из Касимова, которые присылал мне Николай Александрович Родин, звучала тоска потрясения: все, как писатель я кончился — безвозвратно, навсегда. На том собрании кончился... Правда, через какое-то время тон посланий сменился негодованием в адрес Солженицына. Дескать, хорош субъект — обеспечил себе признание, мировую известность, а мы тут расхлебывай. Затем снова поворот на сто восемьдесят... Признаюсь, я искренне рад тому непреложному факту, что в конце концов нашел он в себе силы воспрянуть.

Сложнее — с Маркиным. Или — о Маркине. Тут все скандально: имя, стихи, поведение, туман посмертных мифов. Но что бы ни было, а говорить надо. Во имя истины.

Евгений Федорович, как уже сказано, азартней всех прочих выступал на собрании. Непримируемой всех обличал Солженицына на страницах областных газет. За что и удостоился обещанной загодя награды. Я, кажется, упоминал вскользь, что перед собранием писателей — всех, кроме Родина, — приглашали на доверительные беседы. Для начала стращали, а настращав,

улещивали: проси каждый, чего душе твоей угодно. Все просили помочь напечататься. Маркин, незадолго до того расставшийся с женой и с жильем, попросил квартиру.

Так вот, ордер на нее получил он, если не ошибаюсь, на следующий после собрания день, новоселье совпало с Октябрьскими праздниками. А 4 ноября, после собрания уже, Евгений Федорович наведился к своей бывшей жене, взял на руки малолетнего сына Ромку и пошел с ним на улицу Урицкого. Третьим участником этого хождения за индульгенцией был сердобольный Саня Архипов, всю дорогу материвший приятеля за черное дело измены.

Солженицын сам вышел навстречу им, что было невероятно, почти неправдоподобно: дверь на звонок в этом доме обычно открывали женщины.

Кажется, слегка удивился незванным гостям:

— Что вам угодно?

Маркин рухнул на колени.

— Прости, Александр Исаевич. Виноват я, подлец я, подонок! Ради сына прости! Ромка, плачь.

Перепуганный младенец ударился во все тяжкие.

— Погуляй, Саша, в сторонке, пока я с ним тут побеседую, — попросил Солженицын Архипова. И Саня послушно ретировался. Как и о чем была та беседа — теперь может рассказать разве сам Александр Исаевич.

У меня нет желания ворошить неприглядное прошлое человека, с которым в лучшие дни связывали нас товарищеские отношения. То, что происходило с Маркиным в течение последующих десяти лет, можно определить одним словом — распад.

Да, был «Белый бакен» — покаянное стихотворение, опубликованное в «Новом мире». Гуляла версия, что за эти стихи Маркину «пришили политику» и упекли в соответствующий лагерь, предварительно исключив из Союза писателей.

Увы, на самом деле все проще и печальней.

Из Союза Евгения Федоровича исключили за утерю членского билета и безобразные пьяные дебоши. Исключали долго, потому как жалели: талант! Потому как по горло были сыты историей с Солженицыным. Поначалу, в лучших традициях, выносили на собрания многочисленные жалобы оскорбленных и обиженных Маркиным граждан, представления из милиции, из нарсуда, из прокуратуры. Упрашивали, уговаривали, объявляли предупреждения. Маркин привычно божился, что «все, завяжет», но «завязать» воли не доставало. Последней каплей, переполнившей чашу терпения собратьев по перу, стало очередное заявление его бывшей жены: «Прошу оградить!»

Так что «политика» не присутствовала, и про лагерь — выдумка: был заурядный ЛТП, где умевший неплохо рисовать Маркин трудился художником.

Ушел из жизни Евгений Федорович, оставив после себя придуманную им же легенду, что на том собрании он был единственным и самым яростным защитником Солженицына.

Организацию, едва стало известно об изгнании Солженицына из творческого Союза, захлестнуло половодье писем. Авторы, чаще всего анонимные, пророчески предсказывали неизбежность дня, когда содеявшие черное дело пожалеют о своем коварстве и подлости и будут на коленях вымаливать прощение у Солженицына. «Колени» тут можно воспринимать фигурально, но не фигуральными были выражения, которыми жаловали поднявших руку на Александра Исаевича: «сволочи», «хриstopродавцы», «ублюдки»... Можно только догадываться, сколько подобных «приветов» обрушилось в те же дни на правления писательских Союзов, на областной комитет партии.

А обком, отстранив от дела Эрнста Сафонова, не торопился назначать отчетно-выборное собрание у писателей. Нацелились прежде провести партийное — с тем, чтобы дать надлежащую оценку поведению Э. Сафонова. Еще, кажется, и на раскаяние его надеялись. Уламывали публично обматерить и проклясть отщепенца Солженицына, сулили за послушание красный орден, стремительное восхождение по служебной лестнице, столичную прописку, высокую должность, персональный автомобиль. Тем временем по соседству, на этажах редакции, развернулась деятельная обработка коммунистов: ортодоксы из партбюро настраивали массы на волну единодушного осуждения Э. Сафонова.

Меня тоже пригласили на собеседование — нашли другой ход, предложили сочинить письмо, клеймящее автора «Ивана Денисовича». Улыбчивые, доброжелательные, щедрые на комплементы, де-мол, у других не получится, как нужно, публицистический запал не тот, а ты, Валентин Иванович, сумеешь. Письмо опубликуем от имени редакционного коллектива, так что какая тебе разница! Никто про твой персональный вклад не узнает. Иди, думай.

Я надумал написать заявление с просьбой уволить меня на творческую работу. Не то чтобы чересчур храбрый был, нет. Поджилки тряслись. Понимал: уйду — аукнется, не простят. А жили втроем на одну мою зарплату и скудный гонорар! Только уже невыносимо было видеть физиономии торжествующих этих благодетелей, уверенных в своей правоте и силе. Уступить им в малости — потерять себя: сегодня льстят и заискивают, а завтра будут презирать и помыкать.

О заявлении моем тотчас узнали в обкоме.

— Не отпускать! — гремел в редакторское ухо начальственный телефон. — Хватит с нас политических демонстраций! Передай этому шелкоперу: будет настаивать на увольнении — отберем партбилет, загоним, куда Макар с телятами не хаживал.

Чернова, Г. Александр Солженицын знакомится с Рязанью, Рязань – с Солженицыным / Г. Чернова и др. // Приокская газета. – 1994. – 11 октября.

С 6 по 10 октября в Рязани находился лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын. Дни его пребывания в городе были заполнены до предела. Писатель нанес визит главе администрации области Г. К. Меркулову, встретился с творческой интеллигенцией в библиотеке имени М. Горького, побывал в средней школе-гимназии № 2, где когда-то преподавал физику и астрономию. В педуниверситете состоялась его встреча с общественностью Рязани. А. И. Солженицын также посетил Иоанно-Богословский монастырь в селе Пощупово.

«Долг повелевает мне участвовать в общественной жизни»

Диалог с интеллигенцией в библиотеке им. М. Горького.

Прежде чем начать разговор с собравшимися, Александр Исаевич познакомился с выставкой, которую подготовили к его приезду работники библиотеки. На ней были представлены первые публикации писателя в журнале «Новый мир», книги парижского издательства «ИМКА-Пресс», подаренные А. И. Солженицыным горьковской библиотеке больше года назад.

Тему встречи определил сам писатель. Разговор шел не о политике, а о литературе, о книгах, новых изданиях.

— Я всегда думал, что прежде моего физического возвращения на Родину вернутся мои книги, — сказал Александр Исаевич. — Однако этого

не произошло.

Писатель отметил, что три тома острой публицистики до сих пор не известны российскому читателю. Но сейчас одно из отечественных издательств планирует выпуск 24-томного полного собрания сочинений А. И. Солженицына, куда войдут и 10 томов «Красного колеса».

По словам Солженицына, во время своей поездки по России от Владивостока до Москвы он встречался с людьми, в том числе с бывшими политзаключенными, которые рассказывали о сегодняшней жизни. Но книги по впечатлениям не

будет. Встречи с россиянами нужны писателю для сбора информации о жизни страны, настроениях граждан, а потом «для разговора с политиками». «Теперь я достаточно знаю и говорю с ними о конкретных фактах. Долг повелевает мне участвовать в общественной жизни».

На вопрос о рязанских впечатлениях Солженицын ответил: «Я к Рязани «неравнодушен. Двенадцать лет жизни |и напряженной работы связывает меня с этим городом. Я много бродил по знакомым местам. Скажу, что Рязань расстроилась невероятно, появилось много новых зданий, иногда безобразной архитектуры. Рязань, как и все российские города, переживает сегодня трудное время».

«Мне дороги эти воспоминания» Среди бывших коллег и учеников школы № 2.

В школе № 2, где Солженицын был когда-то учителем астрономии и физики и вел фотокружок, жутко волновались, ожидая визита высокого гостя. В последнюю минуту девочки в нарядных платьях мели улицу перед входом. И он появился, незаметно, действительно высокий и подтянутый, неспешно и одиноко идя вдоль тесного ряда автомашин, развернувшихся напротив ярмарки.

Видно, устав от средств массовой информации, он любезно, но решительно предложил журналистам ограничиться «памятным снимком» у школьного крыльца. Конечно же, пресса настояла на своем, отправившись с писателем по знакомым ему коридорам в сопровождении учителей, учеников.

Александр Исаевич зашел в школьный музей, где в задумчивости остановился у стенда, посвященного ему, и долго вглядывался в фото своих выпускников, вспоминая вслух, кого из них он видел на встречах в Рязани. Не мог он пройти и мимо класса, где был ранее кабинет физики, его кабинет. Вспомнил и школьную фотолабораторию.

А когда журналисты разохотились совсем, осаждаемая вопросами и бывших учеников Солженицына, и учителей, которые с ним работали, и его самого, Александр Исаевич решил уединиться с теми, ради кого он, собственно, сюда и пришел.

«Демократия — это когда народ сам определяет свою судьбу»

Встреча с общественностью Рязани в педагогическом университете.

Со времени своего возвращения Солженицын провел на

российской земле более тридцати встреч. И, по его словам, избежал двух крайностей — не выходил на аудиторию с готовой лекцией и не проводил пресс-конференций. Встречи носили характер беседы: писателя интересовал круг мыслей, надежд, как он выразился, «местных людей». Поэтому и эту, рязанскую, встречу он попросил не сводить к вопросам: «Дайте мне почувствовать

атмосферу моей Рязани. Рассказывай те, а я буду откликаться на то, о чем будете говорить вы».

Актовый зал литфака был переполнен: места занимали чуть ли не за два часа до начала встречи. Аудитория собралась самая разноликая — интеллигенция, студенты, рабочие, пенсионеры, что и сказалось на характере рассказов «местных людей», подходивших к микрофону. Говорили обо всем — начиная с политики верховных властей и кончая благоустройством дворов. Зал реагировал на ораторов по-разному — кому-то аплодировал, кого-то «захлопывал». В целом же атмосфера встречи была довольно спокойной. Все ждали, что скажет Солженицын, что ответит на адресованные ему вопросы — глобальные (как обустроить Россию, воспитывать молодежь) и более узкие. Чисто российское: вот приехал великий человек, он нас рассудит и решит все наши проблемы. Словно не мы сами, перестрадавшие всю нашу жизнь, коммунистическую, перестроечную и постперестроечную, должны, разобравшись, навести порядок в собственном доме. Так что тысячу раз прав Александр Исаевич, когда, обобщая рассказы у микрофона, сказал: «Демократия — это когда сам народ определяет свою судьбу».

Выступление Солженицына на встрече — размышления человека, который, вернувшись после длительного отсутствия домой, слушает, набирается впечатлений, осмысливает то, что произошло и происходит у нас. По его словам, ситуация в России была ему ясна и в Америке, но одного он не мог усмотреть оттуда — сколько же замечательных, деятельных, умных людей в России! Из того положения, в котором мы оказались, мы должны выбирать сами.

И еще одну мудрую, общечеловеческого звучания, мысль высказал писатель: все сегодняшние события надо вписывать в свою историю, в оценки явлений прошлого и настоящего, в видении будущего не теряйте масштаба!

Касаткин, В. Рязанские дни и труды Александра Солженицына / В. Касаткин // Курьер Р. – 1994. – 12 февраля. – С.8; 19 февраля. – С.8; 26 февраля. – С.8.

1. ВЗЛЕТ И РАСПЛАТА

Читающая и мыслящая Россия и культурные круги зарубежья несомненно отметят эту дату — 75-летний рубеж жизни одного из самых выдающихся представителей отечественной беллетристики XX века, незаурядного и страстного публициста-историка, лауреата Нобелевской премии Александра Исаевича Солженицына.

Нам, рязанцам, должна быть близка эта юбилейная дата — почти полтора десятилетия жизнь и творческая судьба писателя были связаны с Рязанью и поселком Солотча.

Сам А. И. Солженицын назвал рязанский период «тихой жизнью». Но «тихий» рязанский период был только начальным, когда бывший зэк и ссыльный поселился в Рязани. Скромный школьный учитель вел вторую, потаенную жизнь писателя, но ЭТО было добровольное затворничество.

Именно в Рязани он написал произведения, которые принесли ему всемирную известность. С выхода в свет осенью 1962 года повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» начался второй — **бурный** рязанский период — взлет к славе и известности, к признанию его самобытного и незаурядного таланта писателя. Русского таланта, но принадлежащего миру.

Рождение таланта — всегда чудо. И когда размышляешь о литературном феномене — творчестве Александра Солженицына, — то приходишь к выводу, что это не только щедрый писательский дар, но и подвиг целеустремленности и самодисциплины, доходящей до аскетизма.

В Рязани начался и третий — **горький** период. Здесь началась **расплата** за свои убеждения, за оппозицию режиму, за горькую правду, за талант, за мировую известность. Расплата! перешедшая в травлю писателя и последующее изгнание из Отечества.

Выход А. И. Солженицына из Рязани в «большой свет» был не только литературным (издание повестей и рассказов, прием в Союз писателей), но и расширение круга знакомств с деятелями литературы, искусства, культуры, с общественностью. Это и работа в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, поездки по стране.

Вот таким емким, «спрессованным», было рязанское житье Александра Солженицына.

II. «ТИХОЕ ЖИТЬЕ» В РЯЗАНИ

Апрель 1956 года. Доцент кафедры химии Рязанского сельскохозяйственного института Н. А. Решетовская получила письмо из неведомого и далекого казахского поселка Кок-Терек. Письмо было от бывшего мужа, бывшего офицера Красной Армии, бывшего зэка Александра Исаевича Солженицына. Все — бывшего. А настоящее его — политического ссыльного, к тому же перенесшего тяжелую болезнь,— казалось, не предвещало никаких надежд на будущее... Но после смерти «вождя и отца всех народов» наступали иные времена хрущевской «оттепели». Он сообщал ей, что полностью реабилитирован — освобожден от судимости и ссылки.

В июне, после долгих лет разлуки, бывшие супруги встретились в Москве.

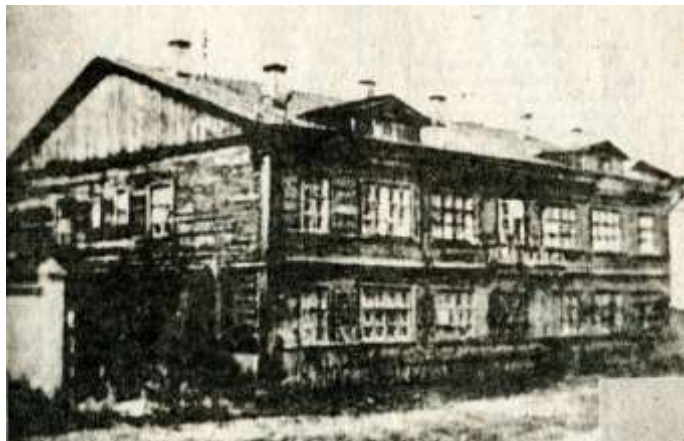
...Тогда они не решились вновь соединить судьбы. Прощальный поцелуй, прощальные стихи, написанные в лагерные годы — «Когда теряют счет годам». Разъехались в разные стороны: она — обратно в Рязань, а он — в местечко со странным названием Торфпродукт во Владимирской области учительствовать в сельской школе. А затем раздумья, переписка. Она едет к нему в Торфпродукт.

21 октября 1956 года. Снова встреча. Снова вместе. Объяснения, сомнения, трудное решение:

— Ведь я безнадежно болен, обречен на короткую жизнь...

Ты мне нужен всякий — живой и умирающий!

30 декабря 1956 года. Александр Исаевич Солженицын впервые приехал в Рязань (на разведку). Прогулки по улицам Рязани, в Кремль, по набережной Трубежа. Морозы. Вся Рязань в инее. Встреча нового 1957 года с вновь обретенной женой и тещей. Уезжает, чтобы через месяц вернуться в Рязань на постоянное житье. 2 февраля Солженицын повторно зарегистрировал брак с Н. А. Решетовской

Александр Исаевич поселяется в маленькой квартире жены в деревянном двухэтажном доме, в старой части города, «а тихой улочке (1-й Касимовский переулок, 12, квартира 3, ныне — улица Урицкого, 17).

Началось «тихое житье» в Рязани. Живут уединенно. Солженицын не стремится познакомиться с сослуживцами жены, не спешит заводить знакомых и друзей. Устраивается на работу учителем физики и астрономии в рязанскую среднюю школу № 2 имени Н. К. Крупской.

Эта одна из старейших школ в городе.

До революции здесь было Рязанское духовное училище, в котором учились академик Иван Петрович Павлов и знаменитый оперный певец Николай Николаевич Озеров. А в советское время, в 1920-е годы, здесь учился писатель Константин Симонов. Об этом извещают мемориальные доски на стенах старой школы.

Как учитель он пользуется уважением коллег и учеников. Скромн, корректен и ровен со всеми в обращении. Но ни с кем не сближается. Отказывается от лишних уроков, от должности завуча, от аспирантуры в Академии педагогических наук РСФСР.

После работы начинается вторая, потаенная жизнь Александра Исаевича, составляющая его подлинное призвание и предназначение — литературный труд. Он начал писать еще в школьные годы. Писал (вернее, мысленно сочинял) в заключении, в годы ссылки. Теперь все написанное, сочиненное надо перепечатать на машинке, которую купили еще в Москве как свадебный подарок.

Декабристы», «Пир победителей», «Республика труда». Эта работа занимает основное свободное время. Чтение книг и журналов, вечерние семейные чаепития, редкие посещения кино, театра и концертов в филармонии.

«Начинается в моей жизни какой-то совершенно новый этап — полноты семейного счастья,— писал Солженицын в письме друзьям по ссылке супругам Зубовым,— домашнего благополучия и бытовой устроенности. Будущее покажет, не испортит ли меня это. Но жить стало сладко и хорошо. Ну да, конечно, болезни постараятся, чтоб я не забывался».

Параллельно с перепечаткой ранее написанного А. И. Солженицын продолжает работу над романом с условным названием «Шарашка». «Шарашкой» на языке эзков назывались тюремные научно-исследовательские учреждения, где работали заключенные. В этом романе писатель отразил годы своего пребывания в «марфинской шарашке», недалеко от московского Останкино. Работа над романом началась ещё в годы кок-терекской ссылки и продолжалась во Владимирской области. В 1958 году в Рязани А. Солженицын сделал вторую и третью редакции книги, а всего за годы рязанской жизни им сделано шесть разных вариантов романа (1958— 1968), который получил окончательное название «В круге первом». Подобно тому, как герои «Божественной комедии» Данте проходят несколько кругов ада перед входом в чистилище, так и политические заключенные проходят разные этапы тюремного (один из ранних вариантов названия романа был «В первом круге ада»).

Работа над «Шарашкой», встречи с сотоварищами по заключению и ссылке привели А. Солженицына к мысли написать обобщающий труд о советских тюрьмах и лагерях (будущий «Архипелаг ГУЛАГ»). Потребовались годы собирания фактов, работы в архивах, прежде чем началась работа над главной книгой писателя.

Весной и летом Александр Исаевич любил писать на свежем воздухе. Во дворе дома, в самом дальнем его углу около забора, росла развесистая яблоня. Под ее сенью писатель устроил себе летний кабинет: смастерил стол и скамейку, поставил раскладушку. Сюда не доносился грохот автотранспорта, не беспокоили летний зной и пыль.

18 мая 1959 года в «кабинете под яблоней» Солженицын начал писать рассказ «**Щ-854**» или «Один день одного эка». В окончательном варианте повесть была опубликована под названием «Один день Ивана Денисовича».

Летний отпуск он с женой провел в Крыму, где начал работать над новым рассказом «Не стоит село без праведника» («Матренин двор») о своей жизни после ссылки в деревне Мильцево на Владимирщине. После возвращения в Рязань 11 октября завершает работу над «Одним днем...», пишет «Матренин двор» и пьесу «Свеча на ветру». Свеча — это образ человеческой души, которую человек не должен загасить и бережно должен передать в XXI век.

Писательство А. И. Солженицына оставалось тайной даже для близких друзей. Он писал «в стол», без надежды в обозримом будущем опубликовать свои труды...

Осень 1961 года. Проходил XXII съезд КПСС. На Солженицына произвела впечатление речь поэта А. Т. Твардовского, и он решил послать ему в журнал «Новый мир» своего «Ивана Денисовича». Передавал рукопись через своего московского друга, писателя Л. З. Копелева. На рукописи имени автора не значилось, и Копелев подписал ее псевдонимом «А. Рязанский». Повесть очень понравилась Твардовскому, а о ее авторе он сказал: «Хороший, чистый, большой талант. Ни капли фальши!..»

...11 декабря 1961 года, в день 43-летия Александра Исаевича, он получил телеграмму от самого Александра Трифоновича Твардовского, что «статья понравилась». На другой день Солженицын выехал в Москву в редакцию «Нового мира».

«Тихое житье», как называл муж годы, прожитые в Рязани,— вспоминала Н. А. Решетовская,— разом кончилось. Мы стояли у порога совсем другой, неведомой жизни...»

III. ВЗЛЕТ К СЛАВЕ

Весна 1962 года прошла у Солженицына в подготовке журнальной публикации «облегченного» варианта рукописи. Еще до ее публикации рукопись вызвала восторженный отзыв К. И. Чуковского, который назвал ее «литературным чудом», а С. Я. Маршак с восхищением отмечал, что «повесть написана с тем чувством авторского достоинства, какое было присуще только большим писателям».

Тщательно отредактированная машинопись повести «Один день Ивана Денисовича» с предисловием А. Т. Твардовского и положительными отзывами писателей поступила к референту Н. С. Хрущева В. С. Лебедеву, который в сентябре прочитал повесть вслух Никите Сергеевичу. Хрущеву повесть понравилась, и он дал свое «добро» на публикацию ее в журнале «Новый мир». Так была решена судьба рукописи и ее автора — рязанского учителя А. И. Солженицына.

11-й номер журнала «Новый мир» с повестью А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» появился в продаже в Москве 18 ноября 1962 года (в Рязани десятью днями позже). Первым откликнулся на произведение Солженицына К. М. Симонов в газете «Известия», затем последовали рецензии в «Правде» и «Литературной газете», которые дали высокую оценку повести никому не известного автора. Редактор журнала «Знамя» Г. Бакланов упомянул, что автор повести «рязанский учитель». А затем в разных газетах, журналах хлынул поток хвалебных рецензий, откликов.

23 ноября Солженицына навестил на дому секретарь рязанской областной писательской организации В. С. Матушкин. Он высказал «радость, что живет в одном городе с автором «Ивана Денисовича», и пригласил его на встречу с молодыми писателями.

А в Рязань хлынул поток читательских писем, на конвертах значились адреса: «Рязань, учителю Солженицыну, автору повести «Один день Ивана Денисовича», или «Рязань, улица Революции, школа № 2, - Солженицыну». В Рязань, к ставшему знаменитым писателю, потянулись журналисты, фотокорреспонденты, посетители, читатели, обожатели.

8 декабря 1962 года: «К нам домой снова пожаловал секретарь Рязанского отделения Союза писателей В. С. Матушкин. На этот раз он пришел не один, а с писателем Б. А. Можаяевым, который в то время жил в Рязани. Можаяев был одет даже несколько щегольски, а муж мой вышел к ним совсем по-домашнему, да еще в валенках (зимой полы были у нас всегда холодными). Можаяев оказался уроженцем и знатоком Рязанской области. Он удивлялся тому, что Солженицын так хорошо владел языком Рязанщины, точнее, Мещеры, которым Александр Исаевич широко пользовался в «Иване Денисовиче». Они предложили ему вступить в члены Союза писателей». *(Спустя несколько лет рязанская писательская организация первой исключит А. И. Солженицына из рядов «советских писателей» — от ред.)*

А на другой день, 9 декабря, в областной газете «Приокская I правда» появилась рецензия писателя А. И. Чувакина «Суровая правда». Наконец-то Рязань откликнулась:

«Автор описывает один, самый обычный день заключенных особого лагеря от подъема до отбоя, описывает с детальной достоверностью и подлинностью. И эта суровая, нисколько не приукрашенная правда, без нарочитого нагнетания ужасных фактов, придает повести сильное звучание. Реализм повествования производит неотразимое впечатление... Повесть воспринимается как подлинно человеческий документ, обличающий преступные злоупотребления власти в период культа личности».

Вчерашний скромный школьный учитель из Рязани стал широко известным писателем, начался стремительный взлет к славе.

44-й день рождения писателя отмечали скромно бокалами шампанского, а вечером он с женой был в концертном зале имени С. Есенина на вечере фортепианной музыки. Вызов в Москву в ЦК КПСС. Был на приеме на Ленинских горах в честь деятелей искусств Знакомство с Н. С. Хрущевым, М. А. Суловым, с писателями М. Шолоховым, А. Сурковым, В. Пановой, О. Берггольц, В. Кожевниковым.

Возвращение в Рязань. Встреча с рязанскими писателями и рассказ о приеме на Ленинских

горах.

29 декабря Александр Исаевич дает последние уроки в школе № 2. Отныне он будет профессиональным писателем. Отныне писательство станет целью и оправданием его земного существования. И в тот же день — простое совпадение или знак судьбы — Союз писателей РСФСР принимает решение: «Принять в члены Союза писателей Солженицына Александра Исаевича, 1918 года рождения, прозаика (г. Рязань)».

Новый 1963 год супруги Солженицыны встретили с артистами московского театра «Современник», расположенного тогда на площади Маяковского.

В конце января в Рязань поступил первый номер «Нового мира», в котором были напечатаны «Два рассказа А. Солженицына» («Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка»). Рассказы были положительно встречены и критикой, и читателями.

У писателя возникает мысль подготовить отрывки из романа «В круге первом» для «Нового мира». Еще в ушедшем 1962 году он сделал четвертую, наиболее полную редакцию романа, но в таком виде печатать его нельзя, предстояла работа над «облегченным» и сокращенным вариантом».

А. Солженицын подготовил рукопись цикла миниатюрных рассказов («Крохотки»), написанных в 1950-е—начале 1960-х годов на рязанском материале (в том числе о родине С. Есенина — селе Константинове, об Ольговом монастыре на Оке, где в то время покоился прах нашего земляка поэта Я. Полонского). Н. А. Решетовская аккуратно перепечатала на машинке эти «крохотные рассказы» мужа. Примерно в это же время, по ее свидетельству, у писателя возникло «непреодолимое желание написать рассказ р своем онкологическом прошлом» (замысел будущей повести «Раковый корпус»)..

Множество творческих замыслов, а жизнь между тем преподнесла ему обратную сторону известности и славы — беседы, встречи, посетители (подчас любопытствующие и докучливые), поток писем. Вся эта жизненная суэта мешает рабочей сосредоточенности. К тому же сказалось напряжение последних лет. У писателя появились частые головные боли на почве переутомления, которые мешали нормально жить и работать.

В письмах и беседах у писателя вырывается признание: уединиться, в глушь, за Оку, в Солотчу!

IV. ПОД СЕНЬЮ СОЛОТЧИНСКОГО БОРА.

Обратимся снова к воспоминаниям первой жены писателя Н. А. Решетовской: «Когда

Александр Исаевич появился в Рязани, я повезла его в Солотчу. Водная прогулка не особенно воодушевила Солженицына (знакомство с Солотчей началось с реки). Но как только он попал в прекрасный древний сосновый бор, влюбился в Солотчу без оговорок. Сюда мы любили приезжать и летом, и зимой. Гуляли в лесу, катались на лыжах. Когда к мужу пришла известность, на наш дом обрушился поток визитеров и корреспондентов. Уйдя с работы из школы, он решил, что скроется от этого шквала за Окой, в Солотче».

15 апреля 1963 года Наталья

Алексеевна проводила мужа в Солотчу.

В то время моста через Оку не было, и с наступлением весенней распутицы и паводка движение транспорта из Рязани в Солотчу прекращалось. После ледохода можно в Солотчу было приплыть на катере и теплоходе. В Солотче наступала пора весеннего затишья перед дачным сезоном.

Поселок был излюбленным местом работы и отдыха многих писателей; здесь постоянно бывали под кровом усадьбы гравера-художника И. П. Пожалостина К. Паустовский, Р. Фраерман,

А. Гайдар, А. Платонов, А. Роскин, К. Симонов. А теперь Солотчу избрал Александр Солженицын.

Писатель поселился в филиале гостиницы «Загородной» в соседнем монастыре, в бывших монашеских кельях. Номер был из двух комнат в угловой части корпуса. Александр Исаевич гулял по лесу. Наблюдал, как начала прибывать вода на реках Оке, Солотче и Старице. Льдины с треском громоздились одна на другую. А потом начался ледоход...

В тиши монашеской кельи Солженицын написал рассказ «Для пользы дела», сюжетом которого послужило происшествие в рязанском политехникуме. В конце апреля солотчинского отшельника посетил писатель Борис Андреевич Можаяев. Он сделал своему другу два подарка — найденную по пути лошадиную подкову «на счастье» и книгу «Власть тайги» с автографом «Дорогому Александру Исаевичу Солженицыну, российскому землепроходцу, от таежного бродяги».

А накануне майских праздников к Солженицыну в Солотчу на катере «Веранда» приехала жена Наталья Алексеевна. Прогулки по солотчинскому бору, чтение стихов Варлама Шалимова. Во время этих прогулок им приглянулся небольшой дачный домик на опушке леса, возле больницы, под вековыми дубами.

17 мая Солженицын отправил из Солотчи по почте в журнал «Новый мир» отпечатанную на машинке рукопись рассказа.

В те дни мыслями он уже был в новом романе или повести «Раковый корпус». Обдумывал сюжет и план книги, делал наброски и заготовки. Основной материал для новой книги автобиографичен (события, наблюдения, переживания, чувства и думы во время болезни самого автора). Еще во время заключения А. И. Солженицын был оперирован по поводу злокачественной опухоли. Тень смерти витала над ним. Потом, уже в Кок-Терекской ссылке, ему пришлось поехать на лечение в Ташкент в онкологический диспансер, где в 13-м корпусе он получал рентгенотерапию. Наконец, в Рязанском онкодиспансере писатель наблюдался и проходил курсы химиотерапии.

Свыше 40 дней продолжалось безвыездное весеннее солотчинское сидение Солженицына. 27 мая он вернулся в Рязань. Лето, как всегда, прошло в поездках: Москва, Ленинград, работа в Публичной библиотеке, отдых в Прибалтике. В начале августа — семейный велопоход по окраинным землям Рязанщины и на священное Куликово поле.

В середине августа вернулись в Рязань. Их ожидал очередной номер (№ 7, 1963) «Нового мира» с рассказом «Для пользы дела».

Скорей в Солотчу! Надо много работать. По просьбе писателя директор Солотчинской гостиницы «Загородная» С. А. Орлова приготовила возделенный дачный домик под дубами. Близится к концу шумный дачный сезон. Начало осени, скоро в Солотче снова станет тихо.

Писатель начинает втягиваться в работу над главами «В круге первом» для журнала. А затем его целиком захватила работа над «Раковым корпусом». Расширяется замысел, вместо задуманных 25 глав получается 32 (из них десять новых глав были написаны тогда, в Солотче).

Во время наездов жены короткие передышки в работе, игра в бадминтон. Собирают грибы. Восхищают крупные мухоморы, ярко-красные. Головные боли отпустили. В хорошую погоду Солженицын работает на воздухе; под дубами оборудован тесовый стол и скамейки излюбленное рабочее место Александра Исаевича. В книге о Солженицыне известного французского слависта Ж. Нива имеется такая запись, относящаяся к 1963 году: «Он начинает «чистить» «круг первый» для возможной публикации. Большею частью он работает за городом — в Солотче близ

Рязани, на берегу ручья, за столиком под дубами». Только раз писатель съездил в Рязань встретить друга, писателя В. Т. Шаламова. Едут в Солотчу. Захлодало. Задушевного разговора не получилось. А наутро Шаламов уехал в Рязань и Москву.

Успешно начатая тогда работа над «Раковым корпусом» затянулась на несколько лет. Писатель делал новые редакции «В круге первом», тайно начал работать над «Архипелагом ГУЛАГ», делая заготовки для цикла исторических романов «Р-17» («Красное колесо»). Только спустя два с лишним года, в мае 1966-го, Солженицын в Солотче закончил первую часть «Ракового корпуса».

«Солотчинская осень» в дачном домике окончилась. Она была плодотворной. 3 октября писатель возвратился в Рязань.

V. ДОРОГИ, ТРУДЫ, ТРЕВОГИ.

Дома он продолжает работу над «Раковым корпусом». Завершает «чистку» журнального варианта романа «В круге первом»... Этой же осенью он написал рассказы «Корова» («Живое существо») и «Как жаль».

28 декабря 1963 года газета «Известия» опубликовала список 19 кандидатов на соискание Ленинской премии в области литературы. Под 17-м номером значился А. И. Солженицын — повесть «Один день Ивана Денисовича».

Поздравляя с Новым годом А. Т. Твардовского, Солженицыны приглашают его погостить в Рязань на несколько дней.

1964-й встретили, как обычно, в семейном кругу. Были в филармоническом зале имени С. Есенина на концерте Академического хора А. В. Свешникова, который исполнял зарубежную духовную музыку.

Пока перепечатывался журнальный вариант «Круга», А. И. Солженицын решил сделать новый, более объемный и углубленный вариант романа (это была уже шестая по счету редакция «В круге первом», которая печаталась впоследствии в самиздате и переводы которой были опубликованы за рубежом).

Раньше, когда Александр Исаевич работал в школе, поездки были во время отпуска и школьных каникул. Теперь ему не сидится в Рязани. Он едет в Москву, затем в Ленинград, занимается в библиотеках, делает обширные выписки, работает в архивах, собирает материалы для будущего цикла исторических романов под условным названием «Р-17» («Красное колесо»). Замысел такой работы о русской революции возник у писателя еще в школьные годы. С этой мыслью он жил в годы войны, тюрьмы, ссылки.

И теперь, когда он стал профессиональным и признанным писателем, он вплотную подошел к осуществлению своего замысла и главной книги своей жизни.

В середине марта Солженицын едет в Ташкент в онкодиспансер, где лечился в годы ссылки. Он встречается со своими бывшими лечащими врачами — это необходимо ему для продолжения работы над повестью «Раковый корпус».

Зима-весна этого года принесли писателю огорчения. Развернулась кампания вокруг присуждения Ленинской премии в области литературы. Было немало выступлений за присуждение высшей премии государства Солженицыну. Но все настойчивее стали звучать отрицательные отзывы и оценки в адрес писателя и его творчества, были публикации в средствах массовой информации против присуждения премии Солженицыну. Весомо (почти предопределяюще) прозвучало мнение газеты «Правда». И если год с небольшим назад газета писала по поводу «Одного дня Ивана Денисовича», что «повесть А. Солженицына, порой, напоминает толстовскую художественную силу в изображении народного характера», то теперь / выступила против присуждения Ленинской премии писателю. Эту награду в 1964 году получил роман О. Гончара «Тронка».

2 мая Солженицыны получили телеграмму: с вечерним поездом Москва—Рязань «Березка» выехал А. Т. Твардовский.

Гостя разместили в кабинете. Три дня он читал журнальный вариант «В круге первом». Роман произвел на Александра Трифоновича сильное впечатление. Признается Н. А. Решетовской, что ее муж — великий, «поворотный» писатель. Проведен краткий разбор романа, итог — полное признание. Тогда решили переписать договор с «Новым миром» на публикацию «В круге первом» вместо «Ракового корпуса».

После отъезда гостя Солженицын опять уезжает в Солотчу и снова живет в дачном домике под сенью дубов вплоть до второй половины июня (этот факт подтвердил житель Солотчи В. С. Никулов, в то время работавший фельдшером в Солотчинской больнице и живший в доме по соседству с Солженицыным).

Лето, вплоть до сентября, Солженицыны путешествовали на своем автомобиле «Москвич», который они называли «Денис». Они исколесили на «Денисе» Северо-Запад России, посетили древние города Псков, Новгород, Изборск, Торжок.

Осень 1964 года и январь 1965 года писатель почти безвыездно живет в Рязани, работает преимущественно над «Архипелагом ГУЛАГ», замысел которого, как упоминали, возник еще в первые годы рязанской жизни.

ГУЛАГ — расшифровывается как Главное управление лагерей — зловещее ведомство в системе всемогущего НКВД. Система тюрем и лагерей, разбросанных подобно островам в море по всей стране, подчинялась этому ведомству. Отсюда у Солженицына и возникло образное название этого историко-художественного повествования. Слово это стало нарицательным, как бы символом подавления человеческой личности тоталитарным государством.

Александр Исаевич снова уединяется в Солотче для тайной работы над «Архипелагом». На этот раз он нашел приют не в гостинице, а в соседней деревне Давыдово (часть поселка Солотча) у одинокой старушки А. И. Фоломкиной (улица Первомайская, дом 89 — ныне не сохранился). Это была обычная бревенчатая деревенская изба-пятистёнка с надворными постройками и огородом, к которому вплотную примыкал сосновый бор.

«Солженицын перебирается жить в Давыдово - деревню, по существу сливающуюся с Солотчей,— вспоминала жена.— Здесь я нашла ему «вторую Матрену», как мы шутя называем хозяйку дома Агафью Ивановну Фоломкину. Ее в деревне больше называли Галина Ивановна. Но Александру Исаевичу нравилось, что ее звали старинным русским именем Агафья. У нее он прожил зиму 1965 года, заканчивая «Архипелаг ГУЛАГ», совмещая работу с предобеденными лыжными прогулками вместе с Полканом. На маленьком календаре у него было записано: «Февраль-март — лыжная жизнь (лучшее время года)».

Агафья Ивановна была бобылкой не очень общительной и несколько угрюмого вида — про таких в народе говорят нелюдимая. На деревне звали ее баба Ганя, а потом имя Ганя превратилось в Галю. А дачники величали ее Галина Ивановна. Соседи мало что смогли мне рассказать об Агафье. Некоторые сведения о ней я узнал у жительницы Солотчи Н. И. Суворовой, которая доводится ей родственницей:

— Баба Ганя, родом из соседнего села Заборье, по натуре своей была замкнутой и стеснительной, может быть поэтому и не вышла замуж, а всю жизнь прожила одинокой вековушкой. Много лет проработала на железнодорожной станции «Солотча», а потом сторожила райкооповские склады, что возле станции.

Несмотря на свою внешнюю нелюдимость, баба Ганя была доброй и отзывчивой. Она любила всякую живность, и когда была помоложе, то во дворе у нее водились поросята, куры, коза, собака, кошки.

Изба ее состояла из двух половин. В меньшей половине с двумя окнами жила сама, а просторную - комнату с тремя окнами и русской печкой она сдавала дачникам. Обе половины дома имели отдельный выход в общий длинный коридор.

Вот в дачной половине избы и проживал у нее писатель Солженицын. Ни сама Агафья Ивановна, ни мы, ее родные, не знали тогда, что он известный писатель.

Умерла Агафья Ивановна в 1987 году примерно в возрасте 73 лет, а похоронили ее в Заборье. Дом ее после смерти перешел во владение двоюродной сестры, которая продала его рязанскому фотографу. Новый владелец недавно на месте избы бабы Гани выстроил новый дом.

Такова была Агафья Ивановна — солотчинская «вторая Матрена». Она не вникала в жизнь своего постояльца, не знала, что он всесветно известный писатель, да и местные жители не

подозревали об этом (мало ли этих городских дачников проживало тогда в Солотче и Давыдове). Агафья варила писателю постные щи да картошку, приносила молоко. А жилец был скромн и нетребователен.

Не раз холодная и малоуютная изба Агафьи Фоломкиной служила Солженицыну писательским приютом. Здесь он закончил работу над «Архипелагом ГУЛАГ» и начал писать первую книгу исторической эпопеи «Красное колесо» («Р-17»)

роман «Август четырнадцатого».

Сам Солженицын так вспоминал об этой поре жизни: «Я ехал дальше, вглубь, под Солотчу, в холодную темную избу Агафьи (второй Матрены), где в оттепельные дни дотапливали до 15 градусов, а в морозные дни я просыпался чаще при двух трех градусах. По своему многомесячному плану я должен был теперь прожить здесь зиму. Обложился портретами самсоновских генералов и дерзал начать главную книгу своей жизни. Но робость перед ней сковывала меня, сомневался я — допрыгну ли...»

...Супруги Солженицыны любили музыку. Александру Исаевичу хорошо писалось, когда Наталья Алексеевна играла на пианино любимого ею Ф. Шопена. А он предпочитал музыку С. Рахманинова, Л. Бетховена, Ф. Листа.

Посещали они и концерты классической музыки в филармоническом зале им. С. Есенина. Но эти семейные культпоходы были редкими. Об одном из таких концертов в Есенинском зале вспоминает Решетовская: «Это было 3 ноября 1967 года. Выступал Московский симфонический оркестр под управлением известного дирижера Кирилла Кондрашина. Исполнялись 5-я симфония Бетховена и «Классическая симфония» Прокофьева. А знаменитый виолончелист Мстислав Ростропович исполнил в сопровождении оркестра «Вариации на тему рококо» П. Чайковского. На другой день Ростропович пришел на рязанскую квартиру Солженицына познакомиться со знаменитым писателем (музыкант узнал, что Солженицын был на его концерте). Это знакомство сыграло впоследствии большую роль в судьбе Солженицына и семьи музыканта.

Первого декабря Александр Исаевич снова уезжает в Солотчу в «халупу» Агафьи Ивановны. Работает «по-сумасшедшему», делает короткие передышки, вдыхая чистый морозный воздух, или делает лыжный пробег по заснеженному сказочному бору.

В середине декабря на несколько дней посещает Москву по издательским делам. Возвращается в Рязань и тут же едет в Давыдово. 27 декабря к нему в гости приезжает жена, и новый 1968 год он с Натальей Алексеевной встречает в «халупе Агафьи».

Пока Солженицын занимался тайнописательством «ГУЛАГа» и «Р-17», над ним все сильнее сгущались тучи... Правления Союза писателей СССР и РСФСР требовали от областной писательской организации исключения Солженицына из рядов Союза писателей. В Союз принимали «сверху», а исключать захотели «снизу».

4 ноября 1969 г. состоялось собрание рязанской областной писательской организации, на котором присутствовали секретарь СП РСФСР Ф. Н. Таурин, обкомовские боссы А. С. Кожевников и В. Л. Шестопалов, парторг организации писателей Н. К. Поваренкин. Бывшие со- братья по перу и организации высказали Солженицыну горькие и несправедливые укоры, что «поведение члена СП СССР, члена рязанской писательской организации А. Солженицына носит антиобщественный характер»... И приняли постановление об исключении А. И. Солженицына из членов СП СССР. Высшие инстанции с удовлетворением утвердили это решение.

Последние два года рязанской жизни Солженицын чаще проводит в разъездах.

По свидетельству близкого друга семьи Солженицына Н. Е. Радугиной, писатель покинул Рязань осенью 1969 года. У него фактически была другая семья, и он ожидал рождения ребенка. Его приезды в Рязань были связаны с болезнью и похоронами тещи, а также с оформлением развода с Н. А. Решетовской.

Почти тринадцать лет насыщенной творческой жизни писателя были связаны с нашим городом.

VI. СОЛЖЕНИЦЫН И РЯЗАНЦЫ

Хотя Александр Исаевич не имел в Рязани широкого круга общения, однако и сейчас среди рязанцев немало людей, знавших писателя. Это его бывшие коллеги по школе № 2 (ныне школа-

гимназия) и по писательской организации, его бывшие ученики, врачи, жители Солотчи — все, кто дружил, работал или встречался с писателем.

Бережно хранит воспоминания о Солженицыне близкий друг семьи Наталья Евгеньевна Радугина. Как драгоценность бережет она книги с автографами писателя и письма. А когда в июне 1992 года в Рязань приехали сыновья Солженицына — Ермолай и Степан — они нашли приют в семье Радугиных.

Врач областного онкологического диспансера Елена Алексеевна Горбунова лечила тещу Солженицына Марию Константиновну. Солженицын несколько раз навещал тещу в

больнице, относился к ней с большой теплотой и уважением, привозил нужные лекарства. Были у него встречи с врачами в ординаторской. Вел себя непринужденно, без тени зазнайства или величия, но с достоинством.

Мой коллега, врач-терапевт Дмитрий Константинович Панфилов, рассказал, что был лично знаком с Солженицыным и навещал его дома, когда писатель жил уже в квартире на улице Юннатов. Он беседовал с писателем, прочитал в рукописи роман «Раковый корпус».

«Воспоминания об этих встречах остались самые благоприятные,— сказал мой коллега,— и я пронес эти впечатления через все годы опалы писателя. Бурно радовался присуждению ему Нобелевской премии, хотя тогда, в 1970 году, это было небезопасно. Тем более радуюсь теперь возвращению в Россию его книг и предстоящему возвращению в Россию его самого».

Теплые воспоминания о встречах с Солженицыным остались у жительницы Солотчи Серафимы Александровны Орловой, работавшей много лет директором солотчинской гостиницы «Загородная».

«Несмотря на большую известность,— вспоминала С. А. Орлова,— А. И. Солженицын вел себя на редкость деликатно, никогда не предъявлял работникам гостиницы никаких жалоб и претензий. Он вел скромный образ жизни, замкнутый, много работал. Во время коротких передышек от работы он гулял по лесу, по берегу речки Солотча и Старицы...

Последний раз я видела его в Солотче в 1967 или 68-м году. Он был с женой в хозяйственном магазине. Он отпустил бороду, но я узнала его и поздоровалась с ним. Он как-то резко повернулся и испуганно ответил:

– *Здравствуйте,— и я слышала, как он тихо сказал жене:*

– *Кто-то меня узнал.*

С тех пор я его больше не видела. А впоследствии узнала, что его выслали за рубеж».

О встречах с Солженицыным я узнал и от рентгено-лаборанта областного детского санатория памяти В. И. Ленина Василия Степановича Никулова. В начале 1960-х годов он работал фельдшером в Солотчинской больнице, а жил в деревянном доме по соседству с гостиничным домиком.

«Как-то, осенью 1963/64 годов, в домике поселился высокий стройный мужчина средних лет, светловолосый, ходил он прямо, в нем чувствовалась военная выправка. Впоследствии я узнал, что мой сосед-дачник писатель Солженицын. Его имени, отчества я не знал, книг его не читал тогда. Жил он одиноко и нелюдимо. К нему из Солотчи приходила женщина, которая убирала квартиру, приносила молоко и хлеб. Иногда к нему приезжала жена. Она любила отдыхать и читать в гамаке, а он за ней заботливо ухаживал» — рассказывал В. С. Никулов.

Василий Степанович — страстный рыболов. Однажды он предложил писателю купить у него большую щуку, на что тот ответил: «А что я буду делать с ней? Да к тому же у меня нет денег — отдал их за молоко».

Он видел, как Солженицын подолгу сидел на скамейке за деревянным столом под дубами у домика и писал. Или в задумчивости прогуливался по лесу. Между собой соседи мало общались. На другую весну писатель снова поселился в домике, и он тогда сказал Никулову, что специально приехал в Солотчу в эту безлюдную пору, чтобы спокойно поработать до наступления дачного сезона.

Рязанские друзья и знакомые Александра Исаевича Солженицына помнили о нем все годы его опалы и изгнания.

Новая волна интереса к жизни и творчеству Солженицына в Рязани началась на рубеже 1980—90-х годов, когда в России стали публиковать после долгого перерыва произведения писателя.

В мае 1990 года в областной библиотеке имени А. М. Горького состоялась встреча рязанцев с первой женой писателя Н. А. Решетовской, которая подробно рассказала слушателям о рязанском периоде жизни писателя. В том же году были опубликованы ее воспоминания «Александр Солженицын и читающая Россия» (журнал «Дон», № 1, 2, 3, 4).

На доме в бывшем Касимовском переулке (ныне улица Урицкого, 17) установлена мемориальная доска с текстом: «В этом доме жил лауреат Нобелевской премии русский писатель Александр Исаевич Солженицын» — пусть она не из мрамора и бронзы, — главное сохранить память о знаменитом соотечественнике, И, наконец, осенью того же 1990-го года президиум Рязанского горсовета народных депутатов принял решение о присвоении А, И, Солженицыну звания Почётного гражданина Рязани. Через месяц с небольшим 21 октября из города Кавендиш штата Вермонт (США), где Солженицын живет с 1976 года и по сей день, пришло ответное письмо писателя, где он с благодарностью отвечал, что «глубоко тронут решением не забыть меня среди рязанцев». «В нынешнее тяжелейшее время для России, — писал далее Солженицын, — тяжело приходится и Рязани. Желая вам мудрых решений, которые помогли бы рязанцам и жить, и дышать. А главное — вырастить детей не в цинизме и не в безнадежности. Мой поклон землякам и Рязанской земле. А. Солженицын».

В мае 1992 года мы совместно с известным краеведом-фотографом Е. Н. Кашириным прошли в Солотче по всем солженицынским местам и вовремя все запечатлели на фотокадрах (идет ремонт монастырских келий, а дома в Давыдове уже нет). Тогда же я начал сбор материалов о рязанской жизни писателя к его юбилею.

И «под занавес» — как говорится. Ровно через три года после встречи рязанцев с Н. А. Решетовской, в мае 1993 года, в том же зале областной библиотеки состоялась встреча рязанцев со второй женой писателя — Натальей Дмитриевной Солженицыной. Она приехала на открытие выставки книг парижского издательства «Имка-Пресс», которое является издателем произведений А. И. Солженицына на русском языке за рубежом. Приезды Н. Д. Солженицыной и ее детей Ермолая и Степана в Россию и Рязань являются своеобразной подготовкой возвращения Александра Солженицына в свое Отечество, которое вернуло ему права гражданства.

В мае 1994 года ожидается возвращение Александра Исаевича Солженицына в Россию. И мы, рязанцы, надеемся, что «вермонтский изгнанник» снова встретится с земляками, с Рязанской землей, с которыми вынужденно расстался более двух десятилетий назад. Да будет так!

Гродзенский, С. Исаич: из воспоминаний школьника 50-х годов / С. Гродзенский // Книжное обозрение. 1990. – 24 августа (№34). – С.4-5.

В 1961 году я окончил 2-ю среднюю школу Рязани. В пору моего детства она была известна тем, что в 60-е годы XIX века в размещавшейся в ее стенах духовной семинарии учился будущий великий ученый-физиолог, академик, лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов. Несколько лет тому назад на старинном здании школы появилась еще одна мемориальная доска в память о том, что в 20-е годы века нынешнего здесь начинал образование писатель Константин Симонов.

В год двадцатилетия со дня окончания школы я заглянул в свою альма-матер и с огорчением обнаружил, что со стендов музея истории школы исчезли коллективные фотографии нескольких выпусков, в том числе — и моего. Мне дали понять, что причиной этого было указание идеологов из обкома: стереть все следы работы в школе в конце 50-х и начале 60-х годов Александра Исаевича Солженицына.

Но вот гласность достигла уровня, когда стало возможно прервать многолетнюю теле-радио-газетно-журнальную хулу в адрес замечательного писателя и Человека. Сейчас о нем много пишут и конъюнктурно, и искренне. Все, что относится к Солженицыну, приобретает общественный интерес. Вот и я решился рассказать о малоизвестной стороне его деятельности того времени, когда имя Александра Исаевича было известно лишь узкому кругу знакомых, считанному числу коллег да нескольким десяткам учеников.

Воспоминания нельзя рассматривать как «свидетельские показания». Поэтому вряд ли по этим заметкам следует делать вывод о взглядах А. И. Солженицына, относящихся к концу 50-х годов, и тем более ко времени нынешнему. Я пытаюсь взглянуть на далекие 50-е годы глазами школьника. Между тем пишущему эти строки сегодня уже больше лет, чем было Александру Солженицыну в конце 50—х. Чаще всего наши воспоминания детства — набор слайдов, сюжетно почти не связанных. Эти записки ограничены временными рамками — от первой встречи с А. И. Солженицыным в школьном коридоре до выпускного вечера. Я поддерживал отношения с Александром Исаевичем и позднее — приблизительно до 1970 года, но это уже другая тема.

А. И. Солженицын, математик по образованию (он окончил математическое отделение физико-математического факультета Ростовского университета), в нашей школе преподавал физику и астрономию.

Когда же я впервые увидел Александра Исаевича? Самое смутное воспоминание относится, кажется, к 1957 году. В нашем 7 «А» шел урок физики. Едва зазвенел звонок, как в класс стремительно вошел мужчина средних лет с фотоаппаратом. Он должен был запечатлеть фрагмент урока: «Внимание! Не двигаться!». «Так, отлично», «Еще раз»...

Я стал частенько встречать «фотографа» в коридоре. Причем без фотоаппарата, зато с учительской указкой. Не помню его важно расхаживающим по коридору. Походка его была стремительной, казалось, он всегда куда-то опаздывал, разговаривал торопливо и отрывисто, при этом энергично жестикулировал, на собеседников бросал испытывающий взгляд, слегка прищурясь. Позднее я узнал, что у него небольшая близорукость, а очки он обычно не носил.

Как-то на перемене я увидел его разговаривавшим с высокорослой десятиклассницей. То была известная в школе спортсменка, о чьих достижениях местного значения иногда сообщала рязанская газета «Приокская правда». Как и большинство спортсменов, Алла вела себя уверенно не только с одноклассниками, но и с учителями. Тем более я был озадачен, что перед «фотографом» она стояла словно первоклассница, а тот, улыбаясь, говорил: «Ну, что ты Аллочка! Электростатика — это же совсем просто. И потом было бы несерьезно с моей стороны — сразу же предъявлять высокие требования...».

И я понял, что это вовсе не фотограф, а преподаватель физики... В нашем классе с физикой дела тогда обстояли неважно. Ушел из школы учитель, и тогда-то в наш класс пришел Александр Исаевич. Чем запомнился его первый урок? Помню, появился он с озабоченным лицом «Это, конечно, плохо, что мы знакомимся не в начале учебного года. Трудно придется и вам, и мне. Давайте же помогать друг другу». Примерно такими словами начал Александр Исаевич. Мы сразу же окрестили его «Исаичем», и иначе между собой не называли.

Исаич повел рассказ о законах Ньютона. При этом он подчеркивал, что в фамилии великого физика ударение следует делать на первом слоге: Ньютон, а не Ньютон! Объяснение материала сопровождал шутками (относящимися, однако, к изучаемой теме), чем сразу нам понравился.

Со второго урока он начал опрос. И поскольку фамилии учеников записываются в классном журнале в алфавитном порядке, моя оказалась одной из первых. Пришлось «держать ответ». Изучали мы тогда закон сохранения энергии. Вопросы Александр Исаевич ставил просто. Комкал подвернувшийся под руку исписанный лист бумаги в шарик, бросал его на стол, подбрасывал к потолку, ловил, спрашивая, как происходит превращение потенциальной энергии в кинетическую, и наоборот.

ЧТО ЖЕ отличало Солженицына-учителя? Прежде всего — пунктуальность. За считанные минуты до урока приходил он в школу. Со звонком появлялся в классе, облаченный обычно в темный халат. Едва звучал звонок на перемену, урок прекращался. Солженицын не имел привычки задерживать учащихся. Если наступал его черед быть дежурным учителем, строго следил за порядком, опрятностью учеников.

Когда его урок оказывался последним, то, как положено, провожал учеников до гардероба, проявляя явное нетерпение в ожидании, когда его питомцы оденутся. И едва они высыпали за порог школы, уходил сам.

Бывало, еще перемена после его урока не кончилась, а он уже своей стремительной походкой удалялся от здания школы.

Стиль Солженицына-педагога отличался от большинства учителей. Как-то на одном из первых его уроков класс хором «уличил» его в том, что в записи условия задачи он пропустил традиционные и казавшиеся нам тогда обязательными слова: «Дано», «Требуется определить», «Решение». Уразумев, от чего это класс взволновало, Исаич, демонстрируя всем видом полнейшее недоумение, произнес: «Зачем⁷? Давайте экономить время и место в тетрадях». С тех пор исходные данные к задаче записывались в столбик и подчеркивались снизу и вертикальной чертой справа. Внизу (под чертой) символом и вопросительным знаком обозначалась цель задачи, а справа приводилось решение.

Урок А. И. Солженицына строился не совсем традиционно. Мы привыкли к тому, что 45 минут («академический час») делились на две части: 30 минут — повторение пройденного материала или опрос, державший учеников в напряжении, и остающиеся 15 минут — изложение учителем нового материала, когда учащиеся чувствовали себя спокойнее, расслаблялись, а то потихоньку начинали готовиться к предстоящему на следующем уроке опросу.

На уроках же Солженицына классу в течение всех 45 минут приходилось работать активно. Для получения оценки необязательно было выходить к доске. Достаточно в ходе урока 2—3 раза удачно ответить с места, и можно получить хорошую оценку. Вообще ему было тесно в рамках принятой пятибалльной системы, и он частенько пользовался «плюсами» и «минусами». Ценил находчивость, остроумие. За блестящий ответ готов был поставить «5+», но не помню, чтобы кто-то в нашем классе этого балла у Исаича удостоился.

Он требовал всегда ответа на поставленный вопрос, не допуская рассуждений вокруг да около темы. На одном из первых же уроков рассказал нам старый анекдот «о белых слонах» (о том, как студент на экзамене, знавший только одну тему — «о белых слонах», ответ на любой вопрос профессора сводил к «белым слонам»).

Во время урока А. И. Солженицын не терпел, когда что-то отвлекало от занятий. Он, словно от зубной боли, морщился, если слышал посторонний шум, и, не глядя на нарушителей, а лишь энергично погрозив пальцем в направлении шептунов, продолжал говорить... Вот озорник нарочито громко чихнул на весь класс, Исаич лишь на секунду повышал тон, не давая расслабиться, и урок продолжался. Как-то послышался звон рассыпавшихся по полу монет, по классу прошел смешок. Исаич тут же погасил его: «Пусть эти деньги так и лежат теперь на полу до перемены!», и урок продолжался.

Если он узнавал, что кто-то пропускает занятия не по болезни, а отговариваясь, например, репетицией школьного вечера, собранием секции парашютистов, оформлением праздничной колонны и т. п., его лицо приобретало скорбное выражение. Вспоминаю один особый случай.

Дело было в середине последнего учебного года. Нам разрешили было провести в будний день небольшой туристический поход, названный «днем здоровья», затем, когда все настроились, неожиданно запретили. И решили мы на этот «произвол администрации» ответить коллективной акцией протеста — один день всем классом прогулять занятия. Утром собрались в парке вблизи школы и двинулись в ближайший кинотеатр. Эта однодневная забастовка 10-го «А» была возведена в ЧП школьного масштаба. Отношение учителей к нашей выходке колебалось от иронического до агрессивно-злобного.

Исаич же был явно приятно поражён, что среди нас в тот день не было ни одного штрейк-брехера. На очередном уроке он был как-то особенно мягок с классом. Правда, вдруг предложил один из параграфов изучить дома самостоятельно, а в ответ на ропот класса воскликнул: «Так вы же вчера прогуляли» - и в кабинет физики вернулась тишина. А когда в решаемой им на доске задаче потребовалось применить формулу, которую мы не проходили, он весело бросил: «Я вам её вчера объяснял? Объяснял!», налегая на «вчера».

А. И. Солженицын делился с учениками не только знаниями, но и сомнениями. Если причина какого-либо физического явления была ему (или науке того времени) неизвестна, он этого не скрывал. Поругивая школьный учебник физики Перышкина («Такие учебники пишутся по до-

говору в течение одних летних каникул» — как-то заметил он), об учебнике астрономии Воронцова-Вельяминова отзывался высоко.

Вообще уроки астрономии Исаич вел, пожалуй, еще увлеченнее, чем физики. На первом занятии дал всем задание: каждый вечер в течение месяца выходить на улицу — следить за положением звезд на небе и вести дневник наблюдений.

— Знаю, — предупредил он, — в конце сентября вы мне заявите: «Александр Исаевич, ничего не получилось — весь месяц шли дожди». Но не обманешь. Я сам каждый вечер буду вести наблюдения.

Довелось мне быть свидетелем беседы Солженицына с коллегой — преподавателем астрономии. Едва тот отошел, Александр Исаевич произнес, глядя ему вслед: «Счастливым человек. Едет в экспедицию — в полосу полного солнечного затмения. Представляешь, воочию увидит солнечную корону. Для нас, астрономов, нет ничего важнее».

Объясняя природу белых ночей, говорил:

— В Рязани белых ночей не бывает. Верно. Но обращали вы внимание, как растянут у нас летний вечер, как медленно наступают сумерки?! В июне и в 9, и в 10 вечера еще совсем светло. До половины одиннадцатого можно фотографировать без лампы-вспышки. В южных широтах ничего подобного быть не может. Там, мгла приходит так быстро, что летний день переходит в ночь почти мгновенно... — И закончил многозначительно: — Надо уважать тот край, где живешь.

Запомнился мне его «Рассказ незадачливого фантаста». Он читал рассказ, а мы должны были замечать содержащиеся в тексте ошибки. Чем больше неточностей удавалось обнаружить, тем выше можно было получить оценку.

Довольно часто Исаич устраивал контрольные работы. В вариант входили две задачи. Первая — элементарная, на школьном жаргоне — «задача в один вопрос». Для решения ее нужно было применить лишь одну из основных формул «контролируемого» раздела физики да еще внимательно разобраться с размерностями входящих в нее величин.

Вторая задача формулировалась так, чтобы ученик мог показать свои знания и понимание пройденного материала. Тут учитель учитывал, логичны ли рассуждения, насколько рационально решение. Черновик сдавался вместе с контрольной. «Может оказаться, что именно в черновике вы были рядом с решением», — говорил Александр Исаевич и в этом случае ставил оценку «по черновику».

Если первой чертой Солженицына-педагога я отметил методичность, то вторая — принципиальность. Он никогда не «тянул» ученика. Во время контрольной можно было обратиться к нему за консультацией, он отвечал на поставленный вопрос, но предварительно предупреждал, что на полях контрольной сделает условный знак и оценка будет снижена на полбалла или целый балл в зависимости от ценности учительской подсказки.

А когда в выпускном классе, в преддверии экзаменов на аттестат зрелости, текущие двойки по всем дисциплинам превращались в тройки за год, только Исаич умудрился «провести через педсовет» одну двойку по физике и не допустить ученика до экзамена.

Хотя он никогда не старался «тянуть» ученика, но часто сопереживал отвечающему. Помнится, он вызвал ученицу, чтобы окончательно определить четвертную оценку по астрономии — «4» или «5». Ответ его вполне устраивал, но в какой-то момент соискательница высшего балла запнулась, из ряда послышалась подсказка, и тут совершенно раздосадованный Исаич воскликнул: «Девочка отвечает на «5». Так нет же, надо было помешать». Он все же поставил Альбине «5», но лишь после того, как она ответила на дополнительные вопросы.

У А.И. Солженицына в меньшей степени, чем у других учителей, была выражена черта, которую я бы назвал «педагогической инерционностью». Исаич мог поставить плохую оценку хорошему ученику, и наоборот.

Запомнился мне зачет по теме «электростатика». Подготовился я тщательно. Накануне зачета придумывал различные каверзные вопросы и сам же на них отвечал. Начался зачет гладко, как говорил Солженицын, по принципу «вопрос — ответ». Мой ответ следовал мгновенно за вопросом учителя. Отвечаю так, что стало весело. И вдруг... нестандартный вопрос Исаича, и я тупо молчу, чувствую, что мне не ответить. Затянувшуюся паузу прерывает голос учителя: «Сергея, до сих пор ты отвечал просто блестяще (и при этом бросает на меня острый взгляд). «Отлично» заслужил. Но подумай над этим вопросом».

Я по памяти воспроизвожу реплики А. И. Солженицына, будучи не в силах передать его интонации, взгляд, жесты... Кажется, я справился с тем вопросом, и хотя «5+» не получил, до сих пор, когда слышу «электростатика», на душе становится светлее.

Исаич старался дать возможность ученику поверить в свои силы. Один пример из собственного опыта. Мы изучали оптику. Для урока нужно было начертить на доске схему преломления лучей в какой-то наисложнейшей (по школьным меркам) системе не то линз, не то зеркал. Обычно в такой ситуации обращались к услугам двух «штатных» чертежников. Но их почему-то в тот момент в классе не оказалось, и Александр Исаич попросил меня. Я стал было отнекиваться, потому что черчение недолюбливал. Но Исаич, хотя и мягко, но настойчиво вынудил меня попробовать, подчеркивая, что у меня должно получиться. Нужно только поверить в свои силы. Чертеж и впрямь удался...

А, И. Солженицын говаривал, что человек порой сам свои потенциальные возможности не в состоянии оценить. «Несколько лет назад. — рассказывал Александр Исаевич — врач откровенно сказал мне: «Вам осталось жить совсем немного, месяц, максимум два» И тогда я мобилизовал силы своего организма. И, как видишь, выжил».

Как реагировал он на выходки учеников? Невозможно представить себе Солженицына кричащим: «Вон из класса!», или с угрозой: «Завтра явишься с родителями, иначе я тебя к уроку не допущу».

Когда мы стали десятиклассниками, в школе завели порядок: учитель, который вел первый урок, должен был несколько минут посвятить текущей политинформации. Первая политинформация А. И. Солженицына продолжалась полминуты — несколько коротких фраз о наиболее важных событиях. А затем он предложил, чтобы политинформации готовили сами учащиеся, рассказывая о том, что было самым, по их мнению, интересным. Поначалу такие утренние беседы в дни, когда первым уроком была физика, оказались довольно интересными.

Как-то, когда политинформация закончилась и Александр Исаевич устремился к доске, чтобы начать урок, я позволил себе реплику с места: «Александр Исаевич! А спортивные новости?». Исаич только буркнул: «Хватит с вас. Им еще и спортивные новости». Через мгновение, начав писать на доске какую-то физическую формулу, он бросил взгляд в мою сторону и продолжал: «Я слышал, что проходит чемпионат школы по шахматам и Гродзенский, втайне, конечно, претендует на первое место. Вот когда турнир закончится, я обязательно на политинформации расскажу об его итогах». Класс развеселился. Я почувствовал, что краснею.

Запомнился урок вежливости, преподанный нам учителем физики. В ответ на банальное одного из вошедших в физический кабинет учеников: «Здравствуйте, Александр Исаевич», он возразил: «Мы же с тобой сегодня уже здоровались, — и продолжал, обращаясь к присутствующим, — проведем небольшой конкурс — кто лучше ответит: как следует поступить, если вы встречаете человека, с которым уже здоровались?». Все молчали, Исаич настаивал: «Ну, все же, как поступить?! Снова сказать «Здравствуйте»?! Глупо. Уже здоровались. Пройти мимо, как бы не замечая? Тоже глупо...». И после паузы закончил: «При повторной встрече надо улыбнуться этому человеку».

В ПОРУ, когда имя Александра Солженицына упоминалось только в ругательном контексте, его обвиняли во всех грехах, в том числе и в антисемитизме. Должен сказать, что моя память цепко фиксирует любые, даже самые мелкие факты такого рода. Так вот, за все годы знакомства с А. И. Солженицыным никакого намека на антисемитизм в его словах и поступках не было.

Проявлялась ли уже тогда религиозность Солженицына? Пожалуй, явно нет. Но к религии он относился с уважением. Говаривал, что люди слишком мало знают о себе, чтобы клеймить Бога. «Как родился — не помню, когда умру — не знаю», — не раз повторял он.

Как-то на его уроке делалось объявление об антирелигиозной беседе. Реплики об обязательности посещения мероприятия комсомольцами Александр Исаевич прервал: «Продолжаем урок. Объявления делаются не для того, чтобы их обсуждать».

Однажды я поведал Исаичу, что в детстве крещен по настоянию бабушки. А. И. Солженицын в ответ сказал: «Это очень хорошо, Сережа».

ЧТО МОЖНО сказать о тогдашних увлечениях А. И. Солженицына? Вспоминая о годах юности, рассказывал, что было время, не представлял жизни без футбола, увлекался шахматами,

участвуя в турнирах, получил третью категорию. Позднее он разочаровался в «игре королей», считал, что она вынуждает человека тратить много энергии впустую. Однажды высказался в том смысле, что наши шахматные успехи потому и афишируются, чтобы прикрыть отставание в иных, куда более важных областях.

Он любил теннис и сетовал как-то: «Рязань — некультурный город. Нет ни одного приличного корта». Помнится, Исаич принял участие в устройстве теннисного корта возле радиоинститута. Уже став студентом этого учебного заведения, я как-то раз наблюдал за его игрой. С трибун неслось «Исаич! Исаич!»: многие его ученики поступили именно в этот институт.

Еще его увлекали туристические походы, особенно велосипедные. Когда один из его учеников заметил, что, путешествуя на автомобиле, можно увидеть куда больше. Исаич ответил: «Ты — сын двадцатого века, а я больше девятнадцатого. Для меня важно пройти весь путь самому. Едешь на велосипеде, смотришь по сторонам — все твое. А на машине?! Что-то там пронеслось со скоростью восемьдесят километров в час и забылось». Говорил он нам, что теплоходные прогулки не любит по единственной причине — целые дни гремит репродуктор. Проявлял Александр Исаевич интерес к драматургическому искусству, иной раз высказывался о живописи. Помнится, серьезно оценивал игру в школьных постановках. Но сам активного участия в организации школьных вечеров не принимал. Иногда он появлялся на них с фотоаппаратом и лампой-вспышкой.

Казалось, что его главное увлечение — фотодело. Исаич организовал нескольких учеников нашего класса в фотокружок. Как руководителя кружка Солженицына отличала аккуратность, дополнявшаяся бережливостью.

Приучая нас к аккуратности, Исаич придумывал правила, которые для легкости запоминания облекал в рифмованные строки, они висели на стенах небольшой комнаты, в которой располагался фотокружок. Одно из правил помню:

Будь аккуратен
исключительно.
Раствором чистым дорожа.
Воронка желтая —
для проявителя,
Воронка красная —
для фиксажа.

Догадывались ли мы, что он — писатель? Нет, могу сказать определенно. Вообще, несмотря на внешнюю открытость Солженицына, его жизнь за школьным порогом была нам неведома. Мы знали о нем меньше, чем об иных учителях.

Мне запомнился лишь короткий диалог между нами в фотолаборатории. Я поделился с Александром Исаевичем впечатлением от только что прочитанного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Он в ответ пожал плечами: «Не понимаю, как можно вдвоем работать над одним литературным произведением. Я не представляю, как бы стал писать с соавтором».

Я еще подумал про себя: о каком это соавторстве говорит учитель физики, и спросил: «Вы пишете?» — «Я сейчас работаю над одной вещью», — ответил Александр Исаевич. На секунду лицо его приняло страдальчески-озабоченное выражение, но тотчас просветлело, и он круто переменял тему разговора.

Больше о его литературных упражнениях мы не заговаривали. И то, что мой школьный учитель физики — писатель, я узнал только после публикации «Одного дня Ивана Денисовича».

Как-то в порыве возмущения очередным административно-бюрократическим шагом местных властей, я воскликнул в присутствии Солженицына: «Ну, как так можно! Неужели они не понимают?!». Исаич спокойно сказал: «Понимают. Это ты, брат, еще не понимаешь». Я вспомнил эту фразу и его печальные глаза, когда, читая его повесть, дошел до сцены возмущения кавторанга Буйновского произволом охранников.

Он трепетно относился к русской речи. Болезненно реагировал на ее искажение. Услышав обращение одного из своих учеников к другому: «Кто ж так ложит книги?», он схватился за голову и с ужасом зашептал сказавшему: «Нет в русском языке глагола «ложить». Так говорить нельзя». Когда в его присутствии поправили сказавшего «слесаря» вместо «слесари», он сказал:

«Язык — живой, развивающийся организм. Пройдет время, и все начнут говорить «слесаря», «токаря», «трактора». Это будет считаться единственно правильным».

Огорчившись, что я не читал Стефана Цвейга (он произнес — «Цвайга»), с восхищением отозвался о творчестве этого писателя, его биографических романах.

Один из учеников сочинил шутовую пьеску, в которой под фамилиями - характеристиками (типа «Сорокина», «Тугодумов») легко узнавались одноклассники. Исаич сказал, что такой литературный прием ему неприятен. Когда одна из знатоков литературы из нашего класса спросила: «А как же Фонвизин?», он возразил, что речь вел не о литературе XVIII века.

На исходе десятого класса, когда пришла пора выбирать жизненный путь, Александр Исаевич поинтересовался, куда собираюсь я поступать после школы. Я ответил, что предпочел бы заняться точными науками, а родители хотели бы видеть меня врачом. Исаич оживился и сказал, что мнение моих родителей он одобряет. Почему? Да потому, что профессия очень нужна в любых жизненных ситуациях, особенно это чувствуется... в заключении.

«Попал я в лагерь, — начал Александр Исаевич и, не обращая внимания на мой вопросительно - растерянный вид, продолжал, — и там понял преимущество профессии врача. Представляешь, первыми загибались историки, философы, вообще разные гуманитарии, которых использовали на тяжелых так называемых общих работах. Меня спасло то, что я — математик, смог попасть в придурки — на должность инженера. Теперь завидовал только медикам, которые чувствовали себя в лагере еще вольготнее. Бывало, перед врачом-зекон снимало шапку лагерное начальство».

Меня поразили этот принцип выбора жизненного пути: овладевай той профессией, которая пригодится, если попадешь в тюрьму. Все же я поступил в Рязанский радиотехнический институт. Туда же устремились и многие одноклассники. Исаич был патриотом школы и переживал за своих учеников. Он сказал мне с укоризной в конце последнего учебного года, когда увидел мое имя в газете среди участников юношеского первенства области по шахматам. «Ты, наверное, все лето будешь играть в шахматы, а потом опозоришь школу на экзаменах в институт».

Тем не менее и я, и почти все другие ученики А. И. Солженицына нашего выпуска на вступительных экзаменах по физике получили «пятерку». Встретившись со мной, Александр Исаевич подробно расспрашивал меня о том, как проходил экзамен, очень радовался успехам своих учеников.

...Пришел выпускной вечер, А. И. Солженицын появился в коричневом костюме с университетским значком и при боевых наградах. Выступившая от имени выпускников Светлана, поблагодарив всех педагогов, назвала его нашим любимым учителем. Затем был выпускной бал. Исаич тაციовал со своими вчерашними ученицами. Танцевал умело, но движения его в танце были несколько порывистыми. В перерывах между танцами подсаживался к нам.

Зашла речь о Галуа. «Вот пример гения, — сказал Исаич — Занимался немного политикой, немного любовью, немного математикой. Накануне дуэли, на которой погиб, оставил другу свои математические заметки, и только спустя много десятилетий их смогли понять, и это стало основой теории конечных полей». Я рассказал о прочитанной незадолго перед тем книге Леопольда Инфельда «Эварист Галуа. Избранник богов». На это Исаич мягким, шутовым тоном изрек, что пройдут годы и на нашей школе появится еще одна мемориальная доска в честь одного из выпусков 1961 года. В школе создадут музей и поместят там классный журнал 10-го «А», предварительно подчистив оценки, недостойные гения...

«Много вам придется подчищать, Александр Исаевич!» — в том же тоне откликнулся я.

Ранним июньским утром завершился выпускной бал, осталась позади школа. Нам, выпускникам 1961 года, и в голову не могло прийти тогда, что настанут долгие годы, которые мы потом назовем застойными. Что каждый из нас будет готов защищать своего учителя от наветов. ни на грош не веря высказываниям о Солженицыне современных болгаринных и гречей.

Пришло время исчезнуть искусственно созданному «белому пятну» в истории нашей школы, и, может быть, на ее здании когда-нибудь появится мемориальная доска в честь работавшего здесь выдающегося писателя-гуманиста, лауреата Нобелевской премии и замечательного педагога Александра Исаевича Солженицына. И пусть этот памятный знак будет установлен очень нескоро.

Жукова, И. История одного письма Солженицына / И. Жукова // Рязанский комсомолец. – 1990. – 14 апреля.

Пришла пора раскрыть секрет — время от времени журналисты «РК» любят почаевничать за самоваром в кругу занимательных собеседников. Разморенные чаем гости теряют бдительность и без усилий «заглатывают» неформальные вопросы хитрых корреспондентов.

На одной из таких встреч (в ноябре прошлого года) в редакцию были приглашены американские студенты, стажировавшиеся в изучении русского языка в Рязанском пединституте. Сначала беседа была общей — говорили о проблемах молодежи и житейских мелочах, обменивались мнениями о перестройке. Потом, как это бывает в больших компаниях, образовались группы собеседников по интересам.

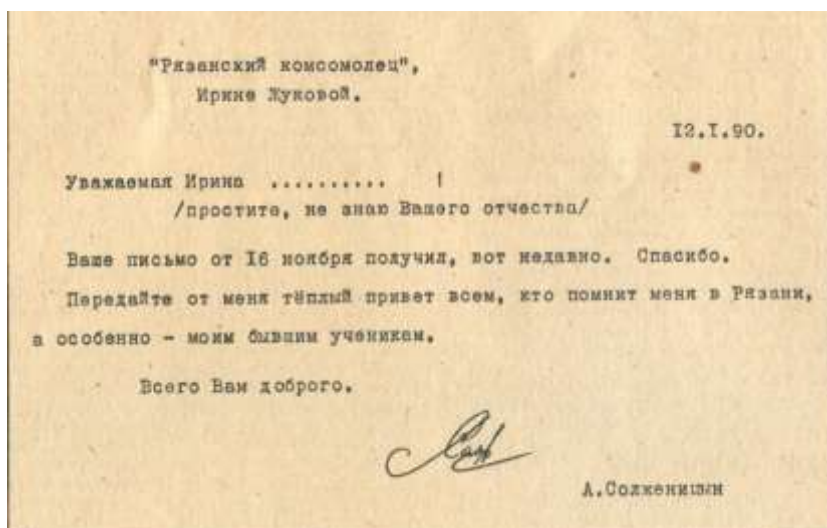
Рядом со мной за столом сидел студент Кэн Ворнум из американского городка Этна. Когда зашла речь о русской литературе, которой он увлекается, я рассказала ему о своей недавней работе над очерком о жизни Александра Исаевича Солженицына в Рязани. Услышав это, Кэн оживился и признался, что сам преклоняется перед творчеством писателя, знаком с его книгами и мечтает о личной встрече. В тот момент я ему просто позавидовала — то, что для соотечественников Солженицына несбыточная мечта — свободно читать все его произведения, для американцев реальная возможность. Желание Кэна — встретиться с Солженицыным тоже имеет земное происхождение — город Этна в 40 километрах от того места, где живет писатель, а личный секретарь Солженицына — хороший друг студента (через него Кэн узнавал о жизни русского писателя в Америке).

Говорят, что Александр Исаевич очень скучает по Рязани, но возвратиться пока не может, ведь ему все еще не возвращено советское гражданство, некогда бесосновательно отобранное.

Потом разговор с американцем перекинулся на другие темы, а мне пришла в голову сумасшедшая идея — пока коллеги расспрашивают Кэна, написать письмо Солженицыну. Прямо здесь же, среди шума и говора, начеркала коротенькое послание на одной страничке, которое сводилось к следующему — читаем, помним, ждем. Коллеги по газетному цеху с сомнением отнеслись к моей сумасбродной затее. Конечно, у Солженицына огромная почта, множество дел, и наверняка ему некогда отвечать на письма провинциальных журналистов. Но надежда тлела, давая жизнь счастливому: «А вдруг?». Мой новый знакомый взялся выступить в роли письмоноса.

На другой день по просьбе Кэна мы совершили прогулку по Рязани, и я показала американцу места, связанные с именем Солженицына. Мы побывали на двух его квартирах — везде Кэн не расставался с фотоаппаратом (хотел запечатлеть родные для Солженицына уголки).

Потом Кэн Ворнум уехал, а я оказалась в гуще других дел и забот. Каково же было мое удивление, когда через несколько

месяцев, в начале января, я получила заграничный голубой конверт – с приветом от Солженицына. Молодец, Кэн! Передал письмо и, наверное, свои рязанские фотографии.

Я не стала бы описывать историю этого письма, если бы оно касалось только меня. Но это послание из далекой Америки от великого русского писателя – всем рязанцам, особенно его ученикам.

Казаков, А. Нарушить равнодушное безмолвие: Вместо предисловия к одному литературному этюду / А. Казаков // Рязанский комсомолец. – 1990. - 14 апреля.

В начале 60-х годов на страницах журнала «Новый мир» появилось новое литературное имя: Александр Солженицын. Представляя его, главный редактор «Нового мира» А. Т. Твардовский писал, что первая небольшая повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» «ярка и своеобразна в самой своей будничной обычности и внешней непритязательности», что это «означает приход в нашу литературу нового, своеобразного и вполне зрелого мастера» («Новый мир», 1962, № 11).

Время подтвердило правоту Твардовского: спустя десятилетие автор «Нового мира» был удостоен Нобелевской премии в области литературы.

В 60-е годы А. Солженицын опубликовал в советской печати только одну повесть («Один день...») и несколько рассказов («Захар-калита» и др.) Большого ему сделать не удалось, хотя редколлегия «Нового мира» и предполагала напечатать такие крупные вещи писателя, как «В кругу первом» и «Раковый корпус». Эпоха брежневского застоя стала закатным часом для «Нового мира» и его редактора, в начале 70-х годов начался настоящий погром журнала, инициатором которого, с подачи аппарата М. А. Суслова, выступило прежде всего тогдашнее руководство Союза писателей СССР, буквально заставившее Твардовского уйти со своего поста и исключившее Солженицына из членов СП.

Ко времени личного знакомства Твардовского и Солженицына, а это было время XXII съезда партии, 1961 год, Александр Исаевич жил в тихой уездной Рязани, где учительствовал в одной из школ, (преподавал физику и математику). К тому времени он уже осознал себя писателем, давно, еще в 50-е годы, была написана повесть о заключенном «Щ-854» (первый вариант заглавия), которую со временем весь мир узнал как историю «Одного дня Ивана Денисовича», заключенного Ивана Шухова, отбывающего свой срок в тяжелых условиях сталинской лагерной каторги... И в те же 60-е годы Александр Солженицын набирается впечатлений от окружающей его современной жизни — в свободное время он путешествует на велосипеде по родному Приокскому краю, по жарким августовским степным дорогам, «по пешеходным двудосочным мосткам», что вели от священного поля Куликова к есенинскому Константинову... От впечатлений одного из таких путешествий и возникла тема литературного этюда «На родине Есенина», написанного в середине 60-х годов. Всего-то полторы страницы текста, но какая глубина осмысления исторической судьбы великого лирика России. Да только ли о судьбе Есенина здесь речь? Не о нас ли в первую очередь говорит писатель? О деревнях и городах, «каких много, где и сейчас все живущие заняты... наживой и честолюбием перед соседями». Заметить, ободрить, поддержать огонь небесный в юном таланте — такова суть размышлений автора этюда, где каждая строка нарушает равнодушное безмолвие заповедников наших душ.

Этюд «На родине Есенина» органически примыкает по содержанию к рассказам Солженицына «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Захар-калита?») — все они написаны и опубликованы в «Новом мире» в 60-е годы. Однако этюд, посвященный Есенину, так и не дошел в те годы к читателю, оставшись в архиве редакции. Позднее его копия попала в фонды Дома-музея Сергея Есенина в селе Константиново Рязанской области, а уже оттуда текст разошелся в списках по частным есенинским собраниям. С этим текстом я повстречался, знакомясь с книжной коллекцией известного собирателя и библиофила И. А. Синеокого, когда был у него в Омске в 1978 году. В то время я уже начал собирать материал для есенинской антологии «Я в песне отзовусь...» (недавно эта книга вышла в свет в Южно-Уральском книжном издательстве), и, конечно, мне хотелось бы опубликовать этюд «На родине Есенина». Но, по известным причинам, идею эту осуществить не удалось. И сегодня, когда он предстанет перед массовым

читателем, пусть прозвучит как приложение к моему сборнику о поэте, прозвучит как наглядное подтверждение мысли Твардовского, когда он в частной беседе советовал Солженицыну: «Вы отстаивайте рубеж, а не каждый окопчик!» Именно таким всеобщим рубежом является и сложная история нашей духовной жизни, в которой слово Александра Солженицына не утратило своей весомости.

Солженицын, А. На родине Есенина / А. Солженицын // Рязанский комсомолец. – 1990. – 14 апреля.

Четыре деревни одна за другой однообразно вытянуты вдоль улицы. Садов нет. Нет близко и леса. Хилые палисадники. Кое-где грубо-яркие цветные наличники. Многопудовая царственная свинья посреди улицы чешется о водопроводную колонку. Мерная вереница гусей разом обертывается вслед промчавшейся велосипедной тени и шлет ей дружный воинственный клич. Деятельные куры раскапывают улицу и зады, ища себе корму.

На хилый курятник похожа магазинная будка села Константинова. Селедка. Всех сортов. Конфеты-подушечки, слипшиеся, каких уже пятнадцать лет нигде не едят. Черных буханок булги, увесистей вдвое, чем в городе, не ножу, а топорю под стать.

В избе Есенина — убогие перегородки не до потолка, чуланчики, клетушечки, даже комнатой не назовешь *ни одну*. В огороде — слепой сарайчик, да банька стояла прежде, сюда в темень забирался Сергей и складывал первые стихи. За пряслами — обыкновенное польце.

Я иду по деревне этой, каких много, где и сейчас все живущие заняты хлебом, наживой и честолюбием перед соседями, — и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и еще сегодня он обжигает мне щеки здесь. Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далекой темной полоске хворостовского леса можно было так загадочно сказать: «Набору со звонами плачут глухари...», — *и об этих луговых петлях* спокойной Оки: «Скирды солнца в водах лонных»?

Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько материала для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?

Жукова, И. Свой среди чужих, чужой среди своих, или Зимы и весны А. И. Солженицына / И. Жукова // Рязанский комсомолец. – 1989. – 28 ноября; 30 ноября; 2 декабря.

I. До известности. Школа

Неширокие улицы с деревянными домами в центре, только-только заселенные новостройки на окраинах, железобетонные остовы строящихся заводов и видный во всех точках города величественный кремль с синими куполами-луковками. Старинный русский город, быстро растущий ввысь и вширь, сохранил еще черты древности. Такой предстала Рязань перед Александром Исаевичем Солженицыным в 1956 году. Оказался он здесь по воле случая. После войны с 1949 года в

Рязани жила бывшая жена Александра Исаевича Наталья Алексеевна Решетовская. Она препода-

вала химию в Рязанском сельскохозяйственном институте. После развода отношения восстановились, и они вновь решили быть вместе. Приезд Солженицына для всех прочих рязанцев остался незамеченным.

Были мысли о литературном труде, были первые опыты, но зарабатывать на хлеб насущный нужно чем-то более реальным. Вспомнив свою прежнюю специальность учителя, Александр Исаевич поступил на работу во вторую среднюю школу Рязани. Этой старейшей школе города — бывшей мужской гимназии — «везло» на знаменитых людях. Здесь учились академик Иван Павлов, писатель Константин Симонов, выступала Надежда Константиновна Крупская. Кто бы мог подумать тогда, что и скромный учитель физики и астрономии Солженицын тоже составит славу школе... Отнеслись к новому преподавателю в школьном коллективе доброжелательно, с пониманием. Многие знали о том, что Солженицын подвергался репрессиям, но никто не расспрашивал его об этих тяжелых годах жизни.

Уроков Александр Исаевич старался брать немного — в среднем около пятнадцати часов в неделю. Но вел их добросовестно и вдохновенно. Занятия его любили, и преподавателем он считался сильным и интересным. Но главным для него было свободное время, которое, в основном, он проводил за письменным столом. Для всех, кто его знал по школе, вплоть до публикации в журнале «Новый мир» повести «Один день Ивана Денисовича», А. И. Солженицын был только коллегой, учителем. Он с таким интересом относился к занятиям, что заподозрить его во второй большой «любви» было трудно.

Вот что вспоминает об учительствовании Александра Исаевича учитель истории школы № 2 О. Б. Суслович:

— Как преподавателя А. Солженицына очень уважали и ценили. Он всегда работал с выдумкой. Ученикам было интересно на его уроках. На урок астрономии, например, мог принести томик Толстого, Достоевского. Прочитает какой-нибудь отрывок из произведения и спрашивает, что здесь неправильно с точки зрения астрономии. Писатели ведь любят описывать звезды, но часто бывают неточны в их описании. Солженицын любил точность.

— С кем-то из учителей дружил Александр Исаевич?

— Что-то не припомню. У него со всеми были ровные, добрые отношения... Александр Исаевич не лез в мелочные дразги, но, если нужно было, проявлял принципиальность. Был очень гордый и не терпел хамства. Особенно от чиновников. Некоторое время наша школа была базовой для Академии педагогических наук СССР. Однажды я, завуч и Александр Исаевич поехали в Москву в один из институтов за разъяснениями. Зашли в кабинет к заведующему нужного нам сектора. Тот, вальяжно развалившись в кресле, прикрылся от нас газетой, Мы подождали минутку, две, пять. Первым не выдержал Солженицын. Безмолвно повернулся и вышел. Мы за ним. За дверью он остановился, еще раз пробежал табличку с надписью «доктор педагогических наук» и вздохнул: «Мне страшно читать это! Он даже на ученика не тянет».

— Были ли когда-нибудь у вас или у других учителей разговоры на литературные темы, о его ненаписанных книгах?

— Если и говорили, то на какие-то общие темы. Впервые о его книгах я разговаривал с Александром Исаевичем уже после его ухода из школы. Мы встретились в филармонии. Я поздравил Солженицына с выходом повести «Один день Ивана Денисовича». Спросил — не собирается ли он писать книгу о школе. Александр Исаевич ответил, что, может быть, и написал бы, но написанное им все равно не напечатают.

И. А. Петров, в то время преподаватель физики школы № 2:

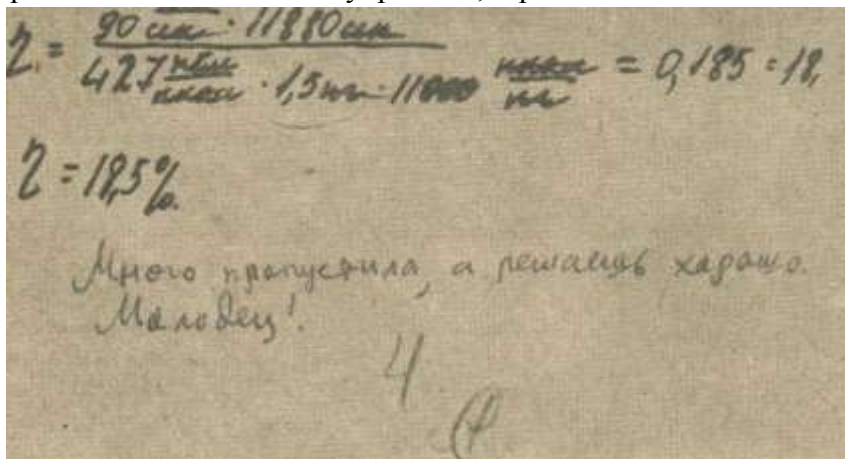
— Мы сталкивались с Солженицыным только по работе. Он энергичный, темпераментный человек. Объяснения его на уроках были захватывающими, эмоциональными. О том, что он пишет, не знал. Думал, что Александр Исаевич, так же, как и мы все, полностью захвачен учебной работой. Ребята на уроках слушали его с большим вниманием. Я часто был свидетелем его блестящих уроков.

— Он чем-то отличался от других учителей?

— Разве что несколько большей обособленностью. Жил какой-то своей внутренней жизнью. Интерес к Александру Исаевичу, конечно, был всегда. Он казался необычным человеком. Никого не допускал себе в душу...

Гораздо мягче, раскованнее, менее настороженно Александр Исаевич вел кабинет, класс замирал. Не от трепетного страха — от живого интереса к учителю, к предмету, который он вел. Энергичный, подвижный, Александр Исаевич ходил между рядами, приводя захватывающие примеры и яркие образы. Любовь к предмету передавалась и ребятам.

У его ученицы, выпускницы 1962 года средней школы № 2 Рязани Натальи Тороповой (Сафоновой) случайно сохранилась тетрадка по физике с пометками Александра Исаевича. Почти на каждой странице одобряющие реплики, как бы переписка, диалог с ученицей. Оценки — не всегда...

— Я часто болела, — рассказывает Торопова, — наверное, поэтому Александр Исаевич обращал на меня больше внимания. Но мне могло так казаться. С приходом нового учителя физики у меня пробудился интерес к предмету, стала получать одни пятерки. Он умел вдохновлять, вселять веру в себя. Все в классе занимались физикой с большой радостью, удовольствием. Александр Исаевич ввел свою систему преподавания по типу институтской. У нас были коллоквиумы, мы сдавали зачеты, часто ставили интересные опыты. Мне кажется, что Александр Исаевич с таким же успехом мог преподавать и литературу. Главное было в том, как он это делал.

Многие коллеги по школе вспоминают, что после уроков Солженицын никогда не задерживался в учительской, был редким участником праздничных сборов. Теперь мы знаем, что он стремился скорее к столу, к рукописи... Но тогда это казалось некоторым пренебрежением к обществу. Праздники уходили и приходили, а главы новых книг одна за другой откладывались в стол.

Но для общения с ребятами Александр Исаевич время находил всегда. Бескорыстно вел фотографический и астрономический кружки. Как вспоминает одна из его учениц, Людмила Алексеевна Черногорова, любовь к звездам Солженицын пробудил у нее и многих ее товарищей на всю жизнь. Собирал Александр Исаевич ребят обычно вечерами, и они шли к кремлю, где учитель рассказывал о небесных тайнах созвездий. И тогда в поэтическом повествовании раскрывался перед ребятами его литературный дар, тонкая душа. В эти минуты вечернего общения часто хотелось спросить у любимого учителя еще очень о многом, кроме звезд, например, откуда шрам на лице... ореол таинственности витал над Александром Исаевичем. Но спросить его о чем-то, кроме уроков, школьники не решались.

Солженицын не слишком любил принимать в доме гостей, но когда ребята приходили навещать его больного, был рад юным визитерам. Мальчишки в знак благодарности рубили дрова, копали огородик. Часто закрытый, как в раковине, от взрослых, Александр Исаевич был более открыт для ребят. Детей он любил. Но его педагогический талант и желание учить детей было слабее, чем потребность писать. Хотя, если бы не литература, сколько бы ребят он еще научил «читать» звезды....

II. Желание тишины

Небольшая квартирка в двухэтажном деревянном доме в Касимовском переулке (ныне улица Урицкого), где поселился по приезде в Рязань будущий писатель, была полна домашними. Жена, ее мать и две тетушки составляли ежедневный круг его общения. Но более всего Александру Исаевичу хотелось творить, а для этого были необходимы тишина и спокойствие. Достигнуть этого было очень трудно. Окна кабинета, в котором он писал, выходили на улицу — не слишком шумную, но и не слишком спокойную. Через дорогу был магазин, в который в начале дня привозили товар. Суэта с самого утра расстраивала. Через тонкие стенки доносились громкие

звуки из соседних квартир. Особенно раздражало радио у соседей наверху. Время от времени Солженицын поднимался и просил убрать громкость. Просьбу его выполняли, но через некоторое время непослушное радио вновь извергало потоки звуков на весь дом. Но действия соседей не были злонамеренны, у них на новый приемник просто не было денег. Узнав об этом, Александр Исаевич подарил им громкоговоритель.

Дома все было подчинено ритму, который задавал Солженицын. Старушки брали на себя все домашние заботы, вели себя тихо и скромно. Наталья Алексеевна принимала гостей не часто и если во время отдыха садилась за рояль, то звуки музыки скорее создавали благоприятную творческую обстановку для писателя, чем мешали.

Лучшее время для работы наступало с приходом тепла. Во дворе дома был сад. А. И. Солженицын устраивал свой столик под вишнями в укромном местечке и едва ли не с рассветом выходил писать. Нежно-розовый цвет по весне осыпался на его рукописи. Листки долго пахли свежестью утра.

Во время отдыха Александр Исаевич с удовольствием копался в маленьком огорожке, тут же во дворе. Иногда заглядывал к соседу в сарайчик со слесарным и столярным инструментом, перебрасывался ничего не значащими фразами и вновь садился за работу. Когда требовалось отдыха побольше, отправлялись на велосипедах с Натальей Алексеевной в пригород Рязани — Солотчу или даже подальше, в Брыкин Бор — центр Мещеры. Заповедные мещерские места вдохновляли не одного писателя, они заставляли возвращаться сюда каждого, кто хоть раз здесь побывал. Здесь было хорошо и Александру Исаевичу. Иногда летом Солженицын снимал домик в Солотче, недалеко от места, где раньше него жили и работали Гайдар, Паустовский, Фраерман.

Конечно, бывал Александр Исаевич и в Константинове — на родине Сергея Есенина. Дивился таланту русского поэта, выросшего на этой небогатой, скромной, но милой земле.

«Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далекой темной полоске хворостовского леса можно было так загадочно сказать: «На бору со звонами плачут глухари...»? И об этих луговых петлях спокойной Оки: «Скирды солнца в водах лонных...»? Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?», — писал Солженицын под впечатлением от встречи с родиной Есенина.

...Что пишет Александр Исаевич, никто из соседей не знал. Скромный учитель ни с кем не сближался, но старался поддерживать с окружающими добрые отношения. Но чаще всего это было «здравствуйте — «до свидания». Плохого о нем тоже никто сказать не мог. Знакомые к Солженицыну практически не ходили, он не пил, компаний не водил. Такой сосед устраивал всех.

В вишневом саду рано или поздно созревали вишни, желтела листва. После того, как исчезали стайки тонких и изящных паутинок бабьего лета, работать в саду становилось невозможно. Осенний дождь и сырость загоняли Александра Исаевича в тесное, не слишком удобное жилье. Школьные заботы мешали сосредоточиться на главном. Но огромное желание высказаться, сильная воля и талант помогали преодолевать все трудности. Рукопись «Одного дня...» была закончена в конце 1961 года.

По просьбе Солженицына повесть в журнал принес его друг Лев Копелев. Скоро ее прочитал Твардовский. Про «необыкновенную рукопись «Один день одного зека» неизвестного автора, подписанную псевдонимом Рязанский, Александр Трифонович рассказал как об одном из интереснейших открытий своей жизни. Почти год ушел у Твардовского на пробивание повести Солженицына. Благодаря личному указанию Хрущева «Один день Ивана Денисовича» появился в ноябрьской книжке журнала «Новый мир».

Конечно же, А. И. Солженицын сразу стал известен и в Рязани. Он ушел из школы и стал заниматься только литературным трудом. Но лишь в 1966 году у Солженицына появилась возможность перебраться в новую, более просторную квартиру.

В доме № 1 по улице Юннатов Солженицын с семьей жил на первом этаже в трехкомнатной угловой квартире с выступающими фонариками окнами. Это жилье было более удобным, а по тем временам даже роскошным...

III. Окололитературные страсти

Писатель не может быть слабым человеком, хотя бы потому, что он обязан говорить правду. Это во все времена делать было нелегко. Ремесленников от пера помнят только издатели, а талантливого писателя — даже неизданного — помнят все. Стремление замолчать его творчество, как правило, приводит к обратному. Но нужно быть мужественным человеком, чтобы достойно пережить гонения и не сломаться до неоправданного покаяния. А. И. Солженицын несомненно мужественный человек и талантливый писатель. Эти качества неотделимы у него друг от друга. Они со всей яркостью проявились за время жизни Александра Исаевича в Рязани. В эти годы он стал знаменитым, и в это же время начался второй этап гонений на Солженицына.

Власть уходила из рук Хрущева. Поддержанная им повесть «Один день Ивана Денисовича», несмотря на отсутствие достойной конкуренции, не получила Ленинской премии. Вокруг Александра Исаевича стали распространяться нелепые слухи о его сотрудничестве с немцами (!). Опровергнуть их печатно не позволяли. Когда политика в стране с приходом Брежнева резко изменилась, отношение к писателю в Рязани соответственно тоже стало иным. Люди меняли свои взгляды, как флюгеры.

После публикации в журнале «Новый мир» повести «Один день Ивана Денисовича», рассказов «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела» и других вопрос о его членстве в Союзе писателей СССР решался очень быстро. Сразу на самом высоком уровне. Мнения писателей — членов Рязанского областного отделения Союза писателей РСФСР — никто, как водится в таких случаях, не спрашивал.

Но многие из них принялись писать положительные очерки и статьи в местную и центральную прессу о творчестве А. И. Солженицына. Вот что опубликовал в молодежной газете в 1963 году о повести «Один день Ивана Денисовича»

В. Матушкин, в то время ответственный секретарь Рязанского отделения Союза писателей РСФСР: «Вскрывая художественными средствами пороки прошлого, повесть А. Солженицына помогает народу в святом и необходимом деле — разобраться в решениях партии, чтобы бороться за полное торжество ленинских идей...

Читая повесть, поражаешься непоправимому урону в золотом человеческом фонде, который понесли мы в годы культа»...

Эта и другие рецензии местного производства успешно перекликались с отзывом, публикуемым тогда в «Правде»: «Повесть А. Солженицына, порой, напоминает толстовскую художественную силу в изображении народного характера...»

«Известия» называли Солженицына не иначе, как «сильный талант», «подлинный помощник партии в святом и необходимом деле».

На встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры было сказано: «Такие произведения воспитывают уважение к трудовому человеку и партия их поддерживает».

Восторженные отклики и прием в Союз писателей не сбили Александра Исаевича с рабочего ритма. Он по-прежнему много грудился над романом «Раковый корпус», «В круге первом». Членство в Союзе дало ему относительную свободу во времени — он ушел из школы.

Собирая материалы, для «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын много ездил по стране, встречался с узниками сталинских лагерей, записывал свидетельские показания. Черновики рукописи тщательно прятал. Он не боялся за себя. Людей подводить не хотел. Много примеров о «ГУЛАГе» добыто в Рязани. Репрессированных или их родственников здесь тоже хватало. К этим людям Александр Исаевич относился с большой теплотой и доверием.

Из рязанских писателей Солженицын мало с кем сближался и общался. В основном это были встречи на собраниях, каких-либо активах, которые он посещал не часто и без всякого удовольствия. Как вспоминает поэт Борис Жаворонков, сидел он всегда в сторонке. Лицо его выражало напряжение, тревогу человека, которому надо защищаться... Видно, не верил он в долговременность оттепели.

Вскоре, действительно, наступили перемены. Но не к лучшему. Следили за каждым шагом писателя. Многие люди, которые с ним дружили — в Рязани ли, в Москве ли,— попадали под подозрение. В рязанской квартире было установлено подслушивающее устройство. Дышать стало совсем трудно. Шел 1969 год.

Рязанским писателям была дана команда провести собрание по исключению А. И. Солженицына из членов Союза писателей. Эрнст Сафонов, будучи в то время ответственным секретарем областной писательской организации, сопротивлялся. Вот как он пишет об этом в газете «Московский литератор»:

«Свое несогласие проводить собрание по исключению А. И. Солженицына из Союза писателей после короткой беседы со мной «на самом верху» я выразил 31 октября 1969 года на заседании рабочего, секретариата СП РСФСР, которое проводил Леонид Соболев в присутствии инструктора ЦК КПСС Жильцовой и на котором «уговаривали» меня в течение четырех часов (А. Соболев: «Вы-то молоды, а вот как мне, старику...») Жильцова: «В конечном счёте вопрос решен, независимо от того, как вы лично или даже вся ваша организация поступит...»). Причем, ради истины уточню, что в своей тогдашней позиции я исходил не из «идейных» соображений - просто не желал быть «стрелочником», не желал выступать в навязываемом мне качестве: «застрельщика, инициатора».

Через несколько дней, в то время, когда Э. Сафонов лежал в больнице, собрание все-таки провели. 4 ноября в канун праздника Великой Октябрьской социалистической революции. Больного, с высокой температурой привезли из Касимова писателя Николая Родина. Необходим был кворум. Акт «возмездия» должен был состояться во что бы то ни стало.

Кроме Н. А. Родина на собрании присутствовали рязанцы — члены Союза писателей — В. С. Матушкин, С. Х. Баранов, Н. С. Левченко, Е. Ф. Маркин, А. И. Солженицын, секретарь Союза писателей РСФСР Ф. Н. Таурин, секретарь Рязанского обкома КПСС А. С. Кожевников, зав. отделом пропаганды обкома КПСС В. Н. Шестопалов, секретарь горкома КПСС Н. И. Севастьянова, партгрупорг Рязанской писательской организации

Н. К. Поваренкин и председатель областной организации журналистов А. С. Прокофьев.

Началось собрание с информации Ф. Н. Таурина о решении секретариата СП РСФСР «О мерах усиления идейно-воспитательной работы среди писателей».

Это было начало атаки на Солженицына. Партийные и прочие руководители присутствовали на собрании для контроля и для значимости дела. Выступить должны были писатели, предварительно прошедшие соответствующую обработку. Все и выступили. Никто, даже те, кто не хотел и испытывал нравственные муки, не смог устоять против такого давления.

Первым речь произнес В. С. Матушкин, который всего пять лет назад устно и печатно высказал о Солженицыне иное мнение.

«Мы, члены Союза писателей, и должны быть правдивыми в обсуждении наших дел... Я считаю, что Солженицын А. И. не выполнял требования Устава писателей. Больно слышать, когда нашу мать-Родину враги поливают грязью, но Солженицын не реагировал на это, хотя враги и использовали его имя и произведения для этой цели. Он, как видно, любил работать один, без писательской организации. Как ни тяжело говорить об этом, но нам надо расстаться с ним. Пути у нас с ним разные».

С. Х. Баранов: «...У меня осталось неприятное впечатление от расхваленных в свое время произведений Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и рассказа «Матренин двор». В палитре автора были лишь одни черные краски. Произведения эти антинародны. Они полезны только нашим врагам, как оружие против нашей Родины. Разве нормально такое положение, когда мы не знаем, что и как пишет Солженицын, почему он печатает свои новые произведения за рубежом, а не у нас на Родине? Как же можно состоять в Союзе писателей и делать неблагоприятные дела?»..

Е. Ф. Маркин: «Прием в Союз писателей Солженицына был произведен поспешно. Как себя

сейчас чувствуют те, кто поспешно его принимал в Союз?.. По-моему, Солженицын и не принадлежал Рязанской писательской организации».

Н. С Левченко: «О Солженицыне идет большая шумиха на Западе. Советский писатель, хотел он того или нет, оказался знаменем наших врагов. Я бы на месте Солженицына пришел бы в Союз писателей к своим товарищам и обязательно посоветовался, как ему быть».

Н.К. Поваренкин: «Солженицын оторвался от нашей организации, а член Союза писателей должен быть активным борцом за строительство коммунизма. Видно, он вступил в Союз с какой-то другой целью. Его произведения наносят большой вред нашему обществу, чернят наше светлое будущее. Повесть «Один день...» мог написать только наш идейный противник».

Самым скромным из всех выступающих в выражениях был Н. А. Родин. Но и он поддержал общее решение. Поддержал и всю жизнь потом каялся, переживал. Этот эпизод в его жизни и сейчас лежит тяжелым камнем на душе. Долго не мог начать писать после этого собрания. Но слово-то не воробей. Увы! Сейчас, когда отношение к Солженицыну переменялось, и лауреат Нобелевской премии признан и реабилитирован, наконец, и у нас в стране, вспоминать об этом вдвойне больно.

Что чувствовали и могли чувствовать сейчас другие писатели-обвинители, сказать трудно. Их уж нет в живых.

Вот что отвечал Солженицын на обвинения в отсутствии патриотизма, игнорировании первичной писательской организации и т. д.:

...«Меня обвиняют в том, что я не выступал со своим мнением по поводу статьи в «Литературной газете». Я потратил много сил, чтобы мой «Раковый корпус» не печатался за границей, а был бы опубликован в нашей стране. Просил Правление СП СССР обсудить мой протест. Написал в «Литературную газету» и в итальянскую газету «Унита». Возражал против публикации моего произведения за рубежом. Мое письмо «Литературная газета» положила под сукно. Когда же в Италии напечатали «Раковый корпус», тогда и выступила «Литературная газета» (лишь спустя девять месяцев). Произведение «Пир победителей» у меня выкрали из стола. Оно нигде не было опубликовано, а «Литературная газета» судит о нем. Мое произведение «Круг» не обсуждали. Со мной творится какой-то «почтовый разбой»: мои письма и телеграммы вскрываются. Союз писателей не пересылает мне писем, адресованных мне. Лев Толстой говорил о том, что никогда нельзя забывать о тяжелых болезнях, если ты от них не излечился. Мой долг — не забывать о тяжелых болезнях Родины. Не замалчивать сталинизм! Не то это развращает молодежь. Почему отражение предмета считается сильнее самого предмета?»

В конце собрания, как водится, товарищ из вышестоящих инстанций (в данном случае секретарь Союза писателей РСФСР Ф. Н. Таурин) подвел итоги и дал свое резюме: «Главная вина Солженицына в том, что он не дал отпора врагам, которые сделали его имя центром враждебной идеологической борьбы против нашей Родины». В постановлении собрания, за которое проголосовали пять членов Союза писателей, при одном голосе Солженицына против, записали: «Собрание считает, что поведение члена СП СССР, члена Рязанской писательской организации А. Солженицына носит антиобщественный характер, в корне противоречит принципам и задачам, сформулированным в Уставе Союза писателей СССР», и постановили: «за антиобщественное поведение, противоречащее целям и задачам Союза писателей СССР, за грубое нарушение основных положений Устава СП СССР исключить литератора Солженицына из членов Союза писателей СССР. Просить секретариат Союза писателей РСФСР утвердить это решение». Прощение было чисто формальным. Там все уже было давно решено. Через месяц на отчетно-выборном собрании Рязанской писательской организации председатель Правления СП РСФСР Ю. И. Панкратов в своем выступлении дает «высокую» оценку решению писателей Рязани. «Рязанскую писательскую организацию можно поздравить — накануне съезда вы проявили высокую идейную бдительность и мудрость, исключив из рядов СП А. Солженицына, который фактически давно уже порвал с советскими писателями. Это решение свидетельствует о вашей зрелости. Ваше решение нашло широкий отклик в писательских организациях. Мы получаем телеграммы из разных уголков страны, в которых выражается единодушная поддержка вашему решению... Писатели-коммунисты принимают специальные решения, в которых единодушно поддерживают исключение Солженицына из рядов писателей. В Ленинграде, например, такой пункт постановления отчетно-выборного собрания был встречен аплодисментами».

Волна осуждений прокатилась по всей стране. К писателям присоединились трудовые коллективы, рабочие, колхозники. Школьников стали пугать именем Солженицына. В городе, в котором в конце пятидесятых годов Александр Исаевич нашел добрый, теплый прием, через десятилетие стало жить невмоготу. Во избежание личных неприятностей многие рязанские знакомые старались откреститься от попавшего в немилость писателя. Атмосфера вокруг А. И. Солженицына становилась все мрачнее.

«В Рязани меня бы задушили», — писал в письме Галине Вишневской и Мстиславу Ростроповичу Александр Исаевич, объясняя причину переезда, в Москву. К тому же семейная жизнь с Решетовской опять не ладилась.

В Москве у А. И. Солженицына постоянного места жительства не было. Он жил то у одних, то у других друзей, стараясь отрешиться от всего внешнего, продолжал писать.

Но как бы ни было тяжело, А. Солженицын не собирался покидать Родину. Это пришлось ему сделать помимо собственной воли. В феврале 1974 года писатель с мировым именем, лауреат Нобелевской премии был выдворен из СССР.

Жукова, И. Учитель из Рязани: Малоизвестные страницы из биографии А. И. Солженицына / И. Жукова // Литературная Россия. 1990. 23 марта (№12). — С.20.

Неширокие улицы с деревянными домами в центре, только-только заселенные новостройки на окраинах, железобетонные остовы строящихся заводов и видный со всех точек города величественный кремль с синими куполами-луковками. Старинный русский город сохранил еще черты древности. Такой предстала Рязань перед Александром

Исаевичем Солженицыным в 1956 году. Оказался он здесь по воле случая. После войны с 1949 года в Рязани жила бывшая жена Александра Исаевича Наталья Алексеевна Решетовская. Она преподавала химию в Рязанском сельскохозяйственном институте. После развода отношения восстановились, и они вновь решили быть вместе.

Были мысли о литературном труде, были первые опыты, но зарабатывать на хлеб насущный нужно чем-то более реальным: Александр Исаевич поступил на работу во вторую среднюю школу Рязани. Этой старейшей школе города — бывшей мужской гимназии — «везло» на знаменитых людей. Здесь учились академик Иван Павлов, писатель Константин Симонов, выступала Надежда Константиновна Крупская. Кто бы мог подумать тогда, что и скромный учитель физики и астрономии Солженицын тоже составит славу школе... Отнеслись к новому преподавателю в школьном коллективе доброжелательно, с пониманием. Многие знали о том, что Солженицын подвергался репрессиям, но никто не расспрашивал его об этих тяжелых годах жизни.

Уроков Александр Исаевич старался брать немного — в среднем около пятнадцати часов в неделю. Но вел их добросовестно и вдохновенно. Занятия его любили, и преподавателем он считался сильным и интересным. Для всех, кто его знал по школе, вплоть до публикации в журнале «Новый мир» повести «Один день Ивана Денисовича», А. И. Солженицын был только коллегой, учителем. Он с таким интересом относился к занятиям, что заподозрить его во второй большой «любви» было трудно.

Вот что вспоминает об учительствовании Александра Исаевича учитель истории школы № 2 О. Б. Сулович:

— Кан преподавателя А. Солженицына очень уважали и ценили. Он всегда работал с выдумкой. Ученикам было интересно на его уроках. На урок астрономии, например, мог принести томик Толстого, Достоевского. Прочитает какой-нибудь отрывок из произведения и спрашивает, что здесь неправильно с точки зрения астрономии. Писатели ведь любят описывать звезды, но часто бывают неточны в их описании. Солженицын любил точность.

У него со всеми были ровные, добрые отношения. Он не старался ни с кем сблизиться, но никто не воспринимал это как обиду. Александр Исаевич не лез в мелочные дразги, но, если нужно было, проявлял принципиальность. Был очень гордый и не терпел хамства. Особенно от чиновников. Некоторое время наша школа была базовой для Академии педагогических наук СССР. Однажды завуч, Александр Исаевич и я поехали в Москву, в один из институтов, за разъяснениями. Зашли в кабинет к заведующему нужного нам сектора. Тот, вальяжно развалившись в кресле, прикрылся от нас газетой. Мы подождали минуту, две, пять. Первым не выдержал Солженицын. Безмолвно повернулся и вышел. Мы за ним. За дверью он остановился, еще раз пробежал табличку с надписью «доктор педагогических наук» и вздохнул: «Мне страшно читать это! Он даже на ученика не тянет».

— Были ли когда-нибудь у вас или у других учителей разговоры на литературные темы, о его ненаписанных книгах?

— Если и говорили, то на какие-то общие темы. Впервые о его книгах я разговаривал с Александром Исаевичем уже после его ухода из школы. Ми встретились в филармонии. Я поздравил Солженицына с выходом повести «Один день Ивана Денисовича». Спросил, не собирается ли он писать книгу о школе. Александр Исаевич ответил, что, может быть, и написал бы, но написанное им все равно не напечатают.

И. А. Петров, в то время преподаватель физики школы № 2:

— Мы сталкивались с Солженицыным только по работе. Он энергичный, темпераментный человек. Объяснения его на уроках были захватывающими, эмоциональными. О том, что он пишет, не знал. Думал, что Александр Исаевич, так же, как и мы все, полностью захвачен учебной работой. Ребята на уроках слушали его с большим вниманием. Я часто был свидетелем его блестящих уроков.

— Он чем-то отличался от других учителей?

— Разве что несколько большей обособленностью. Жил какой-то своей, внутренней жизнью. Интерес к Александру Исаевичу, конечно, был всегда. Он казался необычным человеком. Никого не допускал к себе в душу...

Гораздо мягче, раскованнее, менее настороженно Александр Исаевич вел себя с учениками. Когда он — высокий, строго одетый — входил в кабинет, класс замирал. Не от трепетного страха — от живого интереса к учителю, к предмету, который он вёл.

У его ученицы, выпускницы 1962 года Натальи Тороповой (Сафоновой), случайно сохранилась тетрадка по физике с пометками Александра Исаевича. Почти на каждой странице как бы переписка, диалог с ученицей, одобряющие реплики. Оценки — не всегда...

— Я часто болела, — рассказывает Торопова, — наверное, поэтому Александр Исаевич обращал на меня больше внимания. Но мне могло так казаться. С приходом нового учителя физики у меня пробудился интерес к предмету, стала получать пятерки. Он умел вдохновлять, вселять веру в себя. Все в классе занимались физикой с большой радостью, удовольствием. Александр Исаевич ввел свою систему преподавания, по типу институтской. У нас были коллоквиумы, мы сдавали зачеты, часто ставили интересные опыты. Мне кажется, что Александр Исаевич с таким же успехом мог преподавать и литературу. Главное было в том, как он это делал.

Многие коллеги по школе вспоминают, что после уроков Солженицын никогда не задерживался в учительской, был редким участником праздничных сборов. Теперь мы знаем, что он стремился скорее к столу, к рукописи... Но тогда это казалось некоторым пренебрежением к обществу. Праздники уходили и приходили, а главы новых книг одна за другой откладывались в стол.

Но для общения с ребятами Александр Исаевич время находил всегда. Бескорыстно вел фотографический и астрономический кружки. Как вспоминает одна из его учениц, Людмила Алексеевна Черногорова, любовь к звездам Солженицын пробудил у нее и многих ее товарищей на всю жизнь. Собирал Александр Исаевич ребят обычно вечерами, и они шли к кремлю, где

учитель рассказывал о небесных тайнах созвездий. И тогда в поэтическом повествовании раскрывались перед ребятами его литературный дар, тонкая душа. В эти минуты вечернего общения часто хотелось спросить у любимого учителя еще очень о многом, кроме звезд, например, откуда шрам на лице... ореол таинственности витал над Александром Исаевичем. Но спросить его о чем-то, кроме уроков, школьники не решались.

Солженицын не слишком любил принимать в доме гостей, но когда ребята приходили навещать его, больного, был рад юным визитерам. Мальчишки в знак благодарности рубили дрова, копали огородик. Часто закрытый, как в раковине, от взрослых, Александр Исаевич был более открыт для ребят. Детей он любил. Но его педагогический талант и желание учить детей были слабее, чем потребность писать. Хотя, если бы не литература, сколько бы ребят он еще научил «читать» звезды...

Решетовская, Н. Александр Солженицын и читающая Россия : документальное повествование / Н. Решетовская // Литературная Россия. – 1989. – С.12-14

Глава I. Признание

«Главную радость «признания» я пережил в декабре прошлого года, когда Вы оценили «Денисовича» бессонной ночью. После этого остальные похвалы не были для меня перхлестывающими».

(Из письма А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА А. Т. Твардовскому от 12.11.62)

Октябрь 1961 года, XXII съезд партии...

В те дни мне пришлось съездить в поселок Шилове Рязанской области. Вместе с преподавательницей основ марксизма-ленинизма я должна была консультировать там студентов-заочников нашего сельскохозяйственного института. Мы приехали в Шилово накануне, поэтому были свободны и долго гуляли под вечер. Из громкоговорителя на всю округу неслись речи делегатов съезда. На небе светились какие-то удивительные розовые столбы. Это к нам, в среднюю полосу России, пришло северное сияние.

В номере гостиницы мы оказались вдвоем. Уединение располагало к откровенности. Коллега с сожалением вспомнила времена, когда был жив Сталин и все верили ему, полагались на него: все было так ясно... Я молчала, верная привычке быть сдержанной в политических оценках. Долгое время эта сдержанность нужна была мне самой — жене политзаключенного. Теперь она нужна была нам с Александром Исаевичем, чтобы надежнее защитить его тайное творчество.

Все, что я слышала сейчас, было противоположно оценкам мужа. Я невольно сопоставляла эту разницу взглядов с впечатлением, которое произвел на мою сослуживицу Александр Исаевич. Я познакомила их на вокзале, когда он провожал меня. «Какое умное лицо у вашего мужа!» — сказала она в поезде.

В «Известиях» печатались не все съездовские выступления. Александр Исаевич пошел в читальню и прочел речь Твардовского в «Правде». Вернулся очень возбужденным:

— Твардовский сказал, что писатели не использовали тех возможностей, которые открыл перед ними XX съезд партии. Что если ему дать «Щ»?

Александр Исаевич решил на это именно потому, что высоко ценил Твардовского не только как редактора, но и как писателя. Еще в сорок четвертом году муж писал мне с фронта, что ему попала «первая правдивая (в моем духе) книжка о войне — «Василий Теркин». Вообще Твардовский — один из лучших (не лучший ли?) советских поэтов». С тех пор литературные вкусы мужа изменились во многом, но не в отношении Твардовского.

Александр Исаевич надеялся, что Александр Трифонович примет «Щ» и сердцем. Сам вышедший из крестьянской среды, Твардовский не мог не оценить выбора героя. Быть может, это же обстоятельство произведет впечатление и на Хрущева.

Прежде чем рассекретить повесть, Александр Исаевич уменьшил биографичность судеб отдельных персонажей, кое-что смягчил в политическом отношении, еще больше отшлифовал в литературном. Во время этого, уже четвертого, редактирования говорил мне, что у него появилось новое ощущение еще большей ответственности за художественную сторону произведения. Печатал он «Щ», как всегда, тесно, почти без полей, с обеих сторон листа. Фамилии автора на всякий случай не поставил. Никакой.

Передать повесть Твардовскому Александр Исаевич решил через Копелева, дружба с которым началась еще в Марфинском лагере. Жена Копелева собиралась отнести в «Новый мир» повесть Л. Чуковской «Софья Петровна» и согласилась передать «Щ-854». Перед тем как отдать повесть Твардовскому, А. Берзер, редактор отдела прозы, попросила зашедшего в редакцию Копелева поставить на рукописи хоть вымышленную фамилию автора. Недолго думая, тот написал: А. Рязанский. Берзер принесла Твардовскому сразу обе рукописи. Александр Трифонович согласился взять лишь одну из них. Берзер кратко охарактеризовала повести.

— Ну, давайте ту, где заключенный с увлечением работает! — решительно выбрал Твардовский.

Начал он читать следующим вечером уже лежа в постели. Но скоро встал, сел к столу и прочел ее взахлеб к половине пятого утра. Кто автор этой удивительной вещи? Фамилия Рязанский ни о чем не говорила. У кого узнавать? В девятом часу утра Твардовский позвонил Берзер. Той лишь известно, что автора знает Копелев. Александр Трифонович звонит ему. Узнает, что автор повести — учитель из Рязани и друг Копелева.

— Вы должны гордиться таким другом. Ничего подобного давно не читал. Хороший, чистый, большой талант. Ни капли фальши...

Твардовский недоумевает, как Копелев мог быть у него несколько дней назад, хлопоча о сборнике «Гарусские страницы», и ни ч е г о не сказать о повести?! Нам-то это не показалось странным. Мы хорошо помнили первое впечатление Копелева: «Щ-854» — типичная производственная повесть в духе соцреализма».

Придя из института, я увидела на письменном столе мужа телеграмму. Прочла и... задохнулась. «Тихое житье», как называл муж годы, прожитые в Рязани, разом кончилось. Мы стояли у порога неведомой жизни. Счастье захлестнуло нас. Я то и дело вытирала слезы. Дня за два до этой телеграммы как будто поджидает именно этот день. 11 декабря, когда Александру Исаевичу исполнилось сорок три года, к нам одну за другой по ошибке почты принесли две совершенно одинаковые телеграммы: «Прошу возможно срочно приехать редакцию нового мира зпт расходы будут оплачены = Твардовский».

Александр Исаевич ответил, что приедет на следующий день. Ночь почти не спали. Сколько лет мы не позволяли себе мечтать... А теперь я дала волю фантазии. Неужели пришел конец тайному творчеству мужа, начатому еще в лагере, продолженному в годы ссылки, а потом в период пятилетнего «тихого житья»?.. Неужели пробил час, когда будет вознагражден подвиг человека, который ни разу не отложил пера, не имея никакой уверенности, что когда-нибудь увидит хоть одну строку свою напечатанной?.. Неужели пришел и конец нашей затворнической жизни?..

Такого взлета чувств не было у меня с поездки осенью пятьдесят шестого года в деревню Мильцево Владимирской области, где у Матрены Васильевны жил в то время вернувшийся из ссылки Александр Исаевич и где мы во второй раз соединили наши жизни.

Утренним семичасовым поездом муж уехал в Москву. А у меня, совсем некстати, — открытая лекция по «полимерам». Это опустило на землю, ввело в привычное русло. Закрались сомнения: действительно ли изменится наша судьба? Ведь очень трудно будет вернуться к прежней жизни и по-прежнему ощущать ее счастьем. По дороге в институт загадала: если первым со мной поздоровается мужчина — у Сани все будет удачно! Первым поздоровался наш институтский дворник, милейший Павел Алексеевич, дядя Паша. Да не просто поздоровался, а, как редко кто в наши дни делает, снял шапку и низко поклонился. И все-таки не мираж ли это? Но нет, как бы ни сложилось, не отнимется, что «Щ-854» Твардовский читал всю ночь напролет,

был восхищен ею: «Ничего подобного давно не читал. Хороший, чистый, большой талант!»

Вечером Александр Исаевич вернулся домой. Приехал какой-то даже растерянный. Молча вынул из чемоданчика и показал нам с мамой большой плотный лист, на котором значилось: ДОГОВОР. Я глазам не поверила. Без сил опустилась на стул, а слезы так и текут...

Вот что рассказал Александр Исаевич об этом дне... В «Новый мир» направился вместе с Копелевым. Редакция помещалась тогда в самом начале улицы Чехова, рядом с Пушкинской площадью. Александру Исаевичу понравился особняк с крутой парадной лестницей, с переходящими одна в другую комнатами. Копелев представил Солженицына Кондратовичу, Озеровой, Берзер... Кондратович сразу же спросил:

– Что у вас есть еще?..

Александр Исаевич уклонился от прямого ответа:

– Давайте сначала решим с тем, что в редакции...

В начале второго приехал Твардовский, прямо с заседания Комитета по Ленинским премиям. Пожимая руку Солженицыну, сказал обычное приветствие, но как-то очень серьезно, как бы вкладывая в слова особое значение:

– Здравствуйте, Александр Исаевич!

Кабинет главного редактора — большая неизолированная комната. Письменный стол — в стороне, у окна. Посредине — старинный, с закругленными углами. За ним и проходила беседа. Твардовский и Солженицын — друг против друга; по бокам — остальные. Начал Твардовский:

– Вы написали отличную вещь. Не знаю, в каких школах вы учились, но пришли к нам совершенно сформировавшимся писателем. Нам не приходится вас ни учить, ни воспитывать. Избрана малая форма, в этом — опытный художник. Описан один день, но о тюрьме все сказано. Удачен выбор героя: не Цезарь, например. Эта вещь в известном смысле выше «Мертвого дома»: там народ дан глазами интеллигента, здесь же интеллигенция дана глазами народа. День выбран настолько рядовой, что даже бани нет. Всех людей представляешь и на фронте, и на сибирских стройках. Кавторанга жалко, даже Фетюков вызывает сочувствие. Важно, что нет ужасов.

Твардовский выразил удивление, что у Солженицына, южанина, такой сочный язык. В разговор вступили и другие. Все члены редакции поражались, что повесть, как выяснилось, написана не сейчас.

– Тем ценнее: выдержанная вещь, — заключил главный редактор.

Здесь же, за «новомирским» столом, родилось окончательное название повести — «Один день Ивана Денисовича». Александр Трифонович расспросил автора о семье, работе, зарплате. Сумма в шестьдесят рублей произвела эффект! Александр Исаевич имел в школе минимальную нагрузку, давно считая писательство своим главным делом. Основные расходы по содержанию семьи покрывались моим доцентским заработком. Твардовский спросил, есть ли у Александра Исаевича еще что-нибудь законченное. Солженицын оставил ему некоторые из стихов, но предупредил, что считает себя прозаиком, а не поэтом. Стихи же писал в лагере потому, что их легче запомнить. Рассказал Александру Трифоновичу, как тот однажды «спас» его: во время «шмона» у з/к Щ-262 (так именовался Солженицын в Экибастузском лагере) нашли клочок бумажки со стихами о войне. Сказал, что это Твардовский. Поверили.

Оформление договора шло с «ракетной скоростью». Твардовский при этом хотел поставить высший гонорар, но его сдержали: первое произведение, пока — триста рублей за лист.

Муж привез домой отзывы заместителей Твардовского.

У Кондратовича: «Печально, что мы это, наверное, не сможем напечатать. Печально потому, что рассказ написан с такой силой правды, с таким тонким пониманием психологии простого человека, попавшего в бесчеловечные условия лагеря, потерявшего многие из естественных человеческих качеств и, несмотря ни на что, сохранившего многие, — что при чтении совершенно забываешь о какой-либо литературе. И это не документальное произведение, а художественное, написанное точно, жестко, без малейшей фальши, с той ненавязчивостью художественного обобщения, когда слова «типично», «характерно» и пр. становятся звуком пустым, поскольку помимо всего есть здесь и индивидуальная судьба человека. Очень талантливо. Но как печатать?..»

У Дементьева: «Написано выше всех похвал. И веришь, что всё правда. Но угол зрения: в лагере ужасно и за границами лагеря (в жизни) все ужасно. Случай сложный. Не печатать —

бояться правды, загонять ее в подполье, чтобы она распространялась из-под полы. Печатать — невозможно. Все же показывает жизнь с одного боку, невольно искажая и смещая перспективы. Не поможет, пожалуй, никакое предисловие или послесловие».

Словом, что повесть может быть напечатана, верил, вероятно, один Твардовский. Александру Исаевичу говорили в редакции, что не помнят, когда Александр Трифонович так хвалил кого-нибудь.

Пока редакция готовила немногие замечания по доработке «Ивана Денисовича», Александр Исаевич встречно готовил для «Нового мира» рассказ «Не стоит село без праведника», который в первой редакции был закончен раньше.

— Это не может не понравиться Трифоновичу! — говорил он убежденно.

В тот год зима была ранней. Еще в конце ноября выпал обильный снег. По вечерам мы частенько становились на лыжи и отправлялись в любимый квадратный сквер, где бегали по лыжням, проложенным вдоль его сторон.

Александр Исаевич делал обычно пять-шесть кругов, а я три-четыре. Если никого, кроме нас, не было — мы любили двигаться в противоположных направлениях. Встречаясь, перебрасывались мыслями и снова разъезжались. В те часы особенно ясно думалось.

Именно в одно из таких катаний родилось окончательное название романа, заменив рабочее — «Шарашка». Прежнее — «В первом круге ада» — его не удовлетворяло. В то время он думал, как бы его заменить. Думала над этим и я. И вот, когда мы в очередной раз встретились, я остановила мужа и, положив ему обе руки на плечи, очень уверенно сказала:

— Я знаю, как назвать роман. Ты примешь.

— Так уж и приму? — ласково-недоверчиво спросил Саня.

— В первом круге.

Под этим заглавием и узнают читатели роман.

Вечерние катания на лыжах освежали нас: возвращались румяные, довольные, обеспечив себе крепкий сон. Мы не раз говорили, как хорошо было бы жить возле самого сквера, и даже фантазировали, в каком из окружающих домов хотели бы поселиться.

В свой последний свободный вторник, 26 декабря, муж снова поехал в «Новый мир». На этот раз отвез туда «Матрену», а назад привез стихи, которые Твардовский вернул через секретаря: не понравились. Такая же участь ждет и «Крохотки», которые Александр Трифонович воспримет как «заготовки к будущим произведениям». И еще кое-что забракует, ибо его твердое убеждение: ничто из последующих произведений Солженицына не должно уступать «Ивану Денисовичу»!

Глава II. Преддверие

«От Александра Трифоновича зависит далеко не все, но все, что от него зависит, он сделает. Итак, будем ждать».

(Из письма А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА Зубовым от 18.01.62)

После вторичного посещения «Нового мира» Александр Исаевич окончательно поверил: все, что произошло в Москве, отнюдь не сказка. Потому, возвратись домой, решил порадовать друзей по ссылке и самых первых читателей его послелазерных произведений — Елену Александровну и Николая Ивановича Зубовых, живших теперь в Крыму. Он пишет им письмо, пронизанное милым юмором, который важен еще и потому, что муж за многие годы привык быть

сдержанным в письмах: ведь когда-то из-за них его арестовали.

«Вас очень удивит, — писал он, — если я скажу, что (по стеснительности таясь даже от Вас) я немножко баловал литературой в свободное время, то есть имел дерзость пытаться писать. Так я написал некую повестушку «Один день Ивана Денисовича». И после XXII съезда мне показалось, что как раз самое встречали мы с мыслями о будущем лете, об очередных путешествиях. Но тут наши летние планы все расплылись и закачались. В этом не было ничего странного: вся жизнь, казалось, стала зависеть от судьбы повести.

Мы так много ждали от наступающего 1962 года, что невозможно было встречать его, как обычно, в тесном семейном кругу. Хотелось вырваться на простор, мчаться навстречу будущему!.. Разумеется, муж не мог в одной романтике найти оправдание для нашей поездки в Москву. Нашлось и дело: теперь, когда он вышел из «подполья», открыл себя как писателя лагерной темы, нужно было подумать о хранении рукописей еще где-то кроме дома. А потому с нами вместе поехал увесистый сундучок, который нашел пристанище у наших друзей Теушей.

В канун Нового года мы гуляли по Москве. Купили билеты на органный вечер. Зашли в магазин мужской одежды. И — о чудо! — Саня согласился купить новый костюм. Это было настоящим событием, особенно для меня!

Новый год мы встречали у Александры Александровны Поповой или просто Шуры — моей подруги времен аспирантуры. Александр Исаевич был в только что купленном сером костюме, а мы с Шурой как молодые: она — в розовом, я — в голубом. Александр Исаевич занимал нас пересказом романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», который ему удалось недавно прочесть. Слушали хорошую музыку. В новогодних тостах не обошли и «Ивана Денисовича».

Утром 1 января поехали к другу мужа по заключению — художнику С.М. Ивашеву-Мусатову, выведенному в «Круге первом» под фамилией Кондрашев-Иванов. Побывали в его мастерской. Уже не в первый раз видел Александр Исаевич картины, написанные на воле, и не переставал надеяться, что Ивашев-Мусатов обратит свою кисть на то, через что прошли оба. Разве может что-либо сравниться с социальной несправедливостью?..

Однако Сергей Михайлович по-прежнему основной картиной, написанной в нескольких вариантах, считал «Отелло». Александр Исаевич решительно не понимал этого! Ведь образы Шекспира уже отражены в тысячах полотен. Как могут литературные образы, хотя бы и Шекспира, захватывать больше, чем вереницы живых заключенных, с которыми художник так долго делил тяготы жизни?..

Но Сергея Михайловича больше захватывают глубоко личные переживания человека. Он чувствует в Шекспире творческую мощь, которая максимально приближает к познанию ДОБРА и ЗЛА. Разве Отелло — ревнивец? Нет, трагедия Отелло в другом: обманутое доверие... Что же, в самом деле, страшнее — потеря доверия к обществу? Или к одному человеку, но — единственному? Чья рука сильнее бьет? Равнодушная рука закона? Или рука самая дорогая?..

Сразу после органного вечера я уехала в Рязань, а муж остался на обсуждение рассказа «Не стоит село без праведника». Обсуждение состоялось в кабинете Твардовского. По мнению Александра Трифоновича, рассказ сходен с моральной прозой Толстого. И сходен в хорошем смысле: не влияние, не фразы, не почерк... Но все же это «чуть-чуть пожиже «Ивана Денисовича». У автора — удивительно пытливый взор ко всему. Но уж до того не с парадной стороны все показано! Хоть бы один заходил с другой стороны! Все вокруг — вурдалаки. В Фаддее — нечто мистическое...

Повествователь — симпатичный, не хвастается, не озлобленный, не потерявший интереса к жизни. Но слишком уж христианское отношение к ней. Религия имела слабое сдерживающее влияние, не следует преувеличивать... А в заключении добавил как бы и не совсем в шутку:

— Только не станьте идеологически выдержанным, прошу вас!

Александр Трифонович опасается, что напечатать «Матрену» будет еще труднее, чем «Ивана Денисовича».

Вся редакция «Нового мира» благоговела перед Александром Исаевичем. Одна женщина-редактор сказала ему: «Если бы для того, чтобы напечатать «Ивана Денисовича», мне пришлось пожертвовать карьерой — я бы пошла на это!»

Муж вернулся из Москвы с намерением долго туда не ездить, предоставив событиям идти своим чередом. Все заботы по продвижению «Одного дня» легли на Твардовского. Солженицын

принялся за «последнюю», как он думал, редакцию «Круга первого». С января по апрель все свободное от школы время печатал роман на любимой машинке «Рене». Журнал его не тревожил. Казалось, дела в Москве замерли.

А «Иван Денисович» тем временем начал жить...

В «Новом мире» повесть давали читать лишь избранным, всегда на предельно сжатый срок, и все же ее размножили. Об одном случае нам известно: распределенная между четырьмя энтузиастками, рукопись была перепечатана за одну ночь. Появилась и фотокопия, которая стала ходить по рукам. Пронесся слух, что повесть читают в «Малеевке», что кто-то выучил наизусть и декламирует целые страницы. Твардовский болезненно относился к возможной утечке рукописи из редакции, но сам же не мог сдержаться.

— Хотите верьте, хотите нет — у меня лежит рукопись нового Гоголя, — говорил он Вере Пановой.

А придя однажды к Виктору Некрасову, спросил: — Ты помнишь, как один великий писатель пришел к другому великому писателю по поводу рождения третьего великого писателя? Я шучу, конечно, потому что тебя великим не считаю. Но родился-таки великий писатель!

Александр Трифонович даже стал понемногу давать читать повесть. Отдыхая в Барвихе вместе с К.И. Чуковским, дал ему «Ивана Денисовича». Корней Иванович, прочитав, пришел к Твардовскому очень взволнованный и поздравил с рождением большого таланта. Интерес к повести, подогреваемый характеристиками Твардовского, все возрастал.

В конце апреля, закончив шестую редакцию «Круга», Александр Исаевич съездил в Москву, где узнал некоторые из новостей. После уговоров согласился дать «Один день» Эренбургу. Созвонившись с его секретарем, зашел к ней (Эренбург оказался в отъезде) и был поражен, узнав, что повесть уже прочтена и понравилась. «Хорошо, что в повести нет никаких восклицательных знаков, даже имя Сталина не упоминается, — сказала секретарь. — Однако непонятно, почему написано не от лица интеллигента?..»

Это недоумение было настолько распространенным, что Александр Исаевич решил раз и навсегда сформулировать ответ: «Конечно, проще и легче было бы написать об интеллигенте (и, наверно, сбиваясь на себя: «Какой я хороший и как я пострадал»).

Но я решился на Шухова как на линию наибольшего сопротивления. Помогло мне в этом обстоятельство, что, помещенный с Шуховым в те же условия, тот же бушлат, на те же работы, ни чем для них, в их глазах, не отличимый от них (образовательный ценз роли не играл, скорее выглядел там цензом отрицательным, воспитание казалось безвозвратно потерянным) — я приобрел возможность почувствовать все так же, как и они. Эффект был тем более полным, что сроку не предвиделось конца. Это было то «счастливое» преимущество наше перед писателями XIX века! Движимые великой любовью к «меньшому брату» и самопожертвованию, они часто не щадили себя, чтобы сблизиться с народом, — но полностью вступить в его шкуру все равно не могли: и мужики с недоверием чувствовали в них бар, и сами они, даже паша землю, не могли упустить из виду, сто вот окончат работу, пойдут в чистый дом, помоются, сядут за хороший стол.

Вот я и решил воспользоваться преимуществом данным судьбой!»

После возвращения мужа из Москвы мы наконец- то планируем наш летний отдых. Весна уже в полном разгаре. Если с «Иваном Денисовичем» не решится в ближайшее время, мы сможем уехать. Ведь летом литературная жизнь замирает. Да и кто знает, что ждет нас впереди. Пока не поздно, посмотрим-ка Сибирь! Мы еще не были там, если не считать путешествия Александра Исаевича по Сибири в «столыпине» да пребывания в пересыльной тюрьме. Тем более хотелось ему посмотреть Сибирь не через тюремную решетку. А там, возможно, и Алтай прихватим! Но сначала — Байкал и верхний Енисей. И у нас в доме появился очередной том великого географа и путешественника Семенова-Тян-Шанского.

Тем временем «Новый мир» не бездействовал. В мае рукопись «Одного дня» готовится для сдачи в Главлит, хотя никто не сомневается, что ее не пропустят. В таком случае она будет передана в ЦК. Тут вспомнили, что Чуковский, покоренный повестью, прислал в «Новый мир» восторженный отзыв, озаглавленный «Литературное чудо». Это надоумило редакцию запастись мнением других авторитетных писателей. Маршак сделал это охотно: «Повесть написана с тем чувством авторского достоинства, какое было присуще только большим писателям. Главное

достоинство повести Рязанского, — помимо ее отличного языка, меткости и живости образов, — в глубокой человечности. Без преувеличения могу сказать, что любой наш писатель, прочитав ее, повысит требования к себе, а читатель — к литературе. Было бы непростительно утаить ее от читателя. Сердечно благодарю тебя, Александр Трифонович, за то, что ты дал мне возможность познакомиться с этой замечательной рукописью».

К. Федин и И. Эренбург от письменных отзывов воздержались.

Сам Твардовский готовил предисловие к повести. «Иван Денисович» вместе с этим предисловием и отзывами должен был, минуя Главлит, поступить прямо в Центральный Комитет.

Обо всем этом мы в то время ничего не знали. Были заняты своими привычными делами. А в конце июня отправились в сибирское путешествие. Мы наметили ехать поездом до Уфы, оттуда плыть на теплоходе по Белой и Каме до Перми. Потом снова поездом — в Свердловск; Красноярск, Иркутск. А там теплоходами по Енисею и Байкалу. Остановки были рассчитаны так, чтобы одновременно повидаться с лагерными друзьями мужа. В городе Чайковском — с Н. А. Семеновым — «Андреичем», строившим там Боткинскую ГЭС, в Свердловске — с ныне покойным Ю. В. Карбе.

Самые незабываемые впечатления связаны с Байкалом. Гуляя по берегу, Александр Исаевич даже размышлял в одном из распадков: когда-нибудь построить здесь дачу, воду к которой подавал бы родник, энергию — солнечные батареи, а по утесам разбегались бы прогулочные дорожки. Мы не подозреваем, что это — наши последние беззаботные денечки... В то время, как мы мчались к самой дальней точке путешествия, чтобы проехать оттуда по бывшей кругобайкальской железной дороге, насчитывающей до сорока туннелей, из Москвы в Рязань по проводам летели неожиданные слова: «Приезжайте редакцию тчк телеграфьте день выезда = Твардовский».

Мама срочно сообщила нам о телеграмме и о том, что дала Твардовскому почтовый адрес; Красноярск, до востребования. Пока муж не собирался ломать наши планы. Но в Красноярске нам подали телеграмму: «Срочно телеграфьте возможность кратковременного приезда в Москву связи подготовкой рукописи сдаче набор = Твардовский». Сдача рукописи в набор?.. Неужели это в самом деле возможно? «Приеду двадцать первого раньше не выбраться» — летит ответная телеграмма. Куплены обратные билеты.

А пока — несколько дней плавания по Енисею. И — снова поезд. В Кунгуре на вокзале продаются во множестве гипсовые фигурки. Среди них и Василий Теркин с гармошкой. Что-то там у Трифонова?..

Дождливым субботним вечером 21 июля мы прибыли в Москву. От Копелева и из телефонного разговора с Берзер муж впервые узнал о чрезвычайно похвальных отзывах об «Иване Денисовиче» К.И. Чуковского, С.Я. Маршака и других. Узнал, что повесть ползет по Москве: в ходу как бы не пятьсот экземпляров!.. Но самое главное: повесть прочел референт Хрущева В.С. Лебедев. Именно в связи с его замечаниями Александра Исаевича и вызвали из Сибири. После необходимой переделки рукопись должна идти непосредственно к Хрущеву.

Твардовский изложил замечания референта. Говорил с большой теплотой и, как показалось Александру Исаевичу, даже задабривающе. Дементьев, напротив, говорил в довольно наступательном тоне. Сказал о возможной обиде старых большевиков, пострадавших в тридцатые годы, о нескольких юмористических нотках в подаче Кавторанга Буйновского, о том, что очень уж в лоб высмеивается «Броненосец «Потемкин».

— У меня нет такой заветной мечты: увидеть свою повесть напечатанной, — озадачил присутствующих Александр Исаевич. — Я ждал долго и подожду еще.

Я не пойду на переделки, которые бы нарушили гармонию моей вещи или шли в противоречие с моей совестью. Я не могу писать для какой-то определенной группы читателей, я имею дело с материалом и предполагаю некоего обобщенного читателя...

Твардовский, явно огорченный столкновением, успокаивал Александра Исаевича: он отнюдь не обязан учитывать все замечания. Когда речь зашла о ругательствах в повести, Лакшин пошутил, что он против их устранения, ибо некоторые уже ввел в свой семейный обиход. Предисловие Твардовского и отзывы маститых писателей Александру Исаевичу не показали, отложив до следующего посещения «Нового мира».

Содержание:

1. Карева Е. Приезжайте к Солженицыну.....	1
2. Максимова С. Солженицын – фотограф.....	3
3. Болтикова Е. Вместе с Солженицыным	5
4. Крылов В. Сосновый бор также был его кабинетом.....	6
5. Потапов А. Новый год Александра Исаевича.....	7
6. Крылов В. И. Двадцать лет спустя.....	9
7. Ледовских Н. Путь и простор.....	11
8. Соколов Д. «Один день», который перевернул мир.....	15
9. Цуканова Т. Снимок из семейного альбома.....	18
10. Жбанков А. Этот разный, очень разный Солженицын... ..	19
11. Касаткин В. Рязанский взлёт.....	22
12. Касаткин В. Рязанский музей Александра Солженицына.....	24
13. Данилин Е. Тень пророка.....	25
14. Касаткин В. Писатель, гуманист, публицист.....	27
15. Гордиенко В. Музей «Для пользы дела» открыт.....	28
16. Реунов Н. Для пользы дела.....	30
17. Крылов В. На высоте своих чувств и дел.....	31
18. Кузьмин О. Рисунки художника Курбанова.....	33
19. Сафонов В. Осень отлучения в Рязани.....	35
20. Чернова Г. Александр Солженицын знакомится с Рязанью, Рязань – с Солженицыным.....	40
21. Касаткин В. Рязанские дни и труды Александра Солженицына.....	42
22. Гродзенский С. Исаич: из воспоминаний школьника 50-х годов.....	52
23. Жукова И. История одного письма Солженицына.....	59

24. Казаков А. Нарушить равнодушное безмолвие: Вместо предисловия к одному литературному этюду.....	60
25. Солженицын А. На родине Есенина.....	61
26. Жукова И. Свой среди чужих, чужой среди своих, или Зимы и весны А. И. Солженицына.....	61
27. Жукова И. Учитель из Рязани: Малоизвестные страницы из биографии А. И. Солженицына.....	68
28. Решетовская Н. Александр Солженицын и читающая Россия: документальное повествование.....	70